

ISSN 0042-8779

ДВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

11

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/2016 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- С.А. Папков** — Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Б.В. Петелин** — Курт Биденкопф 16

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А.И. Тетуев** — Проблема укрепления единства российской нации в условиях глобализации 28

СООБЩЕНИЯ

- К.В. Шеков** — Транспортно-промышленный колониционный комбинат Мурманской железной дороги в 1923—1934 гг. 35

- А.П. Шехшеев** — Красный террор на Енисее в 1920—1922 гг. 47

- Я.В. Трофимов** — Мировые суды в Области войска Донского во второй половине XIX в. 63

- И.В. Игнатченко** — Внешняя политика Июльской монархии в преддверии революции 1848 г. во Франции 73

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- В.В. Долгов** — Александр Невский в зеркале альтернативной истории 89

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Г.Б. Избасарова** — Шергазы Айшуаков — последний хан Младшего жуза казахов 98
- Д.П. Урсу** — Бенинский политик Матье Кереку 108

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Е.Н. Дербин, В.В. Тихонов** — «Маленький человек» против «больших» историков в эпоху «позднего сталинизма» 125
- Д. Лувсанцэрэнгин, С.А. Филин** — Роль Советского Союза в создании системы здравоохранения Монголии 133
- Г.В. Кретинин** — События 20 августа 1914 г. под Гумбинненом — бой или сражение? 140
- М.-П.Б. Абдусаламов, Н.Д. Чекулаев** — Кумыкские феодальные владетели и российская военная администрация на Кавказе в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. ... 146
- В.И. Балакин** — Нацизм в Японской империи в 1868—1947 гг. 153
- Г.А. Бахтияров** — Сотрудничество Азербайджана с тюркоязычными странами Средней Азии 157

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Л.В. Печалова** — Участие Русской Православной церкви в развитии кооперации в России во второй половине XIX в. 160

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Э.М. Летифова** — Северо-западные владения Азербайджана в русской историографии XIX — начала XX в. 167
- А.А. Кононенко** — Народничество и народнические партии в истории России в XX веке 173
- К.А. Соловьёв** — Аксаковы: семейная энциклопедия 174

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций

С.А. Папков

Аннотация. В статье дается анализ советских электоральных технологий, использованных сталинским режимом в 1937 г. в качестве средства легитимации партийно-государственной диктатуры. Рассмотрены особенности процедуры выдвижения кандидатов в депутаты, этапы публичного обсуждения претендентов и подготовка к основному акту голосования. Автор считает выборы в Верховный Совет СССР одной из наиболее крупных политических афер Сталина.

Ключевые слова: выборы, избирательный закон, ВКП(б), советское руководство, И.В. Сталин, Верховный Совет СССР, выдвижение кандидатов, избирательный бюллетень, голосование.

Abstract. The article provides an analysis of the Soviet electoral techniques used by Stalin's regime in 1937 as a means of legitimizing the party-state dictatorship. The features of the nomination procedure for deputies, stages of public discussion and preparation of candidates to the basic act of voting. The author concludes that the elections to the Supreme Soviet of the USSR as one of the most important political Stalin scams.

Key words: Elections, electoral law, the CPSU(b), the Soviet leadership, Stalin, the Supreme Soviet of the USSR, the nomination of candidates, the ballot, voting.

Выборы 1937 г., впервые проведенные в сталинском государстве с применением формальных демократических процедур (выдвижением и предварительным обсуждением кандидатур, всеобщими прямыми выборами и тайным голосованием граждан) оставили очень глубокий след в советской политической истории. По своей сути, они заложили фундамент советской избирательной системы, создав своеобразную модель, по которой готовились и проводились все последующие выборные кампании в СССР, а также в других странах советского блока вплоть до полного краха Советского Союза. Корни этой системы оказались настолько живучи, что отдельные ее элементы продолжают сохраняться в современной России как рудименты политического монополизма и такого же домини-

Папков Сергей Андреевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск). E-mail: spapkov@ya.ru.

Papkov Sergey A. — doctor of historical sciences, professor, leading researcher at the Institute of History SO RAS. Novosibirsk. E-mail: spapkov@ya.ru.

рования исполнительной власти, какое существовало в условиях СССР.

В современной научной литературе предпринимались попытки описать этапы разработки избирательного законодательства, подготовку и проведение выборной кампании в Верховный Совет, а также прояснить политические коллизии в высшем руководстве СССР в ходе этих важных мероприятий ¹. Однако такие аспекты выборов, которые заключали в себе элементы необычной политической игры и применения своеобразных выборных технологий, исследованы лишь в самой общей форме и поэтому нуждаются в дальнейшем изучении.

1937 г. — год первых всеобщих выборов — должен был стать для сталинского руководства важным этапом на пути укрепления коммунистической диктатуры. После принятия новой Конституции в декабре 1936 г. советскому режиму предстояло получить окончательные формы легитимности: закрепить на практике провозглашенные нормы и принципы построения государства, по своему демократизму не только не уступающие действующим нормам Западного мира, но и превосходящие их, как это представлялось в официальной пропаганде. Иначе говоря, планировалось соединить несоединимое: внедрить в политическую жизнь страны важнейшие процедуры демократического государства в виде всеобщего избирательного права и тайного голосования, сохранив при этом гарантии большевистского господства.

Опыт западной демократии с ее действующими институтами занимал значительное место в сталинской пропаганде. Накануне выборов о нем систематически твердили все информационные источники. Он служил отчетливым ориентиром и объектом для сравнения, выдавая стремление Сталина создать нечто подобное в советской России. Газеты, журналы, многотиражные брошюры писали о «буржуазном парламентаризме», «мнимом демократизме буржуазных конституций», разбирали «недостатки избирательных систем» Англии, США, Швейцарии, Франции, Бельгии и т.д. Обращение официальной пропаганды к демократической практике Запада как некоей модели, хотя и подавалось в форме традиционной критики, было одним из характерных аспектов избирательной кампании 1937 года. Внешние свойства политической системы свободного мира, которые Сталин надеялся укоренить в СССР в ходе всеобщих выборов, призваны были придать диктатуре гуманистические черты, облечь ее в одежды respectable государства, где власть слышит свой народ и даже делит с ним некоторые полномочия.

Выборы — выборами, но коммунисты, разумеется, ни при каких условиях не допускали ни малейшей возможности утраты или ослабления своей монополярной власти в случае неожиданного исхода голосования. Более того, сам факт подобной «неожиданности» был настолько невероятным в советской действительности 1930-х гг., что весь замысел с проведением всеобщих выборов при тайном голосовании заранее становился поразительным политическим экспериментом, невиданным новшеством, которое советские правители на глазах остального мира рассчитывали вживить в ткань своего режима каким-то волшебным способом. Это вопиющее противоречие между неким «демократическим замыслом» и реальной большевистской практикой явилось главным своеобразием всей избирательной кампании

1937 года. Оно породило целую серию неожиданных, спонтанных шагов со стороны сталинского руководства с применением беззастенчивых избирательных манипуляций и неприкрытого обмана миллионов избирателей.

Процесс подготовки предстоящих выборов начался с разработки и принятия специального избирательного закона под названием «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». В июне 1937 г. «Положение» было утверждено на пленуме ЦК ВКП(б), а затем оформлено как постановление IV сессии ЦИК СССР и опубликовано по всей стране². Текст документа содержал ряд любопытных деталей. Кроме описания общих процедур, по которым должны были проходить выборы (формирование списков избирателей, избирательных участков и комиссий, порядок выдвижения и регистрации кандидатов, подсчет голосов и проч.), «Положение» включало в себя пункт о предстоящей конкуренции претендентов на депутатский мандат.

Это действительно было нечто совершенно новое для СССР, где о процедурах всеобщих и свободных выборов, тайном голосовании и конкуренции за голоса избирателей население знало до сих пор лишь как о «способах обмана со стороны буржуазии капиталистических стран».

Ключевые слова о границах допустимого выбора содержались в главе VII «Положения», описывавшей «Порядок голосования». В статье 80-й этой главы говорилось: «Избиратель в комнате, отведенной для заполнения избирательных бюллетеней, оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркивая остальных». «Положение» однако не объясняло, какое число кандидатов может выдвигаться по одному избирательному участку, но слова о «вычеркивании остальных» ясно говорили, что кандидатов на каждый мандат будет не менее двух-трех человек. Этой же схеме голосования соответствовали и другие статьи «Положения», где речь шла о «результатах подсчета голосов по каждому кандидату» (ст. 93), о протоколах окружных избирательных комиссий, фиксирующих «число голосов, поданных за каждого кандидата» (ст. 102), о «перебаллотировке двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов» (ст. 107).

Становилось вполне очевидным, что сталинское руководство готовилось к акту исключительной важности — проведению выборов с применением процедуры открытой состязательности нескольких кандидатов (пусть даже с участием одних коммунистов), арбитром в которой являлись бы сами избиратели. Столь решительный переход к конкурентной форме голосования породил массу самых различных толкований, в том числе и в историографии, благодаря которым Сталин начал выглядеть сторонником широкой либерализации большевистского режима и даже инициатором конституционной реформы со сменой самой системы партийного господства в стране³.

Выборы, намеченные на декабрь 1937 г., были уже второй избирательной кампанией в течение одного года. Первые состоялись весной 1937 г. (март-апрель) и касались лишь первичных звеньев партии. Они тоже проводились по новой, «демократической», схеме. Тогда впервые было допущено самое широкое критическое обсуждение кандидатов в члены парткомов и опробовано тайное голосование комму-

нистов, позволившее обновить партаппарат и избавиться от скомпрометированных коммунистов. Аналогичная модель конкурентной борьбы закладывалась теперь в сценарий всеобщих выборов для населения СССР.

Однако между этими двумя фазами выборов имелось огромное различие. В ходе партийных выборов весны 1937 г., протекавших в атмосфере яростной критики руководителей нижнего уровня, масса выдвигавшихся секретарей и других начальников была буквально растерзана рядовыми партийцами, а карьеры многих ответственных лиц были уничтожены.

Нечто похожее теперь, по-видимому, готовилось для руководителей регионального звена — секретарей обкомов и крайкомов ВКП(б), начальников управлений НКВД, председателей краевых и областных исполкомов — основных кандидатов в Верховный Совет СССР. В случае выдвижения нескольких кандидатур из числа подобных лиц участниками критического отбора «наиболее достойных» становилась бы огромная беспартийная масса. Но какая судьба тогда ожидала бы «менее достойных»?

Планом намечаемых советских «очистительных выборов» Сталин делился даже с представителями Запада, олицетворявших в его глазах наиболее развитую электоральную систему. 1 марта 1936 г. в интервью председателю американского газетного концерна Рою Говарду он сказал: «Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу... Миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»⁴.

Столь необычные и даже резкие выражения об «отбрасывании негодных», произнесенные к тому же в демонстративной форме, невозможно было воспринимать как обычную риторику. Сталин явно готовил аппарату сюрприз в виде прямого и нелицеприятного общения с населением с расчетом произвести таким способом большие кадровые перемены. Цитируя сталинское предупреждение о «хлысте в руках населения», член комиссии по подготовке избирательного закона Я.А. Яковлев на сессии ЦИК СССР в июле 1937 г. при окончательном утверждении «Положения о выборах» подчеркивал: «Так сказал товарищ Сталин. Это значит, что выборы будут суровой проверкой, суровым экзаменом для советских работников — кто его не выдержит — полетит — и по заслугам!»⁵

Слова о «суровой проверке» и «суровом экзамене» для руководящих работников звучали в центральной печати в течение лета 1937 г. и широко тиражировались местными изданиями.

Три месяца, с июля по сентябрь 1937 г., партийно-советский аппарат вел подготовительную работу к альтернативным выборам, стремясь довести содержание избирательного закона до самых нижних

слоев советского общества. Тексты Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет» служили основным пропагандистским материалом для каждой партийной ячейки деревни и города, для агитационных кружков, массовых собраний и митингов на предприятиях и в колхозах. Огромными тиражами были изданы брошюры с выступлениями Я.А. Яковлева, М.И. Калинина, А.Я. Вышинского, подробно разъяснявшие устройство избирательных округов, порядок организации избирательных участков и избирательных комиссий, а также саму процедуру подачи голосов. Партия настойчиво готовила население СССР к ответственному выбору в день предстоящего голосования. В сентябре 1937 г. колхозники Сибири читали в массовой газете слова Калинина: каждый избиратель «идет в изолированную от других лиц комнату или кабину, специально приспособленную для заполнения избирательных бюллетеней, где вычеркивает неудобных ему кандидатов, оставляет в каждом бюллетене фамилию того кандидата, за которого хочет голосовать, вкладывает бюллетень в конверт и, заклеив, опускает его в избирательный ящик... Таков в общем процесс голосования. Запросов по этому поводу идет очень много, но мне кажется, что глава седьмая “Положения о выборах в Верховный Совет СССР” дает полный ответ на возникающие вопросы о порядке голосования. Следует только внимательно прочитать эту главу» ⁶.

Калинин в данном случае был прав: «Положение о выборах» не содержало неясных или противоречивых пунктов и не оставляло места для различных толкований. Однако весь дальнейший избирательный процесс неожиданно резко свернул в сторону. Это произошло в октябре, а рубежом стал пленум ЦК ВКП(б), утвердивший новую стратегию ⁷.

С середины октября 1937 г. выборная кампания начала приобретать конкретные очертания, по которым можно было увидеть реальный замысел ее организаторов. Повсеместно были созданы избирательные комиссии, а в конце октября начался один из самых важных этапов кампании — процедура выдвижения кандидатов в будущий советский парламент.

Сценарий выдвижения, как и весь последующий процесс подготовки к голосованию, заключался в поэтапном проведении необычного политического эксперимента. Как показали последующие события, цель его состояла в том, чтобы шаг за шагом провести избирателей через серию бессмысленных для электорального процесса пропагандистских мероприятий и в конечном пункте (в день голосования) поставить миллионы голосующих перед лицом единственного кандидата по каждому округу. Иначе говоря, разрабатывался акт публичной подмены, превращавший выборы в пустышку, в заурядное мероприятие одобрения — выборы без выбора — какими они и были до сих пор. Этот сценарий содержался в директивной телеграмме ЦК ВКП(б), разосланной в октябре 1937 г. в обкомы и крайкомы ВКП(б) за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова. В телеграмме содержался список из 32-х человек, включая членов Политбюро, членов ЦК ВКП(б), а также нескольких общеизвестных в стране героев — летчиков, полярников и стахановцев. Список возглавлял Сталин, за ним шли Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Андреев, Калинин, Косиор, Чубарь, Жданов, Эйхе, Ежов, Петровский, Хрущёв,

Буденный, Блюхер, Литвинов, Булганин, Шверник, Шмидт, Крупская, Чкалов, Водопьянов, Молоков, Громов, Москатов, Косарев, Мехлис, Мануильский, Шкирятов, Маленков и Вышинский. Партийным комитетам предлагалось выдвинуть эти 32 персоны кандидатами в Верховный Совет «в любом из избирательных округов Советского Союза независимо от того, где они будут окончательно баллотироваться»⁸. Маленков разъяснял, что фамилии названных вождей и героев должны быть выдвинуты по нескольким округам «наряду с представленными вами и одобренными ЦК ВКП(б) кандидатами», но «потом в день выборов будет баллотироваться только одна кандидатура». Эту своеобразную хитрость с подменой кандидатов Маленков объяснял следующим образом: «Всю эту процедуру с выставлением кандидатов из списка 32-х считаем нужным рекомендовать ввиду того, что рабочие и крестьяне хотят выставить на заводских и колхозных собраниях наиболее популярных в стране руководителей партии и Советского власти почти во всех местностях. Иначе все будут удивлены, что известные руководители партии выставляются каждый из них только в одном каком-либо округе, а трудящиеся других округов не хотят или не имеют права будто бы назвать их в качестве своих представителей. Получается, что каждый из известных руководителей партии является вождем только в одном округе, а для остальных округов они остаются неизвестной фигурой». Маленков назвал такое положение «несообразностью», которую следует «ликвидировать», и одновременно предложил распространить эту схему выдвижения «на некоторых местных работников области по усмотрению обкома, т.е. примерно: секретари обкома и другие могут быть выставлены кандидатами в депутаты Верховного Совета не в одном, а в двух или нескольких округах независимо от того, что баллотироваться этот товарищ будет в одном избирательном округе»⁹.

Способ выдвижения вождей и героев по нескольким округам, изобретенный в ЦК ВКП(б) и предлагавшийся теперь Маленковым, напрямую не противоречил избирательному закону, поскольку ограничений по выдвижению в законе не предусматривалось вообще. Он просто обесмысливал закон, так как реализовать этот способ было невозможно: согласно «Положению о выборах» кандидаты могли «голосоваться только в одном округе» (ст. 62). Поэтому дальнейший избирательный процесс превращался в политический абсурд, в массовую пропагандистскую забаву для избирателей. Конечно, сами избиратели не могли знать о готовящейся замене нескольких претендентов одной кандидатурой, но накануне регистрации подлог все равно должен был получить огласку, и властям предстояло найти этому публичное объяснение.

В последних числах октября 1937 г. избирательный процесс вошел в решающую стадию. В стране развернулась широко освещаемая в печати кампания по проведению предвыборных собраний, на которых трудовые коллективы начали формировать списки своих кандидатов. Списки всюду возглавляли советские вожди и герои во главе со Сталиным, а в конец шли местные представители партийно-советских работников или стахановцев. В процедуре публичного выдвижения можно было увидеть определенное правило: коллектив каждого предприятия, крупного учреждения, колхоза или учебного заведения выдвигал в основном одного претендента — чаще кого-либо «из списка

32-х» и реже — местного работника или стахановца, по одному в каждую палату — в Совет Союза и Совет Национальностей. Но были другие комбинации, говорившие о стремлении местных руководителей придать кампании видимость конкуренции. В Алтайском крае, например, кандидатами в Совет Союза во многих коллективах одновременно выдвигались от двух до шести претендентов¹⁰. Подобные примеры имелись и в Иркутске: в одном из строительных трестов инженерно-технические работники и служащие выдвинули трех кандидатов в Совет Союза (Молотова, Кагановича и Щербакова) и пять — в Совет Национальностей¹¹.

Наряду с кандидатами в Верховный Совет коллективы выдвигали также своих представителей на предвыборные совещания. Там многочисленные предложения сводились в единый список от избирательного округа, а затем этот список передавался на утверждение в окружную избирательную комиссию для внесения в избирательные бюллетени. Каждая фаза этого процесса протекала через голосование — сначала на общих собраниях в трудовых коллективах, затем — на предвыборных совещаниях и окончательно — в избирательных комиссиях. Предвыборные совещания проходили в течение двух недель, в конце октября — начале ноября 1937 года. А затем начались предвыборные окружные избирательные собрания. Здесь списки кандидатов обретали законченную форму. Путем некоторого суммирования выдвинутых кандидатов создавался в итоге единый список, включавший несколько известных претендентов во главе со Сталиным, а к ним — кого-нибудь «из местных». Так, например, Новосибирское городское окружное совещание — 1200 чел. — от имени «70 тысяч рабочих, служащих, инженерно-технических работников и общественных организаций» округа № 183 утвердило выдвижение пяти претендентов в Совет Союза (Сталин и другие) и только одного (командующего СибВО Антонюка) — в Совет Национальностей. Совещание выбрало также доверенных — 141 чел. — для работы на избирательных участках и приняло «Обращение ко всем избирателям» городского округа с призывом «отдать свои голоса за товарища Сталина и его соратников»¹². Такой же сценарий с некоторыми вариантами действовал и в других городах. Списки окончательно утвержденных претендентов иногда содержали имена 8—10 человек¹³.

Но 10 ноября, накануне официального объявления имен утвержденных кандидатов, сталинское руководство перевернуло шахматную доску. В этот и в последующий дни советские газеты сообщили, что вожди партии и государства — 23 чел. — «по указанию ЦК ВКП(б)» снимают свои кандидатуры во всех округах, кроме одного, «так как по закону каждый из нас может баллотироваться только по одному из избирательных округов». Избирательная кампания фактически обнулялась: с этого момента теряли силу все решения массовых митингов и собраний, резолюции предвыборных совещаний и окружных избирательных собраний, обращения и призывы к миллионам избирателей, а также решения избирательных комиссий в тех регионах, где уже состоялась регистрация кандидатов (как, например, в Алтайском крае). Проведенный с таким упорством и агитационной шумихой процесс выдвижения оказался пустой затеей. Подготовку к выборам следовало начинать заново.

Внезапная перемена в избирательном процессе породила немало путаницы и недоразумений. В период этого странного политического маневра некоторые газеты не смогли быстро перестроиться; несколько дней они продолжали публиковать материалы по выдвижению на местах членов руководства СССР как альтернативных кандидатов, причем иногда в одном номере одна часть информации противоречила другой. Сообщалось, например, об отказе вождей баллотироваться в нескольких округах, а ниже помещались резолюции очередных массовых собраний по выдвижению этих же лиц. Еще большая неразбериха возникла в связи с перебаллотировкой местных руководителей, выдвинутых ранее друг против друга. Часть из них «перебросили» в другие избирательные округа, но газеты продолжали агитировать за них, не замечая изменений¹⁴.

Однако наибольшие проблемы породила сама перспектива выборов без выбора. Многие избиратели отчетливо увидели, что произошел откровенный обман, что вместо состязания претендентов им предлагают пустышку, и теперь возмущались созданным положением. Поднялась волна глухого общественного недовольства, которая прорывалась сквозь официальные каналы, вызывая беспокойство в партийной среде. «В связи с тем, что баллотироваться по округу в Совет Союза будет один кандидат, возникли недоразумения даже среди актива, — сообщал, в частности, секретарь Прокопьевского горкома ВКП(б) Вильнин. — Горком ВКП(б) специально провел работу по разъяснению этого вопроса партийному и комсомольскому активу, агитаторам и доверенным»¹⁵.

В 20-х числах ноября, за две недели до голосования, были организованы повторные предвыборные собрания. Как и ранее, их пришлось проводить в каждом городе и районе, привлекая большую массу людей и тратя усилия на новую разъяснительную работу. Сам процесс выдвижения кандидатов значительно сузился: все обсуждения теперь повсеместно велись только по одной кандидатуре в каждую палату, то есть от первоначальных четырех-восьми претендентов в каждом избирательном округе остались лишь двое, в комбинации: местный начальник и стахановец, либо — оба начальники. Заметно снизился также пропагандистский пафос и показной энтузиазм кампании.

Ликвидировав процедуру выдвижения альтернативных фигур, советское руководство скорректировало весь дальнейший избирательный процесс. 16 ноября всем партийным комитетам от имени Сталина была разослана закрытая директива ЦК ВКП(б), в которой выдвигались новые задачи по подготовке к выборам. Директива требовала сменить тактику партии в проведении кампании. Каждой ячейке и парткому поручалось перенести свои действия непосредственно в гущу населения и на избирательные участки, чтобы избиратели не были «предоставлены сами себе». В центре внимания должны были встать «вопросы техники выборов, вопросы организации работы участковых комиссий на избирательных участках в день проведения выборов в Верховный Совет СССР». «Организационно-технические вопросы, — подчеркивалось в директиве, — имеют огромное значение для организованного проведения выборов. ЦК ВКП(б) предлагает горкомам и райкомам ВКП(б) тщательно проинструктировать каждую участковую избирательную комиссию по всем вопросам организации работы

на избирательном участке в день проведения выборов. В целях большей наглядности этого инструктажа необходимо его провести в помещениях, где будет происходить голосование, с тем, чтобы тут же была предусмотрена вся организационно-техническая сторона выборов, а именно: порядок входа и выхода избирателей из помещения, регистрация избирателей, расположение помещений для заполнения бюллетеней, место расположения избирательного ящика и т.д.»¹⁶.

Сталинская директива зачитывалась и обсуждалась на пленумах райкомов и горкомов, а также в крупных партийных парторганизациях, убеждая аппарат в том, что выборы окончательно превращаются в чисто техническое мероприятие. Многочисленные отчеты, поступавшие с мест в эти дни, сообщали о действиях партаппарата как о готовящейся спецоперации. Так, например, секретарь Анжеро-Судженского горкома Колмаков (Кузбасс) докладывал: «17 ноября 1937 г. проведено совещание хозяйственных и партийных руководителей, на котором присутствовало 127 человек. Поскольку в работе совещания принимали участие беспартийные, после обсуждения вопросов, касающихся их, с партийными руководителями проведено второе совещание, где широко обсудили и наметили конкретные практические мероприятия, вытекающие из указаний ЦК ВКП(б)... 21 ноября проведено (утром и вечером) общегородское—районное закрытое партсобрание, на котором присутствовало до 700 членов и кандидатов ВКП(б)... о ходе подготовки к выборам в Верховный совет СССР... С 22 ноября 1937 г. приступили к проверке избирательных участков и инструктажу участковых избирательных комиссий, проинструктировано 12 участковых комиссий и проведено 100 собраний рабочих и служащих»¹⁷.

Из Томского горкома сообщали: «Вопросам техники выборов уделяется исключительное внимание... После 16 ноября все партийные организации прикреплены к избирательным участкам и каждая парторганизация выделила для работы на агитпунктах и в кружках на избирательных участках людей... всего работает 1200 человек. Ряд парторганизаций обслуживает не по одному избирательному участку»¹⁸.

В этом цикле избирательной кампании активность партии достигла беспрецедентных масштабов. Армия функционеров — агитаторов, инструкторов, пропагандистов, доверенных лиц, уполномоченных от райкомов и обкомов — вела массивную обработку населения, проникая в самые отдаленные районы и поселки. «...Агитаторы сумели не только разъяснить избирателям их права и обязанности граждан СССР... но и прекрасно узнали, изучили каждого избирателя вплоть до бытовых мелочей, — сообщали томские работники¹⁹.

В начале декабря повсеместно были проведены третьи предвыборные совещания. На повестку выносились вопросы «мобилизации участковых избирательных комиссий, доверенных лиц, а также практические указания в части обслуживания избирателей в день выборов 12 декабря».

Но «вопросы техники выборов» не могли заслонить проблему пустого (безальтернативного) голосования. Столкнувшись с населением лицом к лицу впервые за все годы советской власти в необычной для себя обстановке, обязывавшей выслушивать народные претензии, партаппарат оказался в сложном, двусмысленном положении.

нии. Масса отчетов с мест убеждала в том, что многие избиратели не готовы были играть в предложенную им игру. Особенно часто о недовольстве людей докладывали агитаторы. «Много задается вопросов — почему только по одному кандидату будет в бюллетенях? Не есть ли это нарушение демократии и тайного голосования?» (Канифатов, Коченевский район Новосибирской области). «Вопрос задавали учителя, какое у нас будет тайное голосование, если по нашему Татарскому округу выставлено лишь два кандидата в две палаты Верховного Совета СССР? Тут и чернил и ручек не нужно, так как вычеркивать некого» (К. Петров, Венгеровский район Новосибирской области) ²⁰.

Волновались и партработники. На них была возложена прямая ответственность за «правильное голосование» граждан 12 декабря и им приходилось тратить большие усилия для продолжения затеянной игры с избирателями. Анжеро-Судженский горком ВКП(б) отчитывался об этом следующим образом: «С целью дискредитации выборов в Верховный Совет как в городе, так и в деревне распространяются враждебные слухи о том, что в бюллетени в Верховный Совет и Совет Национальностей включено лишь только по одному кандидату и нельзя уже вставлять других кандидатов, которые хотелось бы выбрать. Из этого делается вывод, что этим существо демократии сводится на нет. Поэтому со всеми агитаторами проведены инструктивные совещания и 24.XI.37 г. будет еще раз разъяснено на созываемом горкомом совещании агитаторов» ²¹.

Двусмысленность положения организаторов кампании усугублялась еще и тем, что официальная пропаганда сохраняла вид, будто никаких изменений в составе кандидатов не произошло, и избирателям действительно предстоит сделать самостоятельный выбор. Все разговоры и убеждение избирателей принять сталинский сценарий голосования велись неофициально, закулисно, вне открытых процедур, как будто партия и население готовились вступить в тайный сговор для успешного проведения важной политической операции против неких враждебных сил. Заявить открыто, что выборы будут без альтернативного голосования, партия не могла: для этого потребовалось бы изменить избирательное законодательство и главное — перестроить всю советскую пропаганду, то есть фактически признать поражение «советской демократии» перед «буржуазной». Поэтому партия подходила в dniu выборов с долей осторожности, действуя в основном закулисно — через закрытые совещания номенклатуры, негласные пропагандистские собрания, агитационные кружки, тщательный отбор агитаторов и членов избирательных комиссий, открыто подавая лишь некие сигналы обществу о «правильной» технике голосования. Один из таких «сигналов» высшего руководства СССР прозвучал в газете «Правда» 21 ноября 1937 года. В этот день была опубликована передовая статья «Об избирательном бюллетене», в которой рассказывалось, что ожидает избирателей 12 декабря и как им следует поступить при голосовании.

«Что представляют собой эти бюллетени? — задавала вопрос газета и отвечала. — Это лист бумаги, озаглавленный “Избирательный бюллетень по выборам в Верховный Совет...” Лист имеет две графы: в одной отпечатаны фамилии, имена и отчества кандидатов в депутаты (их может быть один или несколько), в другой — указания на

постановления общих собраний предприятий, колхозов, совхозов или обществ трудящихся, которые выставляли данную кандидатуру... Избирателю в бюллетене **ничего писать не надо** (выделено редакцией. — С.Л.). Ему нужно только оставить в бюллетене фамилию того кандидата, за кого он подает свой голос, остальные фамилии (если кандидатов два, три или более) зачеркнуть. В каждом бюллетене должна остаться незачеркнутой только одна фамилия, ибо избирательный закон допускает избрание только одного депутата по каждому избирательному округу. Если избиратель оставит в бюллетене незачеркнутой не одну, а две или три фамилии, то нельзя будет определить, за кого же он подал свой голос, и такой бюллетень будет признан недействительным»²².

Но если «ничего писать не надо», что тогда означало «остальные фамилии зачеркнуть»? И что нужно зачеркивать, если заранее было известно, что в каждом бюллетене осталось только по одной фамилии? Двусмысленность и лживость этих слов была совершенно очевидной любому наблюдателю, но партию это уже не смущало. Вступив на путь откровенного мошенничества, сойти с него было уже невозможно. Текст из газеты «Правда» был перепечатан и распространен по стране другими газетами, а слова о «вычеркивании остальных» продолжали широко использоваться в советской печати до последнего дня избирательной кампании.

Нетрудно представить, что в результате подобных пропагандистских зигзагов многие избиратели были основательно запутаны.

За три недели до дня голосования руководство страны решило дать открытое объяснение — почему советским избирателям не стоит рассчитывать на альтернативные выборы. Объяснения были сформулированы в духе типичной большевистской демагогии, из чего гражданам следовало уяснить, что в советской системе между депутатами нет и не может быть серьезных расхождений. Наоборот, у них — полное социально-политическое родство, поэтому конкуренция между ними бесполезна. Выдвижение одного кандидата — и есть истинное выражение социализма.

Именно такую трактовку выборов «нового типа» озвучил «советский президент», председатель ЦИК СССР М.И. Калинин 23 ноября 1937 г. на предвыборном собрании избирателей Ленинграда: «Кое-кто задает вопрос: “Ну, что же я пойду голосовать, ведь выделен всего один кандидат, он все равно пройдет”. Думать так — ошибка, грубая ошибка. И в капиталистических странах при выборах случается, что голосуют за одного человека. Это случается обычно в тех захолустных местечках, где всего пятьдесят выборщиков из дворянской челяди и один лорд, которого и “избирают”. А если у нас в ряде мест кандидаты снимают свои имена в пользу одного кандидата, это является следствием их социального родства и общности их политических целей. Десятки и сотни тысяч избирателей после обстоятельного обсуждения сошлись на одном кандидате. Это и есть признак социализма, признак того, что у трудовых масс нет и не может быть внутренних разногласий, таких внутренних разногласий, какие имеются внутри буржуазного общества»²³.

Запущенный механизм двойных стандартов — внутренних (для аппарата) и внешних (для публики) — действовал уже по инерции.

Даже накануне и в день голосования советские газеты открыто продолжали писать о возможности для избирателей «вычеркивать остальных». Причем подобные материалы преподносились как инструкция, как практическое руководство для граждан, так как размещались под рубрикой «Что должен знать каждый избиратель» и при этом сопровождались соответствующими рисунками для малоопытных²⁴. Наконец и сам бюллетень, образец которого накануне был показан в большинстве советских газет, и который 12 декабря избиратели получили в руки, чтобы затем опустить в урну, в правой стороне содержал те же слова: «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО (выделено в бюллетене — С.П.) кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните»²⁵.

Такой бесцеремонный подход к оформлению текста столь важного избирательного документа, каким являлся бюллетень, был исправлен лишь спустя год. В ходе последующих кампаний, начиная с выборов в Верховные Советы республик в июле 1938 г., бюллетени больше не содержали подобных надписей. Действовал уже иной, менее циничный, но по сути такой же бессодержательный подход, о котором сообщалось в газетах под той же рубрикой «Что надо знать избирателям о выборах»: «Раз в бюллетене напечатана фамилия только одного кандидата, и избиратель желает голосовать за этого кандидата, то он ничего в бюллетене вычеркивать не должен»²⁶.

Выборы в Верховный Совет стали одной из самых грандиозных сталинских политических афер. Первоначально задуманные как сложная и последовательная кампания по внедрению некоторых общедемократических процедур, они в итоге оказались массовой профанацией и обманом граждан. Эти выборы ввели в политическую практику страны фальшивые избирательные стандарты, искаженные нормы политической культуры и политического поведения. Сделав миллионы людей соучастниками имитационных процедур — от выдвижения до голосования и подсчета результатов — режим в очередной раз склонил общество к конформизму и заложил фундамент традиционного советского двоемыслия в новой для себя сфере — сфере использования демократических институтов. В итоге избирательный процесс в советских условиях утратил свой первоначальный смысл. Начиная с 1937 г., основным содержанием выборов в СССР стал лишь высокий процент явки избирателей на участки как показатель «нерушимости блока коммунистов и беспартийных», а скромной компенсацией для граждан за их участие в сделке с партией в этом «блоке» явилось создание атмосферы праздника в день голосования.

Примечания

1. ЖУКОВ Ю.Н. Репрессии и конституция СССР 1936 года. — Вопросы истории. 2002, № 1; ПАВЛОВА И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность. — Там же. 2003, № 10; ДОРОЖКИНА Я.Б. Избирательные кампании по выборам в верховные и местные советы в Западной Сибири (1937—1941 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Новосибирск. 2004.
2. Правда. 10.VII.1937; Известия. 10.VII.1937; Советская Сибирь (Новосибирск). 11.VII.1937.
3. ЖУКОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 3—25.

4. Правда. 5.VIII.1936.
5. Там же. 8.VII.1937; Советская Сибирь. 9.VII.1; Восточно-Сибирская Правда (Иркутск). 9.VII.1937.
6. Сельская Правда (Новосибирск). 6.IX.1937.
7. Какие причины побудили пленум ЦК ВКП(б) в октябре 1937 г. изменить сценарий выборов остается неизвестным. Материалы пленума не опубликованы до сих пор.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО), ф. П. 3, оп. 2, д. 822, л. 3—4. Эту директиву частично цитирует также И.В. Павлова, ошибочно полагая, однако, что в ней все еще выражался курс на альтернативные выборы, хотя и «в “превращенной” форме». См.: ПАВЛОВА И.В. Ук. соч., с. 32.
9. ГА НО, ф. П. 3, оп. 2, д. 822, л. 3—4.
10. Алтайская Правда (Барнаул). 2—3.XI.1937; Звезда Алтая (Бийск). 1, 10, 13.XI.1937.
11. Восточно-Сибирская Правда. 1.XI.1937.
12. Советская Сибирь. 2—3.XI.1937; Сельская Правда. 1.XI.1937.
13. Звезда Алтая. 4.XI.1937; Красное Знамя (Томск). 6.XI.1937.
14. ГА НО, ф. П. 4, оп. 1, д. 86, л. 10; Звезда Алтая. 13.XI.1937.
15. ГА НО, ф. П. 4, оп. 1, д. 80, л. 172.
16. ПАВЛОВА И.В. Ук. соч., с. 33; ГА НО, ф. П. 3, оп. 2, д. 822, л. 74—74об.
17. ГА НО, ф. П. 4, оп. 1, д. 79, л. 20—22.
18. Там же, д. 81, л. 42, 130.
19. Там же, л. 153.
20. Там же, д. 79, л. 142, 145 и др.
21. Там же, л. 20.
22. Правда. 21.XI.1937. Эти же рекомендации дословно см., например: Алтайская Правда. 27.XI.1937; Сельская Правда. 8.XII.1937; Восточно-Сибирская Правда. 27.XI.1937.
23. Правда. 24.XI.1937; Советская Сибирь. 26.XI.1937.
24. Восточно-Сибирская Правда. 7, 12.XII.1937; Сельская Правда. 26.XI, 8.XII.1937.
25. См., например: Звезда Алтая. 22.X.1937; Восточно-Сибирская Правда. 21.X.1937.
26. Красная Знамя. 23.VI.1938.

Курт Биденкопф

Б.В. Петелин

Аннотация. Политическая деятельность Курта Биденкопфа тесно связана с современной историей ФРГ и ХДС — крупнейшей политической партией, прошедшей через «обновление» в 70-е гг. XX в., к которому имел непосредственное отношение этот христианский политик. В его карьере были взлеты и падения, а немалую часть своей энергии он потратил на безуспешную «борьбу» с Гельмутом Коелем. В 1990 г. он возглавил земельное правительство в Саксонии и оказался одним из самых успешных премьеров в новой объединенной Германии. Именно тогда за ним закрепился уважительный эпитет — «король Курт».

Ключевые слова: Христианско-демократический союз, генеральный секретарь, социальное государство, политическая борьба, партийные реформы, объединение Германии, процесс трансформации.

Abstract. Political activity of Kurt Biedenkopf is closely connected with the modern history of Germany. Especially CDU — the largest political party, which has passed through «updating» in the 70th of the XX century on which this Christian politician had a direct bearing. In his career there were take-off and falling, and it has spent considerable part of the energy for unsuccessful «fight» against Helmut Kohl. In 1990 he has headed the land government in Saxony and it was one of the most successful prime ministers in the new unified Germany. Then the valid epithet — «king Kurt» was assigned to him.

Key words: Christian Democratic Union, general secretary, social state, political struggle, party reforms, reunification of Germany, transformation process.

Генеральные секретари были не только в КПСС. В Христианско-демократическом союзе ФРГ должность генерального секретаря ввели в 1967 г. после ухода Конрада Аденауэра — первого канцлера ФРГ (1949—1963) и первого председателя ХДС (1950—1966). Аденауэр был не склонен делить с кем-либо партийную власть. Впрочем, все это можно отнести на счет становления, как нового немецкого государства — Федеративной республики, так и новой «народной партии». Функциональные обязанности генерального секретаря были разра-

Петелин Борис Валентинович — доктор исторических наук, профессор Череповецкого государственного университета. E-mail: pbwtscherepowez@mail.ru.

Petelin Boris V. — doctor of historical sciences, associate professor of Cherepovets State University. E-mail: pbwtscherepowez@mail.ru.

ботаны Йозефом Дуфхюсом, занимавшим в 1962—1966 гг. неофициальный пост «выполняющего функции секретаря председателя ХДС Германии». Он считал, что партия должна превратиться из «придатка правительства» в самостоятельную политическую структуру¹. Аденауэр был против этих нововведений, да и в местных организациях далеко не все осознавали их необходимость, поэтому попытки Дуфхюса фактически провалились. К этой идее вернулись в более позднее время.

Считается, что в большую политику Курта Биденкопфа в 1973 г. привел Гельмут Коль. Отчасти это верно. Но и для самого Коля настоящая политика началась со съезда ХДС в Бонне 11—12 июня 1973 г., когда он был избран председателем партии, получив 520 голосов из 600 возможных. Именно на этом съезде генеральным секретарем ХДС стал Курт Биденкопф, который при избрании обошел своего «шефа» на 9 голосов². Стратегическая линия развития партии находилась теперь в руках нового руководства, заинтересованного в проведении внутрипартийных реформ, которые были бы созвучны вызовам времени. Имелись в виду и заключенные «восточные договоры», и договор об основах отношений с ГДР, и перемены в Европе и мире, обусловленные политикой разрядки³.

Разумеется, главной целью было возвращение к власти. Достичь этого руководство ХДС намеревалось уже на предстоящих выборах в бундестаг в 1976 году. Партийный тандем «Коль-Биденкопф» просто обязан был обеспечить победу. Молва позже разносила, что Коль «якобы боялся этого тщедушного, очень динамично мыслящего и крайне самостоятельного профессора, и потому решил его “задвинуть”»⁴. Но это произойдет после выборов, а пока Курт Биденкопф заверял всех, что он «пошел в политику, чтобы делать политику, а не для того, чтобы кем-то стать»⁵.

Курт Ганс Биденкопф родился 28 января 1930 г. в Людвигсхафене (там же и в том же году родился Гельмут Коль). Его отец, Вильгельм Биденкопф, был заводским техническим директором. В 1938 г. семья переехала в Шкопау под Мерзебургом, где Курт учился в гимназии. Среднее образование он получил уже в Гессене, куда семья переехала после войны. Затем была учеба в США, в колледже Дэвидсона.

Юриспруденцию и экономику Курт изучал в университетах Мюнхена и Франкфурта-на-Майне. В 1958 г. защитил докторскую диссертацию. Преподавал в Джорджтаунском университете США, в 1967—1969 гг. занимал должность ректора в Рурском университете в Бохуме. Членом ХДС Курт Биденкопф стал в 1965 году. К этому следует добавить, что до прихода в политику он занимал должность управляющего в концерне «Хенкель». Как пишет Вернер Мазер, своими достижениями Курт мог гордиться: к 1973 г. он сделал уже «три карьеры»: был профессором, преподавателем и ректором, а также успешным менеджером⁶. Обширные связи в деловом мире ФРГ нового генерального секретаря должны были поднять престиж партии.

Взлет Биденкопфа не остался незамеченным. Леонид Истягин, советский историк-германист, отмечал, что, войдя в руководство ХДС, Биденкопф выступил с серией книг и статей по наиболее важным вопросам стратегии, идеологии и политики, что способствовало «об-

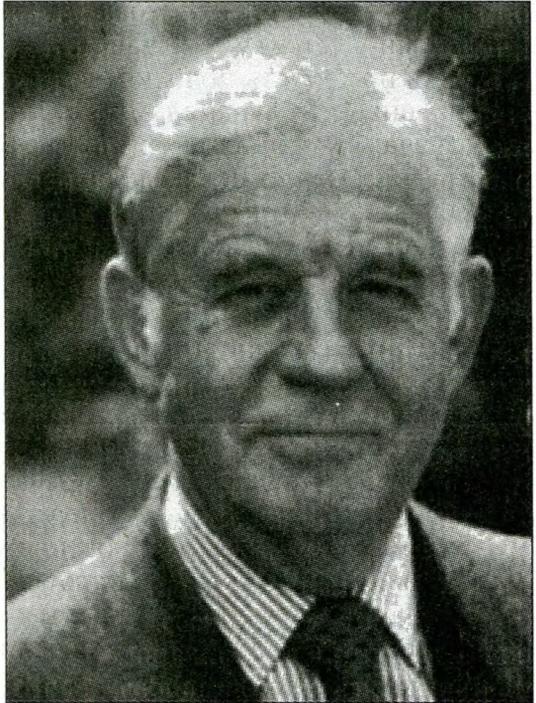
новлению» партии ⁷. Необходимо порвать с прежними «стереотипными идеями», решить «субстанцию принципов» и показать свою способность предлагать политические предписания на будущее, — говорил Биденкопф слушателям католической Академии ⁸. На практике это означало усиление социально-либеральных, реформистских тенденций в ХДС, что неизбежно вело к новым внутрипартийным конфликтам. Однако по-иному вернуться во власть ХДС вряд ли было возможно. Была еще одна черта, придававшая уверенность Курту Биденкопфу, — религиозность. В самых ранних работах он писал о невозможности «рая на земле», а тот, «кто его хочет, не демократ и не христианин», но «христианская вера дает нам мужество для надежды». А большего верующему человеку и не надо. Как христианский политик, отмечал Л.Г. Истягин, Биденкопф опирался в «общей форме на католическое учение о солидарности, об ответственности всех граждан, членов общества», призывавшее «к взаимопомощи, к осознанию своей ответственности перед богом» ⁹.

В 1970-е гг. ХДС должен был переосмыслить не только изменившиеся внешнеполитические условия в Европе, но и проблемы в социально-экономическом развитии ФРГ. Экономика Западной Германии вступила в полосу затяжного спада. Постоянным явлением стала массовая безработица: в 1975 г. она держалась на уровне 1 млн чел. (в 1983 г. превысила 2,5 млн). Заметно выросла инфляция. Социально-рыночное хозяйство явно давало сбой ¹⁰.

Складывавшаяся ситуация была на руку оппозиционным партиям. Но одной критики правительства за провалы в экономике было недостаточно. Новое руководство ХДС взялось за масштабную перестройку своих рядов. С.Л. Сокольский, автор единственной монографии по ХДС в советский период, писал, что осуществить подобную «перестройку» прежним генеральным секретарям не удалось. По-настоящему она началась с избранием на эту должность Курта Биденкопфа: с его «именем связаны все успехи и неудачи в деле осуществления партийной реформы» ¹¹. К тому моменту ХДС держался за счет своих объединений: по профессиям, возрасту, социальным и прочим факторам. Действовали они разрозненно, исходя из своих интересов, что всячески затрудняло ведение организационной работы, ориентированной на реальную политическую борьбу. Необходимо было превратить ХДС из партии «объединений» в «партию членов». По инициативе Биденкопфа произошла реорганизация центрального аппарата, повысилась его роль в отношениях с другими подразделениями партии, которая становилась вполне управляемой организацией. Происходила замена кадров. На партийные должности выдвигались новые деятели, хотя этот процесс по объективным причинам осуществлялся медленно. Зато заметным стал рост численности партии. Если в 1970 г. в ХДС насчитывалось 320 тыс. членов, то через четыре года — уже 520 тысяч. Партия впервые приступила к созданию своих производственных групп на предприятиях ¹².

ХДС буквально менялся на глазах. Для повышения агитационной работы стала применяться американская практика ведения избирательных кампаний, для чего пропагандисты от ХДС прошли стажировку в США. В происходивших переменах, как уже отмечалось, роль Биденкопфа была весьма существенной. Показательным в этом от-

ношении стал XXII съезд ХДС в Мангейме 23—25 июня 1975 года. На нем партия выдвинула концепцию «нового социального вопроса», к разработке которой Биденкопф имел прямое отношение. Классовые противоречия, свойственные раннему капитализму, как следует из партийного документа, остались в прошлом. Противоречия существуют лишь между организованной частью граждан и неорганизованной, меньшинством и остальным обществом, городом и деревней¹³. При этом государство, как говорил Биденкопф на съезде в Мангейме, должно взять на себя защиту «неорганизованной части общества», социально обездоленных, нетрудоспособных и бедных. Предложение о расширении социальных функций государства вызвало резкие нападки правого крыла в ХДС/ХСС, в частности, Ф.Й. Штрауса¹⁴.

Избирательная кампания 1976 г. была проведена с большим напором, с использованием самых современных на тот момент рекламных средств. И всей этой кампанией, как пишет С. Сокольский, руководил из Бонна посредством «нажатия кнопок» генеральный секретарь Биденкопф¹⁵. Социал-демократам пришлось признать, что от их былого организационного превосходства практически ничего не осталось. Вот только результат для ХДС/ХСС оказался не тот: союз не собрал необходимого большинства. Не хватило совсем немного: еще бы один процент голосов избирателей и Гельмут Коль мог стать канцлером ФРГ.

Виноватым оказался Биденкопф. Энергично проводя партийную реформу, он натолкнулся на сопротивление «христианских профсоюзов» — Социальных комитетов ХДС. Председатель «комитетов» Катцер буквально на следующий день после выборов отозвался о деятельности Биденкопфа как об «ударе в спину»¹⁶. Действительно, антипрофсоюзная политика генерального секретаря вызвала тогда немалую критику со стороны «левых» деятелей в ХДС — Катцера, Блюма, Фогта. Не сдержался впоследствии и Коль, заявив, что только отсутствие нескольких процентов рабочих избирателей не позволило ему завоевать абсолютное большинство в 1976 году¹⁷.

Однако обвинять Биденкопфа в неудаче вряд ли стоило¹⁸. Именно Курт Биденкопф сумел «развести» Коля и Штрауса, когда последний еще в 1974 г. начал «поход» против председателя ХДС. В ноябре 1974 г. в своем выступлении в Зонтхофене Штраус заявил, что «ХДС болен» и не может обеспечить победу на предстоящих выборах¹⁹. Тогда же председатель ХСС заговорил о создании «четвертой партии», то есть о

распространении деятельности баварского союза на всей территории ФРГ, а затем и о разрыве фракционного союза с ХДС²⁰. Это сегодня споры между ХСС и ХДС, Штраусом и Колем могут показаться малозначащими, но в то время от их исхода зависело многое. Биденкопф в избирательной кампании 1976 г. вовсе не подыгрывал Штраусу. Председатель ХСС, имея представления о партийной деятельности Биденкопфа, особо подчеркивал его близость к Колю, называя генерального секретаря «главным лицом за кулисами»²¹.

Разумеется, у Биденкопфа, весьма амбициозного политика, были и собственные планы в продвижении вверх. Однако его притязания не были чрезмерными. В одной из своих статей он пишет, что в апреле 1975 г. из Баварии пришло известие, что Штраус хочет выставить свою кандидатуру на выборах 1976 года²². Биденкопф помогал тогда на выборах в ландтаг председателю местной ХДС Кепплеру в сложной для демохристиан земле Северный Рейн-Вестфалия — «вотчине» социал-демократов. Слухи об «инициативе» Штрауса действовали на избирателей отрицательно. Следовало, как пишет Биденкопф, срочно прояснить ситуацию, для чего уже 21 апреля 1975 г. президиум ХДС заявил, что кандидатом в канцлеры остается Гельмут Коль. Сам Биденкопф имел телефонный разговор со Штраусом, который заверил, что не «имеет никаких возражений против кандидатуры Гельмута Коля»²³.

После неудачи на выборах председатель ХДС от своей цели стать канцлером ФРГ не отказался. Оставив Майнц, Коль перебрался в Бонн, где возглавил фракцию ХДС/ХСС в бундестаге. В новой команде Коля Биденкопфу места не нашлось²⁴. Еще в январе 1977 г. на встрече Коля с Биденкопфом было решено, что тот оставит должность генерального секретаря и перейдет работать в организацию ХДС в Вестфален-Липпе. Новым генеральным секретарем на 25-ом съезде ХДС в марте 1977 г. был избран Хайнер Гайслер. «Избавляясь» от строптивного «короля Курта» (так впоследствии стали звать Биденкопфа), Коль не мог предвидеть, что именно Гайслер будет «душой» заговора против него в 1989 году.

Западногерманская пресса, комментируя перемены в руководстве ХДС, писала о стремлении Коля привлечь на свою сторону СвДП²⁵. Лишившись партнера по коалиции, СДПГ лишалась бы и власти. С подобной стратегией в ХДС/ХСС были согласны далеко не все. Курт Биденкопф не только не поддерживал подобный замысел, но, похоже, больше не верил в потенциальные возможности Коля стать канцлером. Ко всему добавлялись разногласия идейного характера. Еще до выборов 1976 г. руководство ХДС приступило к разработке новой программы партии. Комиссию по ее подготовке возглавил депутат бундестага Рихард фон Вайцзеккер, будущий правящий бургомистр Западного Берлина (1981—1984 гг.) и президент ФРГ (1984—1994)²⁶.

Курт Биденкопф, убежденный неолиберал²⁷, всегда выступал как поборник свободного рынка, то есть его позиция могла быть истолкована в интересах капитала, а не трудящихся слоев. Однако «левое крыло» в ХДС настаивало на социальных гарантиях со стороны государства, что подталкивало Коля к отходу от идейных основ консерватизма. Работа над Программой принципов возобновилась уже при

новом генеральном секретаре ХДС Гайслере. 22—24 сентября 1977 г. проект программы обсуждался на представительном форуме ХДС в Западном Берлине. Биденкопф выступал на секции «Экономика и социальная политика» и, несмотря на сопротивление «социального крыла» ХДС, критиковал неоправданное «расширение социального государства». По его мнению, в программе «рыночному хозяйству отводится недостаточно свободы», что приведет к застою в развитии. От аргументов Биденкопфа просто так отмахнуться не удалось. К очередному съезду ХДС 23—25 октября 1978 г., на котором была принята Программа принципов, в проект было внесено 3300 предложений. Замечания Бидеркопфа были учтены. Хайнер Гайслер с гордостью писал, что новая программа ХДС вызвала «огромный резонанс в немецком обществе»²⁸.

С принятием новой программы принципиальных расхождений между ХДС и СвДП стало меньше. Ситуация складывалась таким образом, что выборы 1980 г. могли поменять коалицию в Бонне. Как стало известно позже, Гельмут Коль уже установил контакты с лидером либералов Гансом-Дитрихом Геншером. Но планы Коля разрушил «политический профессор» Биденкопф. В конце декабря 1978 г. им был составлен и разослан в партийные организации, правление и президиум ХДС «меморандум» на 23 страницах с анализом положения ХДС/ХСС. Своим содержанием «сочинение» Биденкопфа было направлено против Коля, который сосредоточил в своих руках все властные функции: председатель ХДС, председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге, кандидат в канцлеры. Надо «разгрузить Коля» — таким было предложение Биденкопфа, иначе ХДС/ХСС выборы проигрют²⁹. Предлагались варианты: кандидатом в канцлеры становится Штраус, сам Биденкопф был согласен на пост председателя парламентской фракции, ну а за Кодем сохранится председательство в ХДС, которое при таком раскладе оказалось бы недолгим. 16 января 1979 г. извлечения из «меморандума» были опубликованы в газете «Die Welt». Тем самым немецкая общественность была вовлечена в новый скандал в ХДС/ХСС.

Коль с конца декабря был в отпуске и о «меморандуме» Биденкопфа ему сообщили из Бонна. В руководстве ХДС знали о встречах Биденкопфа со Штраусом и то, что «копье, вонзенное в спину Коля, в руки Биденкопфа вложил Штраус»³⁰. Баварский политик посчитал, что пришло его время. Спрос на крайне правых политиков в западном мире вырос: в Великобритании к власти шла Тэтчер, в США — Рейган. Биденкопф не был «ястребом», просто со Штраусом он надеялся подняться выше, чем быть просто партийным функционером. Для Коля наступило время испытаний. В навязанной ему политической борьбе можно было потерять все. Как пишет историк Х.-П. Шварц, это «был первый серьезный путч против Гельмута Коля»³¹.

Тактически, как известно, Коль уступил. Кандидатом в канцлеры от ХДС был выдвинут Эрнст Альбрехт. 2 июля 1979 г. состоялось голосование депутатов фракции ХДС/ХСС в бундестаге. Победителем стал Франц Йозеф Штраус: из 237 голосовавших за него было подано 135 голосов, за Альбрехта — 102, причем более 80 голосов Штраус получил от ХДС³². Дальнейший ход политической борьбы вокруг выборов в бундестаг 1980 г., их результаты и последствия были

представлены во многих работах (сам Штраус в своих воспоминаниях эту часть опустил ³³), в том числе и автора данной статьи.

Курт Биденкопф оказался тем, кто серьезно пострадал от выдвижения Штрауса. В мае 1980 г. в земле Северный Рейн-Вестфалия состоялись выборы в ландтаг. Незадолго до них, 20 апреля 1980 г., скоропостижно скончался Хайнрих Кепплер, и партийную организацию ХДС на выборах возглавил профессор Биденкопф. Его соперником был действующий премьер-министр, популярный политик, социал-демократ Йоганнес Рау, будущий президент ФРГ (1999—2004). Он и победил. А Биденкопф и Штраус обменялись взаимными обвинениями. Несостоявшийся премьер-министр публично признать, что кандидатура Штрауса подействовала на избирателей земли Северный Рейн-Вестфалия крайне отрицательно, а Штраус, наоборот, упрекал Биденкопфа в вялой агитации за него. После выборов 1980 г. Биденкопф «застрял» в этой земле ФРГ. Он потерял место депутата бундестага, оставаясь лишь депутатом ландтага этой земли.

Могло показаться, что политическая деятельность Биденкопфа близка к завершению. Он мог продолжить деловую карьеру — знания, навыки, связи никуда не делись, но Биденкопф уже настолько прочно сросся с ХДС, что отойти от активной партийной деятельности для него не представлялось возможным. 9 марта 1981 г. на 29 съезде ХДС в Мангейме Коль был переизбран председателем партии. Биденкопф остался в числе заместителей, но за него было подано всего 427 из 732 голосов делегатов. В начале октября 1982 г. канцлер Шмидт утратил поддержку большинства в бундестаге, и новым канцлером в соответствии с законодательством стал Гельмут Коль. Для него это было огромным личным достижением. Началась «эра Коля», завершившаяся через 16 лет в новой Германии. 25—26 мая 1983 г., после победы на внеочередных выборах в марте, в Кёльне состоялся 31 съезд ХДС. Впервые на съезде Коль выступал как председатель партии и федеральный канцлер. Его поддержка была безоговорочной ³⁴, а Биденкопф на этот раз не вошел в число заместителей председателей партии. Его место занял Бернхард Вормс, председатель фракции ХДС в ландтаге Дюссельдорфа. После того как в 1987 г. партийную организацию ХДС в земле Северный Рейн-Вестфалия возглавил федеральный министр по труду и социальной политике Норберт Блум, политических перспектив у Курта Биденкопфа практически не осталось ³⁵.

События, произошедшие во второй половине 80-х гг. XX в., круто изменили жизнь многих немцев по обе стороны от Берлинской стены, которая 9 ноября 1989 г. довольно неожиданно рухнула, а затем, через год, исчезла и ГДР. Гельмута Коля по праву стали называть «канцлером германского единства». А могло быть иначе, если бы удался второй «путч». В 1988—1989 гг. в ХДС обострилась внутрипартийная борьба: выборы в 1987 г. в бундестаг ХДС/ХСС выиграли, но поддержка избирателей упала. В низовых организациях ХДС росло беспокойство и неуверенность, что в немалой степени было связано с ухудшавшейся экономической ситуацией. В прессе ФРГ писали о «кризисе доверия» к партии, необходимости новой «фазы обновления» ХДС. Инициатором «заговора», а именно так позже ста-

ли говорить о внутривнутрипартийном кризисе в ХДС³⁶, был генеральный секретарь Хайнер Гайслер. По его словам, кризис был порожден тем, что союз разделился на две партии: одна — правительственная, вторая — остальная часть ХДС, которая часто остается в неведении о действиях первой. Вина за подобное положение возлагалась на председателя Коля, который не выполняет своих функций. Гайслер, как в свое время Биденкопф, предложил «разгрузить» Коля, вынудив того отказаться от поста председателя ХДС³⁷.

Но, если Биденкопф выступал один, то Гайслер заручился поддержкой влиятельных членов руководства ХДС. Его «союзниками» могли считаться Эрнст Альбрехт, Рита Зюсмут, Лотар Шпэт, Норберт Блюм. У каждого из них могли быть «претензии» к Колю, но их личная карьера во многом состоялась только благодаря его поддержке. Коль в своем «дневнике» впоследствии отметил, что «путчистам» оказывал симпатии президент ФРГ Р. фон Вайцзеккерт³⁸. За развитием «заговора» внимательно следил баварский премьер Штраус. Ситуация в ХДС была сложной. Гайслер, не афишируя свои намерения, развил бурную деятельность. В 1989 г. он провел встречи практически со всеми региональными руководителями партийных организаций. В поддержку Гайслера высказались члены молодежной организации ХДС, недовольные «засильем» в партии 50-летних политиков, отсутствием молодежи во фракции и правительстве³⁹.

Курт Биденкопф не остался в стороне: Коль в «воспоминаниях» называет его вместе с остальными «путчистами», хотя отношения с ними у Курта были весьма натянутыми. Разве что с премьер-министром Баден-Вюртенберга — «запасным канцлером» Лотаром Шпэтом его роднили взгляды на экономику, но не более того⁴⁰. Однако Биденкопфу было не привыкать бороться против Коля. 24 августа 1989 г. в журнале «Stern» он заявил, что в ХДС «давно думают о разделении постов» и при избрании председателя партии должны быть «альтернативные кандидаты»⁴¹.

10—13 сентября 1989 г. в Бремене прошел очередной, 37-й съезд ХДС. «Заговорщики», кроме Гайслера, к этому времени уже «покалялись». Коль еще до съезда провел энергичную работу с тем, чтобы избежать острых дебатов в Бремене. Его непреклонным критиком остался лишь Биденкопф, который напомнил председателю ХДС его же слова о взаимодействии партии и правительства. Однако бывший генеральный секретарь прекрасно понимал, что ослабление позиций Коля будет выгодно лишь оппозиции и сорвет начавшийся прогресс в германском вопросе (через два месяца падет Берлинская стена). «Быть Брутом», как заявил Биденкопф, он не собирается⁴². Гайслер на съезде не стал каяться. Он сказал, что политика Коля — это «шаг в неверном направлении», имея в виду «отказ» от внутривнутрипартийной «модернизации»⁴³. Новым генеральным секретарем ХДС, по предложению Гельмута Коля, был избран 46-летний Фолькер Рюэ.

В событиях 1989—1990 гг. Курт Биденкопф прямого участия не принимал, но и в стороне не был, о чем рассказал в своих «воспоминаниях». В книге немецких историков Х. Швана и Р. Штайнингера, составленной из интервью с известными политиками, такими, как М. Горбачёв, Н. Рыжков, Э. Шеварднадзе, Э. Бар, Г. Шабовски,

В. Шойбле, Х.-Й. Фогель и др. (всего 45 персон), изданной к двадцатилетию падения Берлинской стены, есть и его повествование⁴⁴. Как депутат бундестага (1987—1990) 9 ноября он участвовал в заседании. Зал был полон: предстояло поименное голосование по пенсионному вопросу, процедура затянулась, как вдруг последовало сообщение: в Восточном Берлине открыли границу. «В это было трудно поверить», — вспоминал Биденкопф. Заседание прервалось. Руководители фракций получили возможность высказаться по происходящим событиям. Эмоции перехлестывали через край так, что депутаты дружно запели «национальный гимн», о чем потом говорили многие⁴⁵. На следующий день Биденкопф вместе с другими депутатами от ХДС путешествовал по Берлину. Шли вместе с демонстрантами, были на митинге у Шенебергской ратуши. Биденкопф приводит запомнившиеся слова Вилли Брандта: «Срастается то, что было когда-то единым». Вечером состоялось факельное шествие. Прошли Бранденбургские ворота, беспрепятственно побывали в Восточном Берлине. Опытному политику было ясно: Стена перестала существовать. Она больше никому не угрожает. От нее уже отбивали куски на сувениры. Достался такой сувенир и Курту. В этот день он потратил 400 марок. В такую «цену» встал ему удивительный день 10 ноября 1989 года⁴⁶.

Германию объединяли быстро. Биденкопф, как юрист, считал, что все проходило в рамках законности. В начале 1990 г. он непродолжительное время преподавал в Лейпцигском университете, но его тянуло в политику. В «новых землях» при переходе к подзабытой модели экономики нужны были специалисты по «социально-рыночному хозяйству». У Биденкопфа было еще достаточно энергии, знаний и желания, чтобы оказаться востребованным. Возглавив партийный список ХДС на выборах в ландтаг Саксонии, Бидеркопф не прогадал. 14 октября 1990 г. ХДС получил здесь абсолютное большинство в 53,8%, а Курт Биденкопф стал премьер-министром этой «новой земли». До этого он имел встречу с канцлером Колем, который всецело поддерживал намерения Биденкопфа⁴⁷.

Процесс «трансформации» Восточной Германии в структуры ФРГ для «осси» и «весси» растянулся на годы. Считается, что первые, то есть восточные немцы «выиграли» от объединения, а вторые — граждане Западной Германии — остались в проигрыше, так как «понесли жертвы»⁴⁸. Биденкопф оказался в центре этого процесса, не случайно именно тогда появилось уважительное «король Курт». Биденкопф старался проводить осторожную политику, считаясь с настроениями бывших «строителей социализма». Так, была сохранена 12-летняя система школьного образования, кое-что из прежней социальной сферы. Не случайно, в 1994 и 1999 гг. на выборах в ландтаг Саксонии доверие избирателей к Биденкопфу и ХДС сохранилось: в 1994 г. — 58,1%, в 1999 г. — 56,9%. Подобных результатов ХДС не имела на востоке, а Биденкопф доказал, что он умеет не только плести интриги против Коля. Его популярность в те годы, по мнению журналистов, уступала разве только Эдмунту Штойберу в Баварии.

Еще один поворот в политической жизни Биденкопфа мог состояться в 2000 году. От разразившегося скандала с так называемыми «черными кассами», в котором главным обвиняемым предстал «кан-

цлер германского единства» Гельмут Коль, проигравший в 1998 г. выборы в бундестаг, не убереглись и другие деятели. Скомпрометированным оказался Вольфганг Шойбле, унаследовавший от Коля на короткое время председательство в партии ⁴⁹. В феврале 2000 г. он заявил об уходе с этого поста, и именно тогда пошли «разговоры» о кандидатуре Биденкопфа на пост председателя ХДС. Сам он вряд ли был против: успешный премьер, популярный политик, президент Бундесрата (1999—2000). Но, как отмечал политолог Герд Лангут, кандидатура Биденкопфа не обеспечивала единства в рядах ХДС ⁵⁰. Нельзя сбрасывать и возраст: 70-летний политик мог и не справиться с проблемами. Не случайно, во «Франкфуртер альгемейне» появилась статья А. Меркель: «Время Гельмута Коля безвозвратно прошло, заявила она, и сейчас будущее партии должно находиться в руках других политиков» ⁵¹. Так и случилось. 11 апреля 2000 г. на съезде ХДС в Эссене Ангела Меркель была избрана председателем партии. Конкурентов у нее не было.

Еще раз в центре мировой политики «король Курт» оказался в сентябре 2001 г., во время первого государственного визита Президента России В.В. Путина в Германию. Естественно, не посетить Дрезден, где чета Путиных прожила почти пять лет, российский президент не мог. 27 сентября в Дрездене состоялся торжественный прием от имени премьер-министра федеральной земли Саксония Курта Биденкопфа и госпожи Ингрид Биденкопф в честь высоких гостей из России. Биденкопф заявил, что «холодная война» прошла, и сейчас «Россия и Германия находятся на новом этапе развития отношений, вносят ощутимый вклад в строительство общеевропейского дома» ⁵². Курт Биденкопф мог оставаться в кресле премьера до очередных выборов в ландтаг, но начались партийные дразги. Окружение было недовольно всевластием «короля Курта». Огласке были преданы случаи использования должностных полномочий в личных целях, неуплата налогов, манипуляции с недвижимостью — мелкие, но, по мнению противников Биденкопфа, достаточные для его ухода. После многочисленных проволок премьер-министр Саксонии Курт Биденкопф 18 апреля 2002 г. заявил об отставке, передав власть как эстафетную палочку другому христианскому демократу — экономисту Георгу Мильбрадту. Оппозиция была недовольна такой «рокировкой», требовала досрочных выборов, но «король Курт» свое слово сказал.

После окончательного ухода из большой политики Курт Биденкопф не превратился в затворника, забавляясь игрушечной железной дорогой, как иронично писали в немецкой прессе. Ветеран нашел достойное занятие, став консультантом по экономическим и правовым проблемам целого ряда фирм, участвуя также во многих семинарах, симпозиумах, конференциях, где ему, опытному политику, было, что рассказать молодым коллегам. В 2015 г. вышла новая книга воспоминаний, расширившая представления читателей и исследователей о ключевых годах в истории Германии ⁵³. Да, Курт Биденкопф не раз являлся «возмутителем спокойствия» в партийно-политической жизни ФРГ, но скандальной славы он не искал. «Король Курт» умел отстаивать свою позицию, хотя, видимо, не всегда и не во всем оказывался прав.

Примечания

1. Lexikon der Christlichen Demokratie in Deutschland. München. 2002, S. 224—225.
2. KLEINMANN H.-O. Geschichte der CDU: 1945—1982. Stuttgart. 1993, S. 353. До Курта Биденкопфа генеральными секретарями были Бруно Хек (1967—1971) и Конрад Краске (1971—1973). См.: Lexikon der Christlichen Demokratie in Deutschland, S. 712.
3. Kleine Geschichte der CDU. Stuttgart. 1995, S. 106.
4. МАЗЕР В. Гельмут Коль. М. 1993, с. 112.
5. MASER W. Helmut Kohl: Der deutsche Kanzler: Biographie. Frankfurt am Main. 1990, S. 125.
6. Ibid., S. 124.
7. ИСТЯГИН Л.Г. Общественно-политические взгляды Курта Биденкопфа. М. 1978, с. 6—7.
8. BIEDENKOPF K.H. Freiheit, Gerechtigkeit und Solidarität: die Grundlagen christlich-demokratischer Politik. München. 1975.
9. ИСТЯГИН Л.Г. Ук. соч., с. 10—11.
10. Федеративная Республика Германии (Современный монополистический капитализм). М. 1983, с. 19—20.
11. СОКОЛЬСКИЙ С.Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М. 1983, с. 155.
12. RAULF H. Politik in dem Betrieben. Wirtschaft und politische Bildungsarbeit. In: Politische Meinung. 1976, H. 165, S. 69—76.
13. Mannheimer Erklärung. In: Unsere Politik für Deutschland. Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik Deutschland. München. 1979, S. 110—126.
14. ИСТЯГИН Л.Г. Ук. соч., с. 31—32.
15. СОКОЛЬСКИЙ С.Л. Ук. соч., с. 159.
16. Stern. 1976, N 42, S. 288.
17. Ibid. 1977, N 24, S. 190.
18. Немецкий политолог В. Ягер отмечал, что своим успехом на выборах ХДС обязан Колю и Биденкопфу, которые начали модернизацию партии. JÄGER W. Helmut Kohl setzt sich durch, 1976—1982. In: Die Fraktion als Machtfaktor: CDU/CSU im Deutschen Bundestag 1949 bis heute. München. 2009, S. 141.
19. ENGELMANN B. Das neue Schwarzenbuch: Franz Josef Strauss. Köln. 1980, S. 177.
20. Разговоры о «четвертой партии» потрепали нервы руководству ХДС. Но настоящие проблемы начались уже после выборов, когда с подачи Штрауса ХСС заявил о намерении разорвать фракционные отношения с ХДС. Угроза была нешуточной: без ХСС партия Коля теряла свое лицо в бундестаге. Конфликт длился несколько недель, и только 13 декабря 1976 г. на совместном заседании фракции ХДС и ХСС в бундестаге Коль был избран председателем, получив 230 голосов из 243. JÄGER W. Op. cit., S. 145.
22. MASER W. Op. cit., S. 119.
23. BIEDENKOPF K.H. Mit doppelter Energie für NRW. In: KÖPPLER H. Christ und Politiker 1925—1980. Düsseldorf. 1990, S. 163—173.
23. Ibid., S. 166.
24. Как писал Вернер Мазер, все «большая прогрессивная направленность идей Биденкопфа наталкивается во многих организациях партии на жесткое неприятие». MASER W. Op. cit., S. 124.
25. Тактика сближения со СвДП стала предметом острой дискуссии на съезде ХДС в Дюссельдорфе (1977 г.). Однако Коль отмежевался от немедленного сближения с партией либералов, заявив, что это возможно лишь там, где позиции ХДС и СвДП действительно совпадают. См.: Deutsches Monatsblatt. 1977, № 3, S. 12—14.
26. О работе «программной комиссии» ХДС была издана книга под редакцией Р. фон Вайцзеккера. См.: CDU — Grundsatzdiskussion. München. 1977.
27. СОКОЛЬСКИЙ С.Л. Ук. соч., с. 226.

28. Deutsches Monatsblatt. — Sonderbeilage. 1978, № 11, S. 1.
29. KLEINMANN H.-O. Op. cit., S. 427—428.
30. Der Spiegel. 1979, № 3, S. 20.
31. SCHWARZ H.-P. Helmut Kohl. Eine politische Biographie. München. 2012, S. 239.
32. KLEINMANN H.-O. Op. cit., S. 434.
33. ШТРАУС Ф.Й. Воспоминания. М. 1991.
34. За переизбрание Коля председателем ХДС проголосовал 601 делегат из 631 (95,46%), что стало одним из лучших результатов в истории партии. KOHL H. Erinnerungen 1982—1990. München. 2005, S. 131.
35. RATHJE K., SACHT J. Das kleine Helmut Kohl Lexikon. Berlin. 2002. S. 26.
36. О замыслах Гайслера и его конфликте с Колем подробно рассказал журналист и политолог Клаус Дреер, имевший возможность наблюдать за всеми перипетиями политической борьбы в Бонне в 1973—1992 годах. DREHER K. Helmut Kohl: Leben und Macht. Stuttgart. 1998, S. 388—412.
37. Deutsches Monatsblatt. Bonn. 1988, № 5.
38. KOHL H. Mein Tagebuch 1998—2000. München. 2000, S. 118.
39. Union in Deutschland. Bonn. 1988, № 38, S. 20.
40. Авторы советского издания «Политические сдвиги в странах Запада» называли Шпэга и Биденкопфа «структурными политиками», которые противостоят «рыночным радикалам». См.: Политические сдвиги в странах Запада (конец 70-х — 80-е годы.). М. 1989, с. 143—144.
41. MASER W. Op. cit., S. 273.
42. Ibid., S. 291.
43. При избрании Коля председателем ХДС на съезде в Бремене против него было подано 147 голосов. Этот результат стал самым плохим в его партийной карьере. KOHL H. Erinnerungen 1982—1990, S. 938.
44. BIEDENKOPF K. Mein 9 November 1989. Eingeleitet und herausgegeben von Heribert Schwan. Rolf Steininger. Düsseldorf. 2009, S. 40—47.
45. МАЗЕР В. Ук. соч., с. 306; MASER W. Op. cit., S. 308—309; JÄGER W. Die Überwindung der Teilung: der innerdeutsche Prozess der Vereinigung 1989/90. In: Zusammenarbeit mit Michael Walter. Stuttgart. 1998, S. 41—42.
46. BIEDENKOPF K. Mein 9 November 1989, S. 43.
47. SCHWARZ H.-P. Helmut Kohl. Eine politische Biographie, S. 659.
48. МАЙЕР К.У. Жизненные циклы и трансформация в Восточной Германии: промежуточные результаты. В кн.: Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т. 2. СПб. 2003, с. 347—349.
49. По отношению к Колю Шойбле повел себя не лучшим образом, обвинив во всем своего «шефа». Для Коля такой разрыв многолетней дружбы с Шойбле оказался неожиданным и болезненным. См.: KOHL H. Mein Tagebuch 1998—2000, S. 39—41.
50. LANGGUTH G. Das Innenleben der Macht. Krise und Zukunft der CDU. München. 2001, S. 225.
51. Ibidem.
52. Стоит отметить, что Курт Биденкопф был информирован о российских делах и проблемах. Не раз был в России, а в сентябре 2000 г. выступил с докладом на расширенном заседании Ученого совета ИМЭМО РАН, содержание которого было опубликовано в научном журнале института. См.: БИДЕНКОПФ К. Федерализм и социально-экономическое развитие. — Мировая экономика и международные отношения. 2001, № 7, с. 40—43.
53. См.: BIEDENKOPF K. Von Bonn nach Dresden aus meinem Tagebuch Juni 1989 bis November 1990. München. 2015.

Проблема укрепления единства российской нации в условиях глобализации

А.И. Тетуев

Аннотация. В работе исследуются проблемы укрепления единства российской нации и этнокультурного развития народов. Анализируются факторы формирования гражданской и национальной идентичности, а также роль культуры в консолидации народов России.

Ключевые слова: гражданская идентичность, культура, взаимодействие, образование, творчество, духовные ценности, консолидация.

Abstract. The concern of Russian nation unity strengthening and ethnic and cultural development of peoples are investigated in the work. The factors of civil and national identity formation, the role of culture in the consolidation of the peoples of Russia are analyzed.

Key words: civic identity, culture, cooperation, education, creativity, spiritual values, consolidation.

Проблемы развития народов и их консолидации в рамках единой Российской Федерации рассматриваются в политической практике в качестве основополагающих. Их решением определяются многие стороны жизни общества.

В связи с этим возрастает актуальность исследования основных факторов, способных содействовать объединению народов России, прежде всего, через взаимодействие культур, оказать существенное влияние на совершенствование межнациональных отношений, формирование общегосударственных духовных ценностей.

Для устойчивого развития общества и государства необходимо укрепление единства российской гражданской нации. Под гражданской или политической нацией принято понимать сообщества людей, объединенных осознанием своей принадлежности к единому для всех государству, единством гражданских прав и ответственности за всю страну (а не за какую-либо ее часть или отдельный народ). Понятие

Тетуев Алим Инзрелович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик. E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Tetuev Alim I. — doctor of historical sciences, associate professor at the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Sciences. Nalchik. E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

«россияне» выступает в качестве характеристики сообщества людей, обладающих российским гражданством. Идеологема «российская (гражданская) нация» является реальным фактором, объединяющим многоэтническое сообщество граждан России. Само это понятие никоим образом не подразумевает какой-либо «ассимиляции» или «русификации» самобытных народов России. Напротив, государство должно создавать условия для их этнокультурного и духовного развития. Гражданская идентичность не противоречит другим типам идентичности — национальной, конфессиональной и т.д., напротив, дополняет их, создавая потенциал для взаимного обогащения.

Сознание государственно-гражданской идентичности, несомненно, является доминирующим в российском обществе. Практически 80% респондентов, согласно общероссийскому опросу Института социологии РАН, признали, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации». При этом ответы русских и людей других национальностей совпали (79% и 78% соответственно)¹. Вместе с тем, исследование обнаружило, что и этническая идентичность также остается важным понятием. Свыше 80% жителей России в той или иной мере ощущают единство с людьми своей национальности.

Большое значение для гармонизации межнациональных отношений, упрочения чувства гражданского единства, укрепления государственного суверенитета и целостности России имеют сохранение и развитие русского, а также всех без исключения языков народов нашей страны. Русский язык вместе с русской культурой, по сути, сформировал Россию как единую и многонациональную цивилизацию, на протяжении веков обеспечивая связь поколений, преемственность и взаимообогащение этнических культур. В Российской Федерации, по данным переписи населения 2010 г., из общей численности населения страны 142,9 млн чел. русским языком владеют 138 млн (96,5%). Совершенно очевидно, что знание русского языка, государственного языка Российской Федерации, является важным фактором, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей, взаимообогащению культур народов России. Знание русского языка естественным образом объединяет миллионы россиян.

Поддержка русского языка является приоритетной задачей и в таком многонациональном регионе, каким является Северо-Кавказский федеральный округ, причем, поддержка, как на федеральном уровне, так и на уровне местных властей. Так, в Кабардино-Балкарии русским языком среди кабардинцев владеют 93,6%, а среди балкарцев — 96,07%². Такой высокий процент не случаен. В ведущем учебном заведении республики — Кабардино-Балкарском государственном университете функционирует Русский культурный центр, регулярно устраиваются фестивали русского языка и культуры «Мы — россияне». В рамках программы фестиваля проводятся республиканские олимпиады школьников по русскому языку, конкурс сочинений «Мой русский учитель»³.

В то же время, понятие «российский (русский) народ» никоим образом не отменяет и не умаляет идентичности всех народов нашего государства — здесь видится форма двойной, не взаимоисключающей и внутренне не противоречивой идентификации россиян.

Как известно, одним из ключевых признаков национальной идентичности является язык. Для каждого народа вопрос сохранения родного языка — это вопрос сохранения самобытности и традиций. При этом основное внимание необходимо уделять школьному образованию. В учреждениях общего образования задействованы 89 языков, из которых 30 в качестве языка обучения, а 59 — как предмет изучения⁴. Комплексная, всесторонняя работа по изучению, поддержке языков народов России остается в центре внимания образовательных учреждений и средств массовой информации Кабардино-Балкарии.

Большим подспорьем в реализации задач, указанных в Стратегии, явилось принятие правительством РФ Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» и «Плана мероприятий по реализации в 2013—2015 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»⁵.

Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в свою очередь приняли региональные планы мероприятий по реализации Стратегии. Так, план Кабардино-Балкарской Республики предусматривал разработку и принятие муниципальных целевых программ, направленных на гармонизацию межэтнических отношений и укрепление единства российской нации; повышение квалификации государственных и муниципальных служащих, работающих в сфере межэтнических отношений; проведение социологических исследований состояния межнациональных отношений в республике; реализацию республиканского и межрегионального молодежного проекта «Куначество»⁶. «Целью проводимых мероприятий является формирование и укрепление гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности, а также этнокультурное развитие народов России и поддержка языкового многообразия на территории Российской Федерации»⁷.

Важное место в работе по формированию национальной, российской идентичности занимает художественно-эстетическое воспитание человека. В Кабардино-Балкарии активно пропагандируются произведения русских, кабардинских и балкарских поэтов и писателей. Воспитание уважения к родной и иноязычным культурам начинается уже с названия улиц городов и сел КБР. Так, в Нальчике есть улицы А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева и другие. Интересно с позиций российской идентичности признание участницы Международной научной конференции, состоявшейся в Нальчике в 2014 г., О. Гавриловой, которой коллеги не рекомендовали ехать на Кавказ. «Я открыла в интернете карту Нальчика, увидела улицы Пушкина, Лермонтова, Чернышевского, Толстого, Горького и поняла, что это родной для меня город». С ними соседствуют улицы К.Б. Мечиева, Б.М. Пачева, К.Ш. Кулиева, А.П. Кешокова и т.д.⁸.

В издательстве «Эльбрус» печатаются произведения Пачева, Мечиева, А. Шогенцукова, Кешокова, Кулиева, Б. Куашева, К. Отарова, Ад. Шогенцукова, З. Тхагазитова, Т. Зумакуловой, А. Тепеева, З. Толгурова, А. Созаева и др. Интерес читателей вызывает творчество местных русских писателей и поэтов Кабардино-Балкарии — В. Кузьмина, А. Кайданова, К. Елевтерова, а также русскоязычных местных авторов, кабардинцев и балкарцев, — Р. Семёнова, Б. Чипчикова и др.

В республике плодотворно работают Кабардинский драматический театр им. А. Шогенцукова, Балкарский драматический театр им. К. Кулиева, Русский драматический театр им. М. Горького и Республиканский музыкальный театр. На сценах республиканских театров осуществляются постановки пьес, опер и балетов зарубежных, российских и местных авторов. Выступают Государственный ансамбль танца «Кабардинка», Государственный этнографический танцевальный ансамбль «Балкария», Государственный ансамбль песни и пляски Терских казаков, ансамбль камерной музыки «Камерата».

Сохранением и пропагандой народной музыкальной культуры занимаются творческие коллективы: адыгские — «Бжамий», «Хатти», «Черкесский круг», балкарские — «Асса», «Жашлык», «Иман» и др. Значительно возрос интерес к международному фестивальному движению.

Представители музыкального искусства Кабардино-Балкарии успешно выступают на международных конкурсах.

В последние десятилетия в республике активно развивается диалог культур в области изобразительного искусства. Широкую известность приобрело творчество художников КБР: В.Абаева, Г. Паштова, Я. Аккизова, З. Бгажнокова, И.Занкишиева, З. Индрисова, М. Кипова и др. На стыке национальных и мировых традиций изобразительного искусства в конце 1980-х гг. в республике возникло явление так называемого «второго авангарда». Выставки молодых художников «новой волны» начинают экспонироваться в России и за ее пределами. На зарубежных выставках (США, Италия, Испания, Англия, Германия, Турция и др.) широко представляются произведения В.Захохова, Х.Атабиевой, А. Пашт-Хана, А. Занибекова, З. Индрисова, М. Кишева, Х. Савкуева, А. Кулиева, Р. Тураева, М. Горлова, В. Марченко, Б. Гуданаева, Муаеда и Михаила Аксировых, Х. Теппеева, Р. Цримова и др.⁹

Заслуживает внимания и распространения опыт работы Кабардино-Балкарского фонда культуры по сохранению и возрождению традиций народов, проживающих в республике. Здесь функционируют 16 культурно-национальных центров и объединений. Обмен духовными ценностями, знакомство с достижениями культуры других народов обогащают и воспитывают дух толерантности. Взаимодействие культур происходит и на уровне межличностного общения, так как в общении реализуются общезначимые ценности культур. Межличностное общение, расширяя источники социальной и культурной информации, может выступить важным фактором в преодолении стереотипного мышления и этим способствовать взаимообогащению людей. Межнациональный диалог культур является важным фактором в регулировании межэтнических отношений. Проводимые Фондом культуры КБР мероприятия играют важную роль в укреплении взаимопонимания между народами. На примере Кабардино-Балкарии можно наглядно увидеть, как посредством взаимообмена культур можно влиять на гуманизацию национальных отношений, интеграцию этнокультур¹⁰.

Диалог культур осуществляется и через деятельность средств массовой информации. В КБР в настоящее время действует более 73 видов СМИ. Из 59 печатных изданий, 25 финансируются из республи-

ликанского бюджета. В Кабардино-Балкарии издаются литературные журналы на русском, кабардинском и балкарском языках, а также детские журналы, республиканские и тринадцать районных государственных газет.

В процессе исторического развития естественным образом осуществляется взаимовлияние, взаимопроникновение и взаимообогащение культур различных народов. В полиэтнических государствах, как правило, на основе доминирующей национальной культуры создается общенациональная духовная культура, уровень которой характеризует состояние общества. Сегодня актуальным является исследование процесса формирования общенациональных духовных ценностей многонационального российского народа, позитивных и негативных (узконациональных) проявлений при формировании российской нации.

Представляет значительный интерес практический опыт по организации образования и воспитания в духе культуры мира, накопленный в Кабардино-Балкарском государственном университете. Особенность этого опыта заключается в том, что его традиционные формы развиваются теперь в сочетании с деятельностью Международной кафедры ЮНЕСКО «Образование и воспитание в духе культуры мира и прав человека», созданной при Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова (КБГУ, г. Нальчик) на основе соглашения с ЮНЕСКО ¹¹.

В КБГУ ведется целенаправленная работа по исследованию, сохранению и популяризации основных этнических культур народов Кабардино-Балкарии. Позитивную роль в формировании толерантности сознания играет реализация Федерально-региональной программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», инициатором которой стал Пятигорский государственный лингвистический университет (ПГЛУ). Важнейшая цель Программы состоит в том, чтобы на основе изучения гуманитарных ценностей северокавказских народов, воплощенных в языке, культуре, литературе, искусстве, наиболее полно осмыслить и освоить их духовно-нравственный потенциал, создать прочные предпосылки для укрепления мира и дружбы между народами Северного Кавказа ¹².

В рамках программы была издана «Антология литературы народов Северного Кавказа». В то же время следует отметить, что в значительной мере утрачен позитивный опыт творческих контактов художников слова региона с Центром. Уместно в этой связи вспомнить слова балкарского поэта К. Кулиева: «Дружба народов состоит из дружбы людей». В советское время через творчество таких поэтов как Р. Гамзатов, Д. Кугультинов, Кулиев, А. Кешоков российский читатель знакомился с духовным миром народов, которые они представляли. Существовала профессиональная переводческая школа, достойно представлявшая на русском языке поэзию народов СССР на национальных языках. Творческий диалог национальных авторов с русской поэзией, русским читателем поддерживали такие корифеи перевода как Н. Коржавин, С. Липкин, Н. Гребнев, Я. Козловский и многие другие. К сожалению, в последние десятилетия отсутствие профессиональных переводчиков, «национальной» политики в литературе заметно ослабило этот процесс. С уходом из жизни когорты ярких пе-

реводчиков в российском культурном пространстве практически исчезло представительство национальных литератур. Статистические данные Российской книжной палаты свидетельствуют, что в последние три года издание литературы на языках народов Российской Федерации составляет два процента от всей художественной продукции, а переводная литература с отдельных языков — тысячные, сотые и десятые доли процента. Необходимо подчеркнуть и то, что практически исчезла из обихода публикация переводов произведений художественной литературы с языка народа одной национальности Российской Федерации на язык другой. Такая ситуация создает чувство отчуждения. Необходима долгосрочная программа подготовки писательских кадров и переводчиков художественной литературы для работы в регионах. Формирование единого русского народа невозможно без налаживания культурных связей на федеральном уровне, без создания единого информационного пространства. Для этого необходимо, чтобы деятели российской культуры и литературы не замыкались в узконациональные рамки, а возрождали исторически свойственную им духовно-просветительскую миссию.

Одной из первых попыток наладить связи и диалог культур на федеральном уровне следует считать инициативу литераторов «Центра» по налаживанию контактов с писателями и поэтами Северного Кавказа. Так, фондом С. Филатова «Социально-экономические и интеллектуальные программы» был проведен семинар с участием творческой интеллигенции, издан сборник произведений северокавказских авторов «Война длиною в жизнь». Подобная деятельность противостоит формированию стереотипного «образа чужого», открывает ценность и неповторимость культуры и литературы народов, проживающих в России.

Закономерным следствием разрушения информационного и духовного пространства на федеральном уровне является оскудение содержания учебников по литературе России. Из школьных и вузовских учебных программ исчезла глава «Литература народов России», что существенно обедняет представление о единой российской культуре и литературе.

Кабардино-Балкарская Республика с середины 1990-х гг. стала местом проведения региональных фестивалей «Студенческая весна», «Танцы над Эльбрусом», «Кавказ — наш общий дом», «Мир — Кавказу», региональных научно-практических конференций «Мир на Северном Кавказе через диалог культур»¹³. Такие мероприятия помогают ближе узнать, понять друг друга, преодолеть чувства «инаковости», разделяющие людей по национально-региональным признакам. В результате естественного исторического процесса в России сложилась единая духовная общность народов, доминирующую роль в которой играет русская культура. Во взаимодействии культур она выступает и как культура межнационального общения, и как проводник достижений мировой культуры, и как катализатор позитивных изменений в различных сферах духовной жизни российских народов.

Однако сегодня в северокавказских республиках не только не имеют возможности видеть прославленные российские художественные коллективы, но и, в свою очередь, такие известные в регионе ансамбли как «Кабардинка», «Балкария» крайне редко выступают на

сценах столичных залов, других крупных российских городов. А ведь только взаимно направленное движение может дать желаемые результаты в сближении народов через культурные контакты и сотрудничество.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-01-00126.

1. Межнациональное согласие в региональном контексте М. 2015, с. 23.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 3. Национальный состав и владение языками, гражданство. Нальчик. 2013, с. 10—11.
3. ШАЛОВА Ф. Более тысячи школьников приняли участие в олимпиаде по русскому языку. — Университетская жизнь. 2016, № 2.
4. Стенограмма совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку от 26.05.2016 г. www.kremlin.ru.
5. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». План мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики (утвержден распоряжением Правительства России 15.07.2013 г.). www.government.ru.
6. План мероприятий по реализации в 2013—2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в Кабардино-Балкарской Республике (утвержден распоряжением Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 18 октября 2013 года № 579-рп). www.docs.cntd.ru.
7. Информационные доклады руководителей подразделений Управления «Об итогах деятельности Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР» за 9 месяцев 2015 года. www.pravitelstvokbr.ru.
8. ГАВРИЛОВА О. Отзывы гостей Международной научной конференции «Национальные образы мира в художественной культуре». — Университетская жизнь. 17.XI.2014, № 29.
9. ГУТОВ А.М., БОЗИЕВА Г.Дж., КЕШЕВА З.М. Состояние гуманитарной культуры: литература, искусство. В кн.: История многовекового сотрудничества: 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик. 2007, с. 564—581.
10. О работе Кабардино-Балкарского фонда культуры. www.pravitelstvokbr.ru.
11. КАРАМУРЗОВ Б.С. Образование и воспитание в духе культуры мира: опыт и перспективы работы КБГУ. Материалы научно-практической конференции «Мир на Северном Кавказе через диалог культур». Нальчик. 2000.
12. ДАВЫДОВ Ю.С. Проект федерально-региональной программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». — Вестник ПГЛУ. 1998. № 2, с. 39.
13. ГЕГРАЕВ Х.К. Доклад зам. начальника управления по воспитательной работе КБГУ на заседании Ученого совета КБГУ — Университетская жизнь. 5.III.2011, № 9—10.

УДК 947(470.22)/ББК 63.3(2)61(2Рос.Кар)

Транспортно-промышленный колонизационный комбинат Мурманской железной дороги в 1923—1934 гг.

К.В. Шеков

Аннотация. Карельская Трудовая Коммуна, созданная в 1920 г., а в 1923 г. преобразованная в Карельскую автономную республику РСФСР, вначале не имела своих органов местной власти и управления, а также подготовленных и грамотных кадров управленцев. В целях оказания КАССР помощи Совнарком одобрил инициативу по организации Транспортно-промышленного колонизационного комбината Мурманской железной дороги с широкими полномочиями по эксплуатации отведенной ему территории вдоль трассы от Карелии до Мурманска. Сотрудничество властей республики и комбината в условиях реализации новой экономической политики сопровождалось многочисленными конфликтами и в конечном итоге завершилось упразднением комбината в первые годы индустриализации.

Данная публикация посвящена изучению начального периода развития советской экономики с учетом региональных интересов на примере Карелии.

Ключевые слова: Карелия, Мурманск, железная дорога, транспорт, колонизация.

Abstract. Karelian Labour Commune, established in 1920 and in 1923 transformed into Karelian Autonomous Republic of the RSFSR originally did not have its public authorities as well as trained and qualified staff and executives. In order to support KASSR Sovnarkom (Council of People's Commissars) approved the initiative on organizing Transport-and-Industrial Colonizational Plant of Murmansk Railway with wide powers on using the allotted territory along the road from Karelia to Murmansk. The cooperation between the republican authorities and the plant within the terms of new economic policy to be realized were accompanied by numerous conflicts and eventually ended in abolishing the plant during the first years of industrialization.

This publication is devoted to the study of the initial period of the soviet economy development taking into account regional interests as exemplified by.

Key words: Karelia, Murmansk, railway, transport, colonization.

Историография проблемы промышленного освоения Севера довольно обширна ¹, однако межведомственные споры между ленинградским руководством Мурманской железной дороги (МЖД) и правительством КАССР, воплотившиеся в многолетнем и временами до-

Шеков Кирилл Витальевич — аспирант Института истории политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета. E-mail: shake-off@yandex.ru.

Shekov Kirill V. — postgraduate student at the Institute of Political and Social sciences of the Petrozavodsk State University. E-mail: shake-off@yandex.ru.

статочно остром противостоянии учреждений в период с 1925 по 1934 г., пока не получили должного освещения. Внимание исследователей в большей степени занимают экономические, хозяйственные успехи и иные достижения транспортно-промышленного колонизационного комбината, его роль в освоении лесных и минеральных ресурсов Севера. Такой подход, на наш взгляд, объясняется особенностями источниковой базы. На протяжении всей деятельности комбината железная дорога финансировала издание журналов, где подробно освещалась роль предприятий комбината в экономике Карело-Мурманского края. А.М. Арнольдов, с 1922 г. уполномоченный НКПС по МЖД, а в 1923—1927 гг. Председатель Правления МЖД, сам был увлеченным краеведом и талантливым публицистом. Кроме того, опыт колонизации в условиях Севера вызывал неподдельный интерес многих политических, общественных и научных деятелей — современников этого процесса. Финансовые и кадровые возможности органов власти Карелии были недостаточными, чтобы противостоять информационному напору МЖД.

В начале 1920-х гг. высшие посты в Карельской АССР занимали финские политэмигранты, которые разделяли идею В.И. Ленина о подготовке экспорта революции в Скандинавию. Председатель СНК КАССР Гюллинг был знаком с вождем, обсуждал с ним будущее приграничного региона и получил мандат на совершение необходимых социалистических преобразований.

Вместе с тем, хозяйственное освоение карельского края происходило без участия и контроля со стороны карельского руководства, поскольку эти процессы направлялись союзными наркоматами, а также крупными научными, промышленными и транспортными организациями². Республиканские власти болезненно реагировали на внешнее вмешательство во внутреннюю жизнь края, эксплуатацию ее природных богатств без контактов с местным руководством.

В 1923 г. Правление МЖД получило право эксплуатации крупных лесных массивов в пограничном районе, а также других природных богатств на территории вдоль железной дороги от Петрозаводска до Мурманска, общей площадью в 3 млн гектаров. В составе комбината были выделены подразделения-отделы, а по сути, организации с руководящим центром в лице Правления МЖД: Желлес, Желрыба, Желстрой, Желсиликат и другие. Каждое из указанных подразделений должно было решать свои задачи, но все они были тесно взаимосвязаны, превращая комбинат в самодостаточное хозяйственное образование, что в значительной степени делало его независимым от местных органов власти. Потери, связанные с осуществлением железной дорогой колонизационных мероприятий, компенсировались денежными средствами, поступавшими от попенной платы за лес. На базе предприятий Желрыбы были организованы операции по снабжению занятых на железной дороге рабочих и служащих. Желстрой отвечал за строительство жилых и производственных объектов, для чего использовалась древесина, которая заготавливалась Желлесом³.

Освоение территорий Севера предполагалось осуществлять по «канадскому» варианту, опираясь на промышленный потенциал железной дороги, и этот опыт был положен в основу решения, принятого 25 мая 1923 г. Советом Труда и Оборона СССР⁴. Данное поста-

новление и стало юридической базой существования комбината ⁵. Дальнейший стремительный рост потребностей динамично развивающегося комбината в древесине вызвал необходимость в расширении территории колотвода, и этот политический документ перестал удовлетворять Правление МЖД ⁶. Однако в Центре пересматривать постановление не спешили, а органы КАССР воспользовались этой ситуацией, чтобы ограничить политические и экономические возможности комбината. Руководство Карелии было заинтересовано в передаче его предприятий в структуру лесной промышленности республики и подчинении их ЦСНХ КАССР. Не считая лесозаготовительных пунктов, многие из которых уже были механизированы, в 1927 г. организация Желлес включала в себя Кандалакшский, Медвежьегорский, Майгубский и Масельский лесопильные заводы и столлярно-бондарную мастерскую в Медвежьей Горе ⁷.

От оценки результатов деятельности команды Э.А. Гюллинга зависели перспективы реализации их дальнейших планов, в то время, как железная дорога не только не способствовала росту карельского бюджета (доходы комбината направлялись им на собственные нужды), но и тормозила развитие промышленности республиканского ведения высокими тарифами на железнодорожные перевозки.

Железная дорога обладала бесспорными преимуществами — налоговыми льготами, транспортной инфраструктурой, возможностью сооружения железнодорожных веток к самим промышленным объектам. Близость к железной дороге предприятий существенно повышала их рентабельность. Так, из-за отсутствия подъездных путей к Тулмозерскому чугунолитейному заводу, находившемуся в 140 км от Петрозаводска, потерпела фиаско инициатива Гюллинга о его восстановлении. Председатель правительства КАССР лично лоббировал проект сооружения ветки Петрозаводск — Тулмозеро в вышестоящих органах, но дорогу так и не построили.

Противоречивым был и такой совместный проект органов железной дороги и Карельского правительства как издание научно-популярного журнала «Вестник Карело-Мурманского Края». По официальной версии, он печатался для «увязки колонизационной деятельности дороги... с работой всех краевых организаций». Правление МЖД активно использовало подконтрольные ему информационные ресурсы как инструмент давления на карельское правительство и способ мобилизации авторитетных сторонников. Так, в начале 1927 г. при поддержке журнала прошло первое Всероссийское совещание по переселенческому делу, участники которого признали метод и систему промышленной колонизации МЖД целесообразными и предлагали даже ускорить темп работ и увеличить выделяемое финансирование ⁸.

Интеллектуальный потенциал Правления МЖД позволял готовить и публиковать справочные и аналитические материалы о работе комбината ⁹. В ходе заседания пленума Карельского обкома ВКП(б) 15 декабря 1926 г. его участник А.Ф. Нуортева отметил, что «все это изобилие реклам, брошюр, над которыми сидит весь аппарат колонизационного фонда, когда Карелия на такую рекламу не может тратить средств», питает миф об исключительной роли МЖД в республиканской экономике ¹⁰. Участие в теоретической дискуссии на страницах «Вестника...» не сулило Гюллингу успеха, поэтому он выбрал

аппаратный метод борьбы, который казался ему менее затратным и более эффективным. С опозданием в информационное противостояние вступила республиканская газета «Красная Карелия»: в 1928 г. редакция выделила для освещения деятельности Комбината МЖД целую полосу. В одиннадцатом выпуске газеты один из авторов, В. Клишко, отметил слабое внимание рабкоров к вопросам улучшения транспорта и подсобных предприятий дороги. «Если кто из рабкоров и писал об этом, то отмечал только одни недочеты. А где достижения? Неужели их нет? Достижения в борьбе за... сокращение происшествий на дороге, прогулов, пьянства, бесполезных простоев, волокиты и бюрократизма...»¹¹ Бесконтрольность и запущенность предприятий железной дороги рассматривались как закономерные явления, указывающие на качество управления железнодорожным хозяйством.

В период с мая 1923 г. по ноябрь 1926 г. на фоне обозначившегося соперничества предприятий Карелии и железной дороги за сырье и рабочую силу отработывался пробный опыт совместного урегулирования спорных ситуаций. Однако решения были временными, поскольку не устраняли объективных причин конфликта.

В декабре 1925 г. в адрес руководства железной дороги прозвучала открытая критика со стороны СНК Карелии. В официальном печатном органе правительства республики «Красная Карелия» была опубликована статья «Нельзя действовать врозь». Поводом для выступления послужило согласование Правлением МЖД в центральных органах СССР вопроса постройки металлургического завода в Надвоицах, хотя, по мнению карельских властей, следовало предварительно поставить этот вопрос на обсуждение правительства КАССР. В январском номере «Вестника...» был опубликован ответ А.М. Арнольдова. Не опровергая обвинений и допуская расхождение интересов у участников конфликта, он, тем не менее, нашел и объяснение, и оправдание действиям железной дороги. Карельское правительство он охарактеризовал, как группу неторопливых, бесцеремонных бюрократов, лишенных способности ориентироваться в экономических процессах и препятствующих переменам. «Вопрос нужно ставить не только в плоскости нахождения целесообразных форм совместных действий, — указал Арнольдов, — но и в плоскости самовключения Карелии в тот темп, который... проводит Мурманская железная дорога, учитывая необходимость его всемерного ускорения»¹².

На заседании Карельского обкома 11 января 1926 г. Совету Народных Комиссаров КАССР было дано поручение «принять все зависящие от карельских органов меры для устранения всяких ненормальностей во взаимоотношениях [железной] дороги с Карелией и оказать дороге полное содействие для развития», «технически конкретно разработать вопрос... на более длительный срок». По заведенному порядку, Карельский обком не мог давать указаний Правлению МЖД (по ведомственной линии Правление подчинялось Народному комиссару путей сообщения, а по партийной — Ленинграду). Однако в постановлении было зафиксировано, что дороге «необходимо» все свои мероприятия и планы на карельской территории согласовывать с соответствующими органами АКССР¹³.

Избрание Председателя Правления Мурманской железной дороги Арнольдова в состав ЦИК КАССР осуществлялось в рамках фор-

мальной увязки органов власти Карелии с железной дорогой. В Правлении МЖД интересы Карельской АССР до 1927 г. представлял А.В. Шотман, а после — А.Ф. Нуортева. Обмен представителями в руководящих органах был проведен для того, чтобы показать взаимную готовность к диалогу, хотя корректировать свои позиции стороны не были готовы. Фактически, ни Арнольдов, ни Нуортева не оказывали влияния на решения этих органов управления.

Арнольдов, между тем, продолжал публиковать статьи, где излагал собственное видение будущих отношений с Карелией¹⁴. В мае 1926 г. на заседании СНК КАССР заслушивался доклад Наркома земли и леса о нарушениях правил и распоряжений по эксплуатации леса, замеченных на территории колонизационного отвода. В августе того же года вышло постановление СНК КАССР, регламентировавшее порядок отпуска леса для государственных учреждений, который распространялся, в том числе, и на участки, находившиеся в долгосрочном пользовании МЖД. В заявке на долгосрочное закрепление лесозаготовительных участков железной дороге было отказано. А 17 сентября СНК Карелии обвинило Правление Мурманской дороги в нарушении им основополагающего Положения СТО от 25 мая 1923 г., и в связи с этим обратилось в ЭКОСО РСФСР с просьбой возбудить ходатайство о «побуждении Правления дороги с 1 октября 1926 года передать управление лесами колонизационного отвода в ведение Управления лесами Карелии».

Дальнейший и неизбежный рост напряженности был спровоцирован изданием Правлением Мурманской железной дороги осенью 1926 г. брошюры, которая подводила промежуточные итоги работы комбината в Карелии¹⁵. Настолько подробный и обстоятельный анализ разногласий железнодорожников с карельской стороной был проделан впервые. Тем не менее, взгляд на проблему взаимоотношений Карелии и органов железной дороги выглядел односторонним: местные власти в брошюре были представлены в крайне невыгодном свете. Логика действий СНК Карелии, по мнению авторов брошюры, сводилась к опасению властей республики умаления национально-хозяйственной автономии. Это утверждение подкреплялось аргументами в виде фрагментов из недавней статьи Гюллинга¹⁶. На заседании Карельского обкома 1 декабря 1926 г. публикация была оценена как «тенденциозная» и направленная против руководящих органов республики.

Реакция обкома на действия Правления выразилась в том, что обсуждение вопроса, считавшегося прежде чисто хозяйственным, было перенесено на партийную площадку¹⁷. Конфликту придавалось политическое звучание. В декабре 1926 г. доклады Гюллинга и Арнольдова о сложных взаимоотношениях были заслушаны Северо-Западным бюро ЦК ВКП(б). Здесь сам факт издания железной дорогой вышеупомянутой брошюры был признан «политически вредным и хозяйственно нецелесообразным». Гюллинг в своем выступлении отметил: «С политической точки зрения это чрезвычайно нехорошая постановка вопроса, так как надо учесть наше пограничное положение, близость к белофиннам, которые могут использовать этот момент»¹⁸.

Партийный орган занял позицию карельских властей: «Дальнейшую работу колотдела МЖД и всех не транспортных предприятий

Мурм.ж.д. вести, имея в виду безболезненный переход в ведение органов КАССР не позднее 1933 года»¹⁹. А неделю спустя, 20 декабря 1926 г., в бюро Карельского обкома договорились, что основания для дальнейшего функционирования комбината МЖД в республике отсутствуют. Этот момент можно было бы условно считать началом новой, открытой, фазы противостояния, когда возможности переговоров были исчерпаны, а главным условием победы сторон стало полное устранение конкурента.

В связи с административным районированием 1927 г. и формированием Ленинградского областного комитета ВКП(б), в ноябре 1927 г. Северо-Западное областное бюро ЦК ВКП(б) прекратило свое существование. Карельская партийная организация лишилась своего шефа²⁰, а вместе с ним и действенных рычагов воздействия на органы управления комбината. Отныне республика подчинялась напрямую ЦК ВКП(б). Ожидать оперативной реакции на обращения с мест от громоздкого и загруженного перепиской центрального аппарата не приходилось. Коридор политических возможностей республики уменьшился.

В начале февраля 1928 г. Карельский областной комитет ВКП(б)²¹ обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой подчинить карельскую партийную организацию Ленинградскому обкому. В ином случае карельское руководство было бы лишено возможности контролировать деятельность предприятий, «которые работают на территории Карелии, но имеют свои правления в Ленинграде». В тексте резолюции упоминались и сами «непокорные»: Мурманская железная дорога и трест «Севзаплес»²². Просьба была удовлетворена с опозданием почти в полгода²³.

Усилив свое политическое положение, Карельский обком вызвал представителя фракции Правления МЖД для доклада на заседание, запланированное на 15 октября 1928 года. Обком констатировал, что силами комбината в республике созданы «параллельные организации по многим отраслям экономической жизни», фракции СНК КАССР было дано поручение включить в пятилетний план развития республики плановую передачу Карелии отдельных подсобных предприятий комбината. Резолюция была направлена в Ленинград²⁴.

Очередная формальная попытка примирить стороны, предпринятая уже Ленинградским обкомом ВКП(б), ничего не решила. В июле 1929 г. Ленобком утвердил Положение о взаимоотношениях СНК КАССР и Ленинградского облисполкома. Перечень вопросов, подлежавших урегулированию, был связан преимущественно с работой комплекса предприятий комбината МЖД и свидетельствовал о низком уровне доверия. Обращал на себя внимание пункт 6, предписывавший исполнительным органам власти информировать друг друга о возбуждении в союзных органах вопросов, затрагивающих интересы сторон²⁵.

В начале 1928 г. в ЭКОСО РСФСР были направлены информационные материалы правительства КАССР о проектируемых мероприятиях по усилению лесозэкспорта, где говорилось о серьезной угрозе срыва планов, исходящей от Правления МЖД. Познакомившись с этими материалами, уполномоченный НКПС при Совнаркоме и ЭКОСО РСФСР Е.В. Полюдов подготовил письмо, которое было ад-

ресовано целому ряду российских и союзных органов: ЭКОСО РСФСР, ВСНХ РСФСР, СТО и Госплану СССР. В письме Полюдов указал, что Карелия встала на путь «наименьшего сопротивления и обогащения за счет Мурманской ж.д.»²⁶.

Недовольство местных партийных организаций по поводу некорректного поведения работников предприятий железной дороги не только умножалось, но и тщательным образом документировалось. На собраниях коммунисты отмечали, что качественный состав колонистов не отслеживается, среди них часто попадаются противники советской власти и криминальные элементы. В Медвежьегорском районе по вопросу о колонизации края коммунисты говорили прямо: «это дело в Ленинграде, а у Райкома руки коротки»²⁷. Отсутствовала согласованность действий. После того, как в 1927 г. к восьмилетнему заключению был приговорен машинист Яковлев, партийная организация инициировала кампанию по сбору подписей за отмену судебного приговора. Списки передали во фракцию Дорпрофсожа Мурманской железной дороги, которая на своем заседании 17 августа 1927 г. осудила кампанию, указав на увеличение числа происшествий, происходящих на почве пьянства машинистов²⁸.

В июле 1928 г. на совещании секретарей райкомов Карелии отмечалось, что со стороны руководителей подсобных организаций железной дороги встречается упорное сопротивление директивам местных советских, партийных и профсоюзных организаций и искривление ряда распоряжений. Секретарям районных комитетов ВКП(б) было поручено основательно проработать свои выступления на ближайшем пленуме и сопроводить их конкретными фактами. Пленум состоялся 15 октября 1928 года. В ходе прений по докладу Председателя Правления МЖД²⁹ выступили до двадцати участников собрания, среди которых свои позиции высказали Председатель СНК КАССР Гюллинг, Нарком РКИ Н.Т. Григорьев, Председатель Совнархоза КАССР А.Н. Лесков, Секретарь КарЦИКа Ф.Е. Поттоев, многие секретари районных комитетов партии.

Общую позицию на пленуме обозначил «главный карельский хозяйственник» Лесков. Подчеркнув, что в ноябре 1926 г. обкомом уже давалась оценка обоснования существования железнодорожного комбината, он предложил обратиться в вышестоящие парторганизации с просьбой разрешить этот спор. «При наличии “комбината”, при наличии известного нам обоснования необходимости комбината, — рассуждал Лесков, — мы докатываемся до двух планов, не согласованных между собой, а временами идущих вразрез друг другу... Разве мы не имеем параллельных органов Кареллес, Желлес; Карелторг, Рыбпромсоюз — Желрыба; Карелгранит — Жилсиндикат». Сделанный им вывод был поддержан всеми участниками пленума: «необходимо признать, что(бы) отдельные предприятия Мурм.ж.д. постепенно, планомерно, в меру хозяйственной целесообразности, выливались в цикл территориальных органов»³⁰.

Секретари райкомов партии поделились собственным опытом взаимоотношений с организациями МЖД. В ходе прений никто из них так и не высказался на тему, следует ли ограничить развитие подсобных предприятий дороги или достаточно будет наладить контакты с парткомами. Сам факт наличия недовольства в районных

партийных организациях означал, что позиция республиканской верхушки находит поддержку в партийных рядах. В резолюции пленума отмечалось, что ввиду возросшего темпа развития хозяйства Карелии, работу подсобных предприятий МЖД следует сворачивать³¹.

Тема ликвидации комбината все чаще поднималась на конференциях, пленумах и партийных собраниях. Отсутствие определенности в решении этого вопроса в Центре только «подливало масла в огонь». В июне 1929 г. было принято постановление ЭКОСО РСФСР по докладу особой комиссии НК-РКИ СССР, согласно которому менялись формы руководства колонизацией Карело-Мурманского края. Карельское правительство выступило с решительным протестом: «Измененные... организационные формы... считать приемлемыми лишь при условии, что местонахождение комитета будет в Петрозаводске и при условии ликвидации Колонизационного отдела Мурманской ж.д. с передачей его функций рабочему аппарату комитета в Петрозаводске»³².

Некоторые подразделения комбината МЖД были упразднены сами собой, как неэффективные, независимо от позиции Карелии по этому вопросу. За шесть лет работы управленческий аппарат Желрыбы сумел наладить всесезонный лов сельди, оборудовать консервное производство в Кандалакше, множество посолочных амбаров, салогреек и коптилен, сеть пекарен и торговых лавок³³. Согласно резолюции бюро коллектива ВКП(б) Правления МЖД от 14 мая 1928 г., в работе «Желрыбы» наблюдался уклон в сторону коммерческой деятельности в ущерб основной работе по снабжению и рыбозвербойному промыслу³⁴. На пленуме коллектива ВКП(б) Правления МЖД, состоявшемся 12 сентября 1929 г., отмечались низкий уровень ответственности, бесхозяйственность, растраты и хищения. Никак не комментируя указанные недостатки, один из руководителей комбината М.М. Кулабухов охарактеризовал ликвидацию Желрыбы как «контрреволюцию»³⁵.

В августе 1929 г. после постановки Центром задачи решительного поворота Карелии «лицом к лесу» расклад сил начал меняться в пользу республики. Сталинская идеология форсированной индустриализации, координируемой из Центра, противоречила экономическому подходу МЖД, тогда как Гюллинг и его соратники сдержанно относились к спорам о проведении индустриализации любой ценой, рассчитывая сохранить и автономный статус республики и ее исключительные бюджетные права. 9 марта 1930 г. Карельский обком ВКП(б) направил в ЦК партии официальное письмо, где очертил круг наиболее значимых для республики проблем, две из которых были связаны с функционированием комбината МЖД³⁶. В преддверие празднования 10-летия Карельской АССР, Секретариат Каробкома ВКП(б) предложил фракции Карельского ЦИК обратиться к вышестоящему руководству с тем, чтобы переименовать Мурманскую железную дорогу в Карельскую³⁷. Это подчеркнуло бы роль транспортной магистрали для экономического развития республики и позволяло напомнить Центру о высоком политическом значении самой республики. Предложение было отвергнуто.

Все большее значение стал приобретать ежедневный контроль за деятельностью предприятий железной дороги на местах и сигнализация по партийной линии в случае обнаружения нарушений. В февра-

ле 1930 г. на заседании Медвежьегогорского райкома партии было отмечено, что, приехав на станцию по делам ведомства, Кулабухов «не счел нужным зайти в Райком партии и не поставил партийную организацию в известность о принятых им мероприятиях, а также и не узнав о недочетах по лесозаготовкам и др. отраслям работы промышленности и транспорта»³⁸. На бюро Сорокского райкома партии в октябре 1930 г. приводились высказывания начальника местного аппарата Желлеса Перкона: «Меня направил Желлес и я ему подчиняюсь», «Выполнение постановления Бюро РК будет хулиганством», «В Райкоме сидят мальчишки, а Вы — шайка хулиганов». Участники заседания сделали вывод, что Перкон «вероятно получил инструкции Правления Желлеса об игнорировании местных организаций... на два заседания Бюро не явился, на 3-е пришел без материалов»³⁹. Комментируя ход обследования выездной комиссии ЦК, партработник Денисов указал: «Нашей работе также тормозит существование двух организаций — Желлеса и Кареллеса... поставить этот вопрос на разрешение в центре, что значительно облегчит работу в планировании и руководстве лесозаготовками Карельским организациям...»⁴⁰

На X Всекарельской конференции (28 мая — 1 июня 1930 г.) отмечалось, что за целый год ни разу не собиралась паритетная комиссия Ленинградского областного исполкома и СНК КАССР, которая была организована год назад для интенсификации аппаратного взаимодействия структур. Как отметил Лесков, «вопросы, по которым должна быть найдена увязка, исчисляются десятками... При нахождении этих путей нужно все время твердо помнить, что хозяйственные права Карелии, как автономной пограничной республики, ни в коей степени не могут быть умалены». В заключении Лесков призвал вывести ленинградско-карельскую комиссию из «состояния анабиоза»⁴¹. В августе Секретариат Карельского обкома заявил о поддержке инициативы партийной фракции карельского правительства о создании другой, новой, паритетной комиссии

Предположительно в конце июля 1930 г.⁴² в Центре было принято решение об изъятии колонизации из ведения железнодорожного комбината и ликвидации последнего (это решение было узаконено постановлениями СНК СССР и СТО 26 сентября 1930 года). В соответствии с новым раскладом сил, Желлесу было позволено продолжить свою работу «на общих основаниях», круг его задач ограничивался обеспечением нужд транспорта⁴³. Несмотря на изменившееся политическое, экономическое и правовое положение Желлеса, карельские государственные и партийные органы продолжали оказывать давление на инородную организацию с целью вытеснить ее с территории республики окончательно.

В марте-апреле 1931 г. Карельский обком предпринял попытку объединить сплавы Желлеса и Кареллеса (решение об этом должно было принять Правление Союзлеспрома), но сам решение и отозвал⁴⁴. В начале июня 1931 г. уже руководство Всесоюзного объединения лесной промышленности и лесного хозяйства НКПС предложило Правительству КАССР ликвидировать Желлес. В этом случае нужды железной дороги следовало удовлетворять за счет продукции карельских предприятий. Планируемые переговоры по заключению соответствующего договора по техническим причинам не состоялись, и началь-

ник ВОЛТ НКПС Сидоров сделал вывод, что Карелия намеренно саботирует переговорный процесс, о чем поспешил уведомить Секретаря Ленинградского обкома С.М. Кирова. В почто-телеграмме он отметил, что в свете последних событий вынужден «по-иному» поставить перед СТО вопрос снабжения Мурманской Октябрьской дороги ⁴⁵. В Карелии, в свою очередь, поведение Сидорова объяснили тем, что он просто передумал ⁴⁶.

В 1931 г. Желлес был преобразован в Северо-Западный лесной транспортный трест — Севзаптранлес Наркомата путей сообщения СССР. Задание по заготовке леса для нужд железной дороги было распределено между Кареллесом и Севзаптранлесом. Деятельность последней организации карельские органы одобряли не больше, чем в свое время Желлеса. Секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Позерн резко высказался по этому поводу. Выступая на XI Карельской областной партийной конференции (15—17 января 1932 г.), он пожурил карельское руководство за отсутствие помощи Транлесу, «который в силу постановления центральной власти, нравится он вам или не нравится, обязан выполнить большое задание» ⁴⁷. Однако комбината в его прежнем виде к тому моменту уже не существовало. В 1934 г. Севзаптранлес был передан в ведение Наркомата лесной промышленности СССР и в том же году был ликвидирован. Всю полноту ответственности за развитие экономики края теперь несло карельское руководство.

Экономическое значение Мурманской железной дороги, как транспортной магистрали и транспортно-промышленного колониационного комбината для развития Карельской АССР и освоения ее ресурсного потенциала переоценить невозможно. Однако нельзя и забывать о том, что в самой республике в этот период активная работа комбината воспринималась критически.

Конфликт между СНК КАССР и Правлением Мурманской железной дороги загасить не удалось, поскольку он развивался между ведомствами и был вызван фактом работы двух самостоятельных и равномогущих хозяйственных организаций на одной территории. Конфликт носил многоплановый характер. Соперничество органов власти КАССР и Правления МЖД одновременно развивалось как в политической и правовой плоскостях, так и в области экономики и имущественных отношений. Надо сказать, что ни замена в 1927 г. Арнольдова Дронговским, ни следующая за ней замена в 1928 г. Дронговского на М.М. Кулабухова не ослабили напряженности в отношениях сторон. Вместе с тем, руководство Мурманской железной дороги являлось проводником интересов Народного комиссариата путей сообщения СССР. Данное обстоятельство вынуждало карельское руководство искать союзников в Ленинграде и объективно способствовало интеграции приграничной республики в общее политическое пространство страны.

Если руководящие органы комбината опирались на поддержку НКПС СССР, столичного научного и экспертного сообщества, то со стороны Карелии в качестве инструмента политической борьбы использовалась партийная организация. Правление Мурманской железной дороги игнорировало авторитет местных партийных органов. Строгая централизация железнодорожных предприятий способствовала их

обособлению от местных партийных и общественных организаций. Неготовность к диалогу органов железной дороги вела к консолидации секретарей районных комитетов партии, которые со временем сделались активными борцами за свертывание деятельности комбината МЖД.

Противостояние СНК Карелии и Правления Мурманской железной дороги началось в период расцвета нэпа и ярко продемонстрировало, насколько уязвимым оказалось их положение в условиях противоречивого сочетания политического единообразия и экономической конкуренции. Со сменой политического курса на форсированную индустриализацию страны и принудительную коллективизацию возросла потребность в концентрации рычагов управления этим процессом в одном центре, что отразилось на хозяйственных связях и динамике развития страны.

Примечания

1. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т.2. СПб. 1997, с. 35—38; КИЛИН Ю.М. Карелия в политике советского государства, 1920—1941. Петрозаводск. 1999; КИСЕЛЁВА О.А. Деятельность транспортно-промышленного колониационного комбината Мурманской железной дороги в 1923—1929 гг. В кн.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск. 1999, с. 143—151; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск. 2001, с. 468, 507.
2. Из отчета Карельского обкома ВКП(б) за 1925/26 г. о состоянии промышленности. Не ранее 17 ноября 1926 г. В кн.: Народное хозяйство Карелии. 1926 г. — июнь 1941 г.: Документы и материалы. Петрозаводск. 1991, с. 15—16.
3. ЯРОБКОВ В.В. Значение железной дороги «на Мурман» в XX—XXI вв. В кн.: Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 6. СПб. 2013, с. 387—388.
4. КИСЕЛЁВА О.А. Ук. соч., с. 143—145.
5. В межведомственной переписке упоминаются и другие постановления союзных органов, но поскольку МЖД они касались лишь опосредованно, то карельскими органами принципиально не рассматривались.
6. Казенное учреждение Национальный архив Республики Карелия (КУ НАРК), ф. 690, оп. 1, д. 16—166, л. 4.
7. ЛЕСКОВ А.Н. Индустриализация Карелии. — Карело-Мурманский Край. 1927, № 10—11, л. 22.
8. Первое Всероссийское совещание по переселенческому делу (10 февраля — 8 марта 1927 г.). — Карело-Мурманский край. 1927, № 4, л. 30.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.), ф. 1203, оп. 151, д. 151.
10. КУ НАРК, ф. 690, оп. 1, д. 7/47, л. 11.
11. КЛИШКО В. А где же достижения? — Красная Карелия. 25.III.1928, с. 3.
12. АРНОЛЬДОВ А.М. Нельзя медлить, оговариваясь согласованностью (Ответ тов. А.М. Арнольдова на передовицу газ. «Кр. Карелия» от 2 дек. 1925 г.). — Вестник Карело-Мурманского Края. 1.I.1926, л. 5.
13. КУ НАРК, ф. П-3, оп. 2, д. 6, л. 4—5.
14. АРНОЛЬДОВ А.М. О взаимоотношениях с Карелией. — Вестник Карело-Мурманского Края. 1—10.IV.1926, с. 2—3.
15. Мурманская железная дорога как Транспортно-Промышленно-Колониационный Комбинат и хозяйство Карелии. Ленинград. 1926.
16. ГЮЛЛИНГ Э.А. Бюджетные права Карелии. — Экономика и статистика Карелии. 1926, № 7—8, с. 1—17.

17. КУ НАРК, ф. П-3, оп. 2, д. 9, л. 107.
18. Там же, ф. 690, оп. 1, д. 7/47, л. 4.
19. ЦГАИПД СПб., ф. 9, оп. 1, д. 155, л. 40.
20. Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск. 1974, с. 199.
21. Это был первый пленум, состоявшийся после ХУ съезда ВКП(б).
22. КУ НАРК, ф. П-3, оп. 2, д. 229, л. 25.
23. На пленуме 30 января — 1 февраля 1928 г. представитель Ленинградского обкома Б.П. Позерн обозначил, что ЦК ВКП(б) уже обратил внимание на эту проблему. Само решение, однако, было запроотоколировано только полгода спустя. 29 августа 1928 г. Ленинградский обком партии утвердил положение о подчинении Карельской парторганизации. В этом документе о противоречиях Карельских органов и железной дороги уже не упоминалось. См.: КУ НАРК, ф. П-3, оп. 2, д. 229, л. 25; ЦГАИПД СПб., ф. 24, оп. 1, д. 45, л. 152.
24. КУ НАРК, ф. 690, оп. 1, д. 11/105, л. 2.
25. ЦГАИПД СПб., ф. 24, оп. 1, д. 170, л. 38—42.
26. Там же, ф. 690, оп. 1, д. 11/105, л. 7.
27. КУ НАРК, ф. П-3, оп. 2, д. 257, л. 41.
28. Там же, д. 128, л. 14—20; ЦГАИПД СПб., ф. 9, оп. 1, д. 2082.
29. КУ НАРК, ф. П-3, оп. 2, д. 246, л. 28.
30. Там же, д. 230, л. 8.
31. Там же, л. 39.
32. ЦГАИПД СПб., ф. 690, оп. 1, д. 11/105, л. 4.
33. Промыслово-колониционная работа «Желрыбы» за 1923—1926 гг. — Карело-Мурманский край. 1927 г., № 4, л. 20.
34. ЦГАИПД СПб., ф. 1203, оп. 1, д. 192, л. 471.
35. Там же, д. 221, л. 33.
36. КУ НАРК, ф. П-3, оп. 2, д. 423, л. 94—96.
37. Там же, д. 434, л. 96.
38. Там же, ф. П-26, оп. 1, д. 86, л. 130.
39. Там же, ф. П-28, оп. 1, д. 71, л. 200—202.
40. Там же, л. 250.
41. Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 418, л. 20.
42. Будет ли ликвидирован комбинат мурманской железной дороги. — Красная Карелия. 10.VII.1929, л. 4.
43. КУ НАРК, ф. П-3, оп. 2, д. 447, л. 10, 12, 90; д. 453, л. 13.
44. Там же, д. 521, л. 101; д. 523, л. 2.
45. Там же, д. 544, л. 38.
46. Там же, л. 41.
47. Там же, д. 650, л. 82.

Красный террор на Енисее в 1920—1922 гг.

А.П. Шекшеев

Аннотация. Данная публикация посвящена выявлению и освещению разновидностей красного террора, осуществляемого на территории одной из сибирских провинций — Енисейской губернии. Показано, что репрессии в виде чекистского террора, красного бандитизма и заложничества были направлены не только против политического противника, но и охватывали широкие слои населения. Автор утверждает, что развязанный коммунистами террор способствовал упрочению здесь Советской власти.

Ключевые слова: аресты, банды, белые, заговоры, заложники, коммунисты, контрреволюционные организации, Красная армия.

Abstract. This publication is devoted to the identification and reporting of species of the red terror, carried out on the territory of one of the Siberian provinces of Yeniseisk province. It was shown that repression in the form of the chekist terror of the red banditry and hostage-taking were not only directed against political opponent, but also covered a wide spectrum of the population. The author claims that the Communists unleashed terror contributed to the consolidation of Soviet power there.

Key words: arrests, gang, white, conspiracy, hostage, Communist, counter-revolutionary organization, the Red army.

Самой мрачной страницей Гражданской войны является террор, развязанный противными сторонами. На территории Енисейской губернии насилие по отношению к политическим противникам впервые было применено большевиками в 1917—1918 годах. Они широко использовали аресты членов администрации Временного правительства, руководителей земства, партии социалистов-революционеров и офицеров. Террор был присущ и белым, казнившим видных большевиков, лиц, сопротивлявшихся политике антибольшевистских правительств, партизан и их семей. Мятёжное крестьянство, в свою очередь, ликвидировало не только представителей находившейся у власти администрации, но и сельскую интеллигенцию.

Шекшеев Александр Петрович — кандидат исторических наук. Абакан. Республика Хакассия. E-mail: turan47@yandex.ru.

Sheksheev Alexander P. — candidate of historical sciences. Abakan. Republic Hakassiya. E-mail: turan47@yandex.ru.

Согласно мнению историков, насилие белых, а тем более жестокость, проявляемая крестьянскими повстанцами, все же не были организованной системой. Большевистский же террор являлся отлаженной машиной, для действий которой были характерны непредсказуемость и массовость. Полностью регулируя жизнь армии и населения, он широко использовался в политических целях ¹.

В отличие от террористических действий белых, изучаемых длительное время советскими историками, но зачастую лишь по воспоминаниям самих большевиков, феномен красного террора приобрел известность и стал объектом исследования только в последние десятилетия. Будучи, по свидетельству специалистов, ключевой проблемой региональной истории ², это явление в настоящее время переживает этап накопления соответствующих материалов ³, но слабо сопровождается его осмыслением и терминологическим обустройством. Случается, обществу преподносятся труды, авторы которых, возвращая читателей к большевистским схемам истории, отрицают или умалчивают само существование красного террора, а также сужают, например, деятельность ВЧК выполнением сугубо розыскных, следственных функций ⁴.

Понятно, что красный террор осуществлялся согласно политике государства или при его поддержке. Но возникновение, формы и масштабы террористической деятельности большевиков зачастую оказывались в зависимости от обстановки и личности участников событий, что и определяло их региональную специфику, выявление которой способно существенно дополнить общее представление об этом явлении.

Поскольку на очищенной от белых территории за Уралом органы ВЧК пришлось создавать заново, строительство их затянулось. В начале 1920 г. появилось Полномочное представительство (ПП) ВЧК, которое должно было наладить чекистскую работу в Сибири. Вместе с тем, в Красноярске чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности была образована, скорее всего, под воздействием возникших обстоятельств и по инициативе местной Советской власти.

К январю 1920 г. части Белой армии и множество следующих с ней беженцев вышли к Красноярску. Здесь они оказались в сложной ситуации. Впереди оборону держали мятежные солдаты и рабочие, с запада наступали регулярные части Красной армии, а с юга и севера подходили партизаны. Начав наступление, белые вскоре были вынуждены двинуться в обход города или сдать его. Согласно официальной, но, вероятно, устаревшей оценке, потери белых под Красноярском составляли до 60 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными ⁵. Задержанными, вспоминал очевидец, были переполнены камеры тюрьмы. Их размещали во дворе, а затем и просто за оградой ⁶. С введением в городе военного положения и комендантского часа пленных сортировали — отделяли генералов и офицеров от солдат и доставляли в военный городок. Вскоре здесь в полуголодном состоянии находились от 12 до 20 генералов, 50 полковников, 175 штаб-офицеров, 4380 обер-офицеров, а всего — до 6 тыс. представителей офицерского корпуса, а также множество солдат ⁷. В то же время толпы разоруженных военнослужащих без документов, продовольствия, денег и теплых вещей брели на запад от Красноярска, умирая от тифа или становясь жертвами партизан.

Скопление больших масс людей, переживших жизненную катастрофу, голодных и озлобленных, слабость и непоследовательность действий советских органов по организации их существования способствовали повышению уровня взрывоопасности ситуации. Предотвратить ее и должны были вновь созданные спецслужбы.

Енисейская губернская ЧК начала работать с 8 января 1920 года. Но для того, чтобы она функционировала в полном объеме, местных сил было недостаточно. Удовлетворяя ходатайство региональных властей, Президиум ВЧК прислал из Москвы целый штат ответственных лиц, пополнивших не только губернскую, но и уездные комиссии. Деятельность органов ЧК регламентировалась постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» и «Положением о Всероссийских и местных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией и саботажем», утвержденным ВЦИК 28 октября 1918 года. В соответствии с этими документами спецслужбы являлись одновременно органами дознания, правосудия и исполнения приговоров.

С приездом в Красноярск представителей центрального аппарата ВЧК борьба с контрреволюцией усилилась, вызвав панику среди населения. «Атмосфера чека переполнена грубостью, цинизмом, кровью, предательством, пьянством и развратом», — такую характеристику внутренней жизни этого учреждения сделал один из очевидцев⁸.

Чекистская тюрьма стала пополняться участниками «заговоров», членами «контрреволюционных организаций» и людьми, которые арестовывались целыми семьями по доносам и с целью сведения личных счетов. Многие из задержанных находились в заключении без предъявления обвинения. Приговоры, даже по мнению самих чекистов, были излишне суровыми и безосновательными. Наблюдая за председателем губернской чека В.И. Вильдгрубе, очевидец сообщал о его «непонятной жажде крови», о некоей «патологии», присущей натуре этого человека⁹.

В первую очередь красноярская чека занялась розыском и наказанием руководителей и активных деятелей белого режима, контрразведчиков и карателей, которых, как правило, ждал расстрел. Так, к примеру, погибли бывшие подпоручик М.И. Балашко и штабс-капитан И.А. Вотин, командир отряда Соколов-Свиридов и подьесаул С. Мамаев, якобы за расстрел большевиков и крестьян. К смертной казни были приговорены генерал-майор В.П. Гулидов, бывший атаман Енисейского казачьего войска А.А. Сотников, редактор газеты «Свободная Сибирь» Ф.Ф. Филимонов и другие. В тюрьме умерли генералы Н.А. Воронов и В.А. Красильников.

Следом к террору перешли и уездные чекисты. В Канске по обвинению в участии в карательных акциях были расстреляны 20 членов некоего «Чертова отряда» во главе с И. Калининским. В Минусинске уголовно-следственная комиссия в конце марта 1920 г. приговорила к расстрелу 19 сторонников белой власти, а через месяц — хакасского общественно-политического деятеля, кооператора и ученого С.Д. Майнагашева и его брата, обвиненных в организации «карательного отряда», а также нескольких абаканских и шушенских дружинников. Ревтрибунал приговорил к высшей мере наказания (ВМН) уроженца д. Мигны Минусинского уезда С.М. Галкина, якобы участвовавшего в порках крестьян и убийстве одного из них. В Ачинске ЧК раскрыла

«контрреволюционную организацию». Арестовав ее членов, чекисты, вследствие того, что местная тюрьма, рассчитанная на 167 заключенных, была переполнена, расстреляли 19 человек.

В начале мая 1920 г. сотрудники ЧК арестовали в Красноярске бывшего штабс-капитана А.Ф. Голубкина, участвовавшего в борьбе с партизанами. Его использовали для фабрикации «контрреволюционного» дела, а затем ликвидировали. В Ачинске были расстреляны бывший начальник военного района полковник П.И. Бальзам, подпоручик Д.И. Голованов, командиры белых войск полковники Г.Н. Юрьев и Б.П. Беланевец, а также лица, признанные виновными в выдаче карателям красноармейцев и ликвидации рабочих Петровского завода ¹⁰.

Вместе с тем, неверным является утверждение одного из ведомственных историков о том, что в губернских ЧК «применение ВМН было скорее исключением, чем правилом» ¹¹. Чекисты часто расстреливали пленных только за участие в Гражданской войне и выполнение приказов вышестоящего командования. Так, их жертвами становились бывшие белые офицеры и чиновники, устроившиеся на службу в государственные органы и общественные учреждения Красноярска. В марте 1920 г. ЧК с помощью секретной сотрудницы разоблачила искусственно созданную контрреволюционную организацию и арестовала 40 бывших офицеров, работавших в отделах губернского ревкома. Обнаружив ядро новой организации, якобы готовившей восстание, она к 9 апреля того же года подвергла аресту еще 37 человек. Был уличен в контрреволюционной деятельности и расстрелян председатель губернской комиссии по борьбе с дезертирством Громов. Тогда же, как сообщает один из советских авторов, чекисты ликвидировали «белогвардейскую группу», насчитывавшую, по разным данным, от 22 до 40 человек ¹².

Среди арестованных были, в том числе, бывший штабс-капитан и подданный Латвийской республики Я.П. Эглит-Симбарт, подпрапорщик К.Д. Лисенков-Кочурин, которых обвинили в осуществлении заговорщицкой деятельности, направленной на свержение Советской власти. Судя по материалам дела, следствие велось с нарушением процессуальных норм: постановление о возбуждении уголовного дела, обвинительные заключения не составлялись, обвинение подследственным не предъявлялось, вина их не была доказана, а все обвиняемые свою причастность к заговору отрицали. Однако 16 июня 1920 г. коллегия губернской ЧК приговорила всех «контрреволюционеров» к расстрелу ¹³.

Более масштабной являлась расправа чекистов с бывшими офицерами и военнопленными польской национальности, якобы состоявшими в «контрреволюционной организации» М.И. Каверина — Д.А. Высоцкого, образованной из военнослужащих Енисейской инженерной военно-рабочей бригады, посланных на лесозаготовки, и их бывших сослуживцев, бежавших в поисках работы и пищи из военного городка. Созданный ими отряд насчитывал, по разным данным, от 60 до 100 чел., вооруженных двумя или тремя пулеметами. Внедрив своего агента, ЧК получила сведения о том, что данная «монархическая» организация была создана с целью организации восстания среди населения окрестных селений и лесозаготовителей, освобождения из заключения бывших офицеров, разоружения ими гарнизона Красно-

ярска, а в случае неудачи — подрыва моста через р. Енисей и бегства за границу.

Но показания задержанных свидетельствовали о других мотивах создания этой организации: бывшие офицеры использовали ее для спасения своих сослуживцев, голодавших и находившихся под угрозой репрессий, а затем для перехода в Монголию. Непосредственным поводом для ее ликвидации стало появление воззвания Каверина, призывавшего население к свержению Советской власти. Однако знали о нем, как оказалось, лишь немногие члены организации. В мае 1920 г. отряд комиссара Фирсова, состоявший из 200 штыков, 60 сабель и вооруженный пятью пулеметами, разгромил это «вражеское гнездо». 27 июля 1920 г. состоялось заседание коллегии губернской ЧК, которое рассмотрело дело 230 чел., обвинявшихся в «контрреволюционной деятельности». Из них были приговорены: к расстрелу — 53, лишению свободы — 29 и ссылке — 14 лиц¹⁴.

Трагедия в Красноярске получила существенную огласку. Основываясь на свидетельствах очевидцев, одна из прибалтийских газет сообщила о том, что люди в городе исчезали внезапно, в массовом порядке и бесследно. К тому же обитатели переполненных тюрьмы, лагеря и подвалов «чрезвычайки» вымирали от эпидемии тифа. Ежедневно 200 военнопленных рыли могилы для умерших и «выводимых в расход» сослуживцев, общая численность которых за первое полугодие 1920 г. составила 32 760 человек. Умерло от голода и тифа, а также было расстреляно до 75% всех военнопленных, «трупы которых не успевали хоронить, и они целыми грудями валялись под городом».

Оставшиеся в живых офицеры были отправлены в Советскую Россию, где их определили в воинские части и на каторжные работы. Но из 1100 пленных офицеров, высланных из Красноярска в Приуральский военный округ, в Екатеринбург прибыли только 465 чел., а остальные умерли в дороге от тифа. Другие же использовались на месте в качестве рабочих на лесозаготовках и рудниках. К середине апреля 1920 г. военный городок опустел. Какая-то часть военнопленных бежала из Красноярска, пробиваясь с боями в Забайкалье к атаману Семёнову¹⁵.

Еще большую цифру жертв красного террора в Красноярске позднее назвал эмигрантский историк С.П. Мельгунов. Некоторые авторы свидетельствовали, что он оценивал численность погибших в местном концлагере зимой-весной 1920 г. в 40 тыс. человек¹⁶.

Ситуация, сложившаяся на территории Енисейской губернии, воспроизводилась и в воспоминаниях путешественника, журналиста и общественного деятеля А.Ф. Оссендовского¹⁷. Судя по общему сюжету и др. приметам, можно предположить, что приведенные выше сведения о красном терроре в Красноярске, появившиеся в зарубежных средствах массовой информации и в книге Оссендовского, исходили от одного и того же человека, прекрасного, но склонного к мистификации рассказчика¹⁸.

Прежде всего, данные о человеческих потерях не подтверждаются статистикой чекистских органов. За первые девять месяцев 1920 г. канцелярия губернской ЧК зарегистрировала 2574 дела, в том числе 2022 — законченного производства. Комиссия в Минусинске с 5 апреля по 1 августа того же года подвергла аресту 671 чел., в том числе

более 500 крестьян и рабочих, 170 представителей уездной интеллигенции. Из них только 572 чел. (85,2%) находились на дознании в качестве «контрреволюционеров»¹⁹.

Количество смертных приговоров в данной статистике не указано и остается неизвестным. Какую-то часть расстрелянных в то время, вероятно, следует приписать армейским и железнодорожным чекистам, а также партизанам, незамедлительно решавшим судьбу своих прежних врагов. Так, к примеру, по информации особого отдела 5-й армии в начале 1920 г. был уничтожен бывшими партизанами успешно воевавший с ними и сдавшийся под Красноярском генерал-майор И.Ф. Ромеров²⁰.

Однако многотысячных расстрелов, вероятно, не было, о чем, к примеру, свидетельствуют показатели деятельности уездной ЧК в Ачинске. На 1 мая 1920 г. ее сотрудники привлекли к ответственности за «политические» преступления времен колчаковщины на территории уезда 984 чел., в том числе за «шпионаж» — 145, «контрреволюцию» и антисоветскую агитацию, участие в расстрелах и истязаниях сторонников Советской власти — 663 (67,3%), спекуляцию — 30, должностные преступления — 28 и саботаж — 7 человек. Из них только 19 чел. были приговорены к расстрелу, а 36 — к заключению в концлагере сроком до окончания Гражданской войны. Еще 275 арестованных, проходивших по 677 делам, ожидали решения своей участи²¹.

Расходятся с действительностью и данные о многочисленных фактах гибели людей в красноярском концлагере, который под № 1 официально стал функционировать лишь с 25 мая 1920 г. и находился в ведении подотдела принудительных работ Енисейского губернского ревкома. Содержание заключенных было крайне тяжелым. Но до июля 1920 г. через него прошли лишь 8558 чел., отработавших по нарядам советских учреждений 5784 рабочих дня²².

Не были отмечены или тщательно скрывались столь масштабные репрессии и в документах видных деятелей Советской власти, которые направлялись в Сибревком и даже самому В.И. Ленину. Так, представитель этого органа в Красноярске В.Н. Соколов информировал своих товарищей о том, что местные чекисты в марте-мае 1920 г. подвергли смертной казни 300 человек²³.

Между тем, масштабы террора, осуществляемого губернской ЧК, вызвали возражения со стороны партийно-советского руководства регионом. Представители губернского ревкома отстаивали необходимость вынесения смертных приговоров лишь активным контрреволюционерам. Лица же, руководившие ЧК, считая губернию местом сосредоточения антисоветских сил и преувеличивая исходившую от них опасность, понимали террор расширительно и пытались использовать его в качестве политической мести.

Столкновение между руководителями разных ветвей Советской власти произошло по поводу расстрела 16 арестованных, вина которых была крайне незначительной или надуманной. Среди них была женщина лет 65—70, выдавшая, по одной версии, большевика белым, а по другой — обругавшая Советскую власть. Смертной казни подверглись также купец или предприниматель, грубо обращавшийся с рабочими, бывший красногвардеец, служивший затем в Белой армии, молодой человек, арестованный по доносу ревнивой женщины, кото-

рая затем созналась в клевете и отравилась. Представитель Сибревкома, посетивший Красноярскую ЧК в это время, оставил следующую запись: «Расстреливали в подвалах на дворе. Говорят о пытках в этом подвале... Кровь так и стоит огромными черными лужами, в землю не впитывается, только стены брызгают известью. Подлый запах... Гора грязи и слизи, внизу какие-то испражнения. Трупы вывозят ночью пьяные мадьяры. Были случаи избиения перед смертью в подвале...»²⁴

Лица, руководившие губернской ЧК, были отстранены от работы и арестованы, но в конечном итоге, по указанию Сиббюро ЦК РКП(б), лишь покинули Красноярск²⁵.

Осуществляя репрессивные меры, чекисты обострили обстановку вокруг Красноярска. Перебивавшееся случайными заработками бывшее офицерство было вынуждено бежать от голода в окрестные леса, искать поденную работу у крестьян. На 17 июня в городе насчитывалось лишь 800 бывших офицеров. В августе того же года в среднем за день из Красноярска исчезали 11 беглецов, которые группировались в тайге. Так, в октябре 1920 г. в Шерчульской и Покровской волостях Красноярского уезда сформировались офицерские отряды, состоявшие, по слухам, из 400 чел., среди которых якобы находились генерал и два полковника²⁶.

В некоторых местностях напряженный характер приняли взаимоотношения новой власти и бывших партизан, наблюдавшийся даже на уровне властных структур. Например, в Минусинске раздраженные начавшимся насаждением во власть губернских представителей местные коммунисты высказали отрицательное отношение к ним на уездной партийной конференции. Тогда город был объявлен местом, где, согласно воспоминаниям одного из чекистов, «кишели заговоры»²⁷.

В качестве еще одного побудительного мотива, способствовавшего развязыванию новых репрессий со стороны чекистов, некоторые авторы называли усиление подрывной деятельности враждебных элементов. Спецслужбы преследовали не только бывших офицеров и политически пассивных крестьян, вдруг ставших «бандитами», но и, следуя общим политическим тенденциям, представителей непролетарских партий.

Согласно официальной версии, эти лица, блокируясь с бывшим офицерством, осенью 1920 г. с целью организации восстаний стали создавать ячейки Крестьянского союза. Выявленный «Комитет Красноярской организации объединенных» якобы состоял из 89 членов и возглавлялся бывшими земскими деятелями Г.П. Сибирцевым, А.П. Николаевым и агрономом Е.Т. Бажиной. В феврале 1921 г. они были арестованы. Но в действительности «раскрытие» некоего заговора, якобы созревшего в рамках Крестьянского союза, прикрывало провал работы чекистского ведомства, оказавшегося не в состоянии информировать власти о мятежных настроениях деревни. Почти все задержанные свидетельствовали о том, что их «контрреволюционная деятельность» сводилась к разговорам антисоветской направленности. Однако несмотря на то, что написанное чекистами заключение не было подтверждено обвиняемыми, в соответствии с приговорами чекистского ведомства от 17 апреля и 21 сентября 1921 г., четверо из них были расстреляны и столько же оказались в заключении²⁸.

20—21 марта 1921 г. чекистами была ликвидирована «монархическая» «Красноярская боевая группа», якобы существовавшая с ноября прошлого года и состоявшая из бывших офицеров и казаков В.Е. Политика, Ф.А. Емелина и др., устроившихся на службу в советские учреждения. Являясь будто бы глубоко законспирированным филиалом «Всесибирского комитета по борьбе с Советской властью», она объединяла, по разным данным, от 108 до 120 членов, которые с февраля 1921 г. перешли к подготовке восстания. Организовав передаточные пункты и явочные квартиры, опираясь на воинские части, милицию, казаков и крестьян, данная группа имела еще и боевые отряды имени Михаила Второго.

Однако арестованные сначала отрицали свою причастность к организации, а когда признались, то не смогли вспомнить содержание ее программы и устава. «Руководители» не знали местонахождения своих отрядов, обыски же улик не выявили. Члены организации, якобы направленные в деревни для инструктажа, оказались людьми, посещавшими своих родственников и знакомых. Между тем, 17 апреля и 15 июня 1921 г. коллегия губернской ЧК приговорила 30 чел. к высшей мере наказания, а 46 — к заключению в концлагере. Но, судя по газетной информации, смертной казни с добавлением лиц, проходивших по ранее рассмотренным делам, были подвергнуты 34 человека. В частности, среди них оказались бывший поручик и сын известного белого генерала Иванова-Ринова, сотрудник ВЧК, скрывший свою принадлежность к офицерству, уполномоченный уездной ЧК и секретарь сельсовета, являвшийся одним из руководителей повстанчества в Ачинском уезде ²⁹.

Деятельность чекистов позволила начальнику их ведомства заявить на одном из пленумов Енисейского губернского комитета РКП(б) о наличии в регионе всего 8 тыс. бывших белогвардейцев, не представляющих реальной опасности ³⁰.

Устранив потенциальных политических противников и случайных недоброжелателей, Советская власть придала своей карательной политике более мягкие формы. Однако крестьянские восстания начала 1920-х гг. все так же заканчивались массовыми расстрелами. Так, в декабре 1920 г. ревтрибуналом (РТ) войск ВНУС Восточной Сибири были приговорены к расстрелу 75 участников Сержского мятежа. Случалось, что рядовым мятежникам расстрел заменяли заключением. Но обращения о помиловании раскаявшихся повстанческих вожаков из офицерства и интеллигенции, например, П.Е. Баранова, А.К. Зиновьева и др., оставались без ответа.

Взяв под контроль города губернии, чекисты приступили к выявлению и ликвидации «контрреволюционных организаций» в уездах. Так, в феврале 1922 г. в Ачинском уезде была «раскрыта» группа бывшего поручика Скобелкина, входившая, согласно информации спецслужб, в состав «Всероссийской лиги борьбы с коммунизмом». Она образовалась якобы с целью свержения коммунистического режима и создания республики с президентским правлением или властью Учредительного собрания. В действительности имели место три «конспиративных» собрания, на которых их инициатор, сообщив крестьянам об образовании фронта белых под Иркутском, наличии контрреволюционной организации, раскинувшей сеть своих ячеек от Бай-

кала до Омска, и концентрации офицерства в одном из селений Красноярского уезда, призвал выступить на борьбу с большевиками. С трудом созданная группа будто бы наметила районных руководителей и утвердила план действий.

Однако связной, посланный в офицерскую организацию, исчез, а произошедшее убийство некоего жителя д. Казанки Козульской волости послужило для властей поводом к задержанию подозреваемых. При аресте 36 крестьян якобы были изъяты пулеметы, пишущая машинка и полевой телефон. Несколько бежавших «заговорщиков» погибли в перестрелке, а сам Скобелкин застрелился или также был убит. По данному делу двое обвиняемых были приговорены к расстрелу, а остальные — к заключению.

Более многочисленная «монархическая организация» была раскрыта весной 1922 г. в Красноярске и Канском уезде. Здесь были задержаны 70, а по другим данным — 38 «контрреволюционеров», в основном бывших офицеров, во главе с полковником В.В. Глассоном. Располагая широкими связями в советских структурах и воинских частях, данная организация якобы готовила восстание, назначенное сначала на 7 марта, а затем на 15 апреля 1922 года ³¹.

Судя по тому, что Скобелкин в одном из документов назывался коммунистом ³², а Глассон в дальнейшем был реабилитирован, обе «контрреволюционные организации» скорее всего были мифическими.

Используя провокации и фальсификацию дел, чекисты преувеличивали возможности «контрреволюционного подполья» и, ликвидируя его, терроризировали население, не имевшее к нему отношения. Например, среди подследственных, находившихся к ноябрю 1922 г. в тюрьме г. Минусинска и объявленных «контрреволюционерами», 20% были рабочими, а более 50 — крестьянами. Справедливости ради, следует сказать, что для многих из них террор, выражавшийся в аресте и нахождении какое-то время в тюрьме, тем и закончился. За январь-октябрь 1922 г. стены уездного отдела ГПУ покинули 393 арестованных, в том числе 117 были отправлены в губернское чекистское ведомство и судебные инстанции. Но большинство (52,6 %) было отпущено по домам ³³.

Преобразование в 1922 г. Всероссийской чрезвычайной комиссии в Государственное политическое управление должно было ограничить права чекистов, лишив их, к примеру, судебных функций, которые стали прерогативой соответствующих органов. Численность подследственных в Енисейском губернском отделе ГПУ стала сокращаться. Однако по многим делам обвинительные заключения составлялись сотрудниками спецслужб, что позволяло им влиять на исход судебных процессов. Находившиеся под такой опекой суды, рассмотрев дела участников «банд» И.А. Саломатова, И.Н. Соловьёва и ряда других, в 1923 г. приговорили 37 обвиняемых к расстрелу, а 113 — к заключению ³⁴.

В бывших партизанских районах получила распространение и другая разновидность террора, названная очевидцами «красным бандитизмом». На наш взгляд, этим понятием обозначались осуществлявшиеся в 1920-е гг. тайные расправы коммунистов, милиционеров и красноармейцев с категориями «общественно вредных» граждан, которые затем выдавались за классовую борьбу.

Красный бандитизм порождался обстановкой крестьянских восстаний, вызванных осуществлением в деревне политики военного коммунизма, тем, что войска и бывшие партизаны, посланные для борьбы с повстанцами, в сущности подвергали разграблению целые территории. На Енисее жертвами красного бандитизма чаще всего становились сельская интеллигенция, священнослужители, состоятельные крестьяне и инородцы-хакасы.

Красный бандитизм появился здесь еще весной 1920 года. Осуществляя зачистку территории от остатков колчаковцев и сторонников их режима, бывшие партизаны, чекисты, красноармейцы и милиционеры не только изымали у хакасского населения продукты и имущество. Случалось, что уничтожались жители целого селения. 10 октября отряд ВОХР под командованием П.Л. Лыткина ликвидировал население улуса Большой Арбат в Минусинском уезде, состоявшее из 34 хакасов³⁵.

14 октября 1920 г. был арестован священник с. Агинского Канского уезда о. М.Г. Вологодский. Позднее, расследуя это дело, специальная комиссия выявила, что в данном селении за антисоветскую агитацию были арестованы делопроизводитель волисполкома, агроном, священник и несколько крестьян. Местные коммунисты, не имея возможности конвоировать задержанных в Канск, всех расстреляли. Комиссия сочла это преступление «актом самозащиты коммунистов в обстановке восстания», а выездная сессия губернского РТ из-за отсутствия свидетелей отложила рассмотрение этого дела³⁶.

Более крупные и трагические события произошли в Канском уезде накануне Октябрьского праздника. К вечеру 6 ноября 1920 г. по вызову местной коммунистической ячейки в с. Христово-Рождественское прибыли коммунары из окрестных селений. Окружив село, они произвели обыск на одной из квартир, где застали собрание «контрреволюционеров». Были арестованы бывшие офицеры, дружинники и интеллигенты, служившие в советских учреждениях. Кроме того, аресту подверглись участники праздничного концерта местной самодеятельности — служащие волисполкома, секретарь народного суда, делопроизводитель, фельдшерица, а также несколько подобных же лиц в с. Шеломки. Состоявшееся собрание съехавшихся коммунаров постановило объявить территорию на «осадном положении», провести повальные обыски и осуществить «террор без суда и следствия». 42 «заговорщика» были расстреляны. Были убиты и задержанные в соседнем селе.

Накануне судебного разбирательства стало известно о подлинных масштабах репрессий. После нахождения с целью изъятия оружия воинского отряда в д. Нижне-Игнатьевской того же уезда в проруби были обнаружены тела еще пятерых задушенных жителей. В целом же в селениях этого уезда погибли более 80 лиц, обвиненных в «контрреволюционных» замыслах. Представитель Советской власти В.Г. Яковенко назвал «самочинные действия» «недопустимыми», но в условиях крестьянского мятежа «оправданными», показавшими всем саботажникам продрозверстки, что с ними она считается больше не будет.

26 декабря в Канске состоялось заседание выездной сессии губернского РТ, рассмотревшей дела 128 граждан, обвинявшихся в самосуде. Сочтя массовое убийство в с. Христово-Рождественском

«актом самозащиты», она под гром аплодисментов тысячной толпы присутствовавших сторонников Советской власти и пение «Интернационала» вынесла обвиняемым оправдательный приговор³⁷.

Частыми стали случаи, когда лица, арестованные по подозрению в отсутствии лояльности к новой власти и обладавшие какими-либо ценными вещами, расстреливались конвоем будто бы при попытке к бегству. Преследуя повстанцев, прорвавшихся в Хакасско-Минусинскую котловину с целью ухода за границу, бывшие партизаны и милиционеры вымещали свою злобу на местном населении. В ночь на 15 февраля по инициативе начальника уездной милиции П.Е. Пруцкого и под руководством бывшего партизанского лидера М.Х. Первалова были уничтожены, по разным данным, от 34 до 43 жителей с. Шарыпово Ачинского уезда³⁸.

Обвиняя в своих неудачах мирное население, местные власти карали всех, кто оказывал помощь повстанческим отрядам, не останавливаясь перед упрощенными и экзотическими способами массовой смертной казни. Так, по приказу председателя Кызыльского воллесполкома А.А. Тартачакова в улусах Малое и Чёрное Озеро расстрелу подверглись от 23 до 28 хакасов, на которых пало подозрение в снабжении повстанцев оружием и продуктами. Летом в озерах у с. Божье Озеро и Парная всплыли восемь трупов, опознанных жителями как односельчане, исчезнувшие еще зимой. В одном из документов сообщалось, что местные управленцы «загнали» в водоемы и утопили до ста человек коренного населения³⁹.

Подобное поведение обострило отношения хакасов и русских до такой степени, что собравшийся инородческий съезд постановил занять новые территории, свободные от переселенцев, что вынудило власти перейти к мирным действиям⁴⁰.

Пережив время максимального распространения красного бандитизма и осознавая опасность, исходившую от этого явления, власть начала принимать меры по его искоренению. В практику борьбы с красным бандитизмом стали входить расстрельные приговоры. Но коммунисты с сочувствием относились к своим товарищам и для облегчения их участи пытались воздействовать на власть. Советское правосудие устраивало процессы театрального, профилактического характера. Осужденные лица вскоре освобождались по амнистии. Уже с 1922 г. местные власти перестали рассматривать красный бандитизм как угрозу существованию коммунистического режима и перешли к еще более мягкому наказанию преступников.

В июле 1922 г. из состава революционно-военного трибунала (РВТ) Восточно-Сибирского военного округа (ВСВО) была выделена и начала действовать в Ачинско-Минусинском районе выездная сессия по борьбе с бандитизмом и воинскими преступлениями. За первый же месяц своего существования она рассмотрела 13 дел о 47 преступлениях. Быстрый разбор дел и гласное осуждение военных преступников сократили проявления красного бандитизма⁴¹.

В очередной раз красный бандитизм получил распространение в этом районе во время формирования и деятельности так называемых истребительных отрядов, которые должны были покончить с повстанчеством. Осенью 1922 г. истребители из отрядов Овчинникова и Дерябина самовольно изымали фураж у населения. Состоявший из быв-

ших партизан истребительный отряд перепорол нагайками население двух деревень Знаменской волости. Пьянствовали, избивали крестьян и отбирали у них продукты лица из партизанского отряда, сформированного в Комской волости Красноярского уезда. Мародерство чоновцев продолжалось и после расформирования истребительных отрядов, что наказывалось снятием их командиров с должности, исключением их из партии и передачей дел в трибуналы ⁴².

С ликвидацией крестьянского повстанчества красный бандитизм утратил характер массового явления, но почва для него оставалась. Существенным являлось насилие, используемое представителями Советской власти при изъятии у населения продовольствия. Расследуя причины волнений и появившись с этой целью в д. Екатериновке, представитель уездного комитета партии и сотрудники местного политбюро высказали на сходе жителей оскорбления и угрозы в их адрес, что послужило сигналом к бегству крестьян. Комиссия обвинила в создавшейся ситуации продовольственных агентов, которые якобы создали «контрреволюционную организацию». Позднее комиссар Неворотов назвал своих подчиненных «лучшими» работниками и просил органы прекратить гонения на них со стороны местных партийцев и милиционеров ⁴³.

При переходе к взиманию единого натурального налога власти были вынуждены арестовать за кражи многих служащих заготконтор, наложить 160 взысканий на председателей волостных и сельских советов, арестовать 600 и отдать под суд РТ 40 неплательщиков ⁴⁴. В дальнейшем масштабы репрессий только выросли: если в октябре 1922 г. аресту подверглись 1519 неплательщиков налога, 87 должностных лиц, а пени были обязаны выплачивать 470 крестьян, то в ноябре эти цифры составили соответственно 4780, 388 и 1585 ⁴⁵.

Составной частью красного террора являлись расстрелы заложников из крестьян, к которым впервые обратилась Советская власть еще при подавлении повстанчества на Тамбовщине. Будучи одним из наиболее архаичных социальных институтов и тягчайшим правовым преступлением, расправы над заложниками осуществлялись и на территории Енисейской губернии, что уже засвидетельствовали авторы некоторых публикаций ⁴⁶.

Между тем, взятие людей в качестве заложников практиковалось не только отдельными начальниками советских воинских отрядов. Такое отношение к населению повстанческих районов было скорее составным элементом политики, проводимой здесь военными властями и региональным партийным руководством.

К осени 1921 г. усилия гражданских властей по «замирению» населения инородческого района на юге Енисейской губернии также оказались тщетными: вмешательство военных по-прежнему вынуждало хакасов уходить в тайгу и браться за оружие. В этой ситуации приказом командующего 5-й армией и ВСВО И.П. Уборевича от 22 сентября 1921 г. воинским силам, милиции и ЧК до 15 октября того же года было приказано уничтожить «бандитов». В том же месяце для военного, советского и чекистского руководства Иркутской, Енисейской и Якутской губерний была разработана специальная инструкция № 109 537, которая гласила, что искоренение «бандитизма», являясь военно-политической кампанией, должно осуществляться мерами военного, че-

кистского характера, посредством укрепления советского аппарата и заканчиваться не рассеиванием, а уничтожением «банд».

Населению выдвигался ультиматум, согласно которому оно под угрозой смертной казни и конфискации имущества обязывалось выдавать «бандитов». «Из семей бандитов брать заложников, а имущество... конфисковать и распределять между бедняками — семьями красноармейцев, — говорилось в этом документе. — Это внесет расслоение и на это может опереться Советская власть...»⁴⁷

Однако выполнение данного приказа оказалось нереальным, и к нему вернулись лишь весной 1922 г., когда выяснилось, что посланные в деревню части особого назначения не справились с повстанчеством, поддерживаемым населением. Советская власть все чаще стала требовать в заложники семьи повстанческих вожаков. Но в целом командный состав, партийно-советские органы особого значения этой мере не придавали. Имели место случаи, когда заложников отпускали под расписку, после чего они скрывались⁴⁸.

В качестве системы взятие заложников в Ачинско-Минусинском районе было введено летом 1922 года. 28 июня состоялось экстренное Военно-политическое совещание Енисейской губернии, которое утвердило инструкцию, регламентирующую деятельность выездных сессий РВТ среди населения районов, «зараженных бандитизмом». Согласно этому документу, они обязывались при поддержке местных советских органов организовать учет членов семей повстанцев и лиц, заподозренных в укрывательстве, часть из них задержать в качестве заложников и провести следствие по выяснению их виновности. В селениях, жители которых подозревались в хранении оружия и награбленного, предписывалось организовать облавы, обыски и конфискацию имущества. Находившиеся под контролем сессий, чрезвычайные тройки должны были, «руководствуясь классовым положением обвиняемого», провести «гласный» суд с защитой, обвинением и приговором. Сдавшихся повстанцев сессиям было приказано направлять в РВТ 5-й армии.

На следующий день президиум Енисейского губернского комитета РКП(б), заслушав доклад командующего ЧОН губернии В.Н. Какоулина о положении в названном районе, разрешил его отрядам, действующим против «банд», применить систему заложничества, о чем запросил санкцию Сиббюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовета войск Сибири⁴⁹. 5 июля того же года на закрытом заседании была создана Чрезвычайная тройка по борьбе с бандитизмом в составе представителей от губернских комитета партии, отдела ГПУ и политотдела 26-й стрелковой дивизии — председателя А. Червякова, членов Тетерюкова, вскоре замененного Городыским (Городецким?), И. Кузнецова и секретаря Н. Черемных.

Данная тройка при поддержке агентов ГПУ и воинских отрядов должна была вести карательную работу среди населения. Для специальных целей ей был выделен отряд численностью в 15 красноармейцев. Волостным и сельским советам было приказано сообщать в воинские части о появлении на их территории «бандитов» и содействовать их аресту. Этим же приказом вводилась круговая порука, согласно которой ответственность за укрывательство повстанцев и убийство советских служащих возлагалась на местные органы власти и население⁵⁰.

10 июля командование губернского ЧОНа приказало начальникам гарнизонов в контакте с местными коммунистами, советскими работниками и агентами ГПУ провести аресты членов семей и родственников повстанцев. В результате при комендатурах в селениях Балахта, Шарыпово, Ужур, Чебаки, Соленоозерное и на руднике «Юлия» были сосредоточены 367 лиц русской и хакасской национальностей. С 1 августа по 1 сентября члены тройки опросили 256 арестованных. Из них 123 чел. были освобождены «за недоказанностью и отсутствием материалов», а 133 объявлены заложниками и «по степени причастности» разбиты на три группы. В первой, состоявшей из 63 заложников, находились семьи повстанческих командиров. Вторая и третья группы состояли соответственно из 15 и 55 менее значимых арестованных. До сведения населения было доведено, что за вооруженное нападение с целью грабежа из числа заложников будут расстреливаться по пять, а за каждого убитого сторонника Советской власти — по три человека.

С июля по 20 октября 1922 г. данная тройка провела 32 закрытых заседания, на которых, в частности, заслушивалась информация о вооруженных нападениях «банд» Соловьёва, Кулакова, Самкова и Марьясова на селения. При этом были разграблены материальные ценности, принадлежавшие правлению Ачинско-Минусинской железной дороги, Мелецкому волисполкому и Балахтинской кооперации, а также погибли трое красноармейцев и заместитель продовольственного комиссара Ачинского уезда. 6, 19, 22 и 24 августа члены тройки вынесли семь постановлений о смертной казни 18—20 заложникам 1-й группы⁵¹. В целом, по, вероятно, завышенным сведениям писателя В.А. Солоухина, были расстреляны 75 «инородок с детьми»⁵², а по отчету тройки — 40 человек⁵³. Объявление о смертной казни широко распространялось властями среди населения.

Казнь заложников вызвала справедливый гнев в повстанческой среде. Так, один их вожakov в записке, обращенной к властям, приказывал отпустить заложников и угрожал ворваться с целью их освобождения в Ужур, расстрелять семьи красноармейцев, а самого председателя тройки повесить. Возмущенный «беззаконными действиями» властей, Соловьёв в воззвании «Ко всему населению» предлагал не допускать кровопролития среди мирных жителей и предупреждал, что за казненных «партизанских» родственников повстанцы будут расстреливать семьи коммунистов⁵⁴.

Одобренная губернскими органами деятельность тройки показала серьезность намерений Советской власти покончить с повстанчеством. Будучи составной частью политики суровых мер, предпринятых губернскими властями против крестьянского повстанчества, деятельность Чрезвычайной тройки, по словам нового командующего ЧОН Енисейской губернии П.М. Чукаева, «поставила грань между бандитами и мирным населением»⁵⁵ и тем самым содействовала ликвидации этого явления.

Таким образом, красный террор на Енисее начался, повторяя общероссийскую тенденцию, сразу же после утверждения Советской власти и охватил не только политических противников, но и все население. Его осуществляли как государственные структуры, так и рядовые сторонники новой власти. Их деятельность включала в себя

мифотворчество и искусственное создание образа врага. Возведя террор в ранг «могущественного средства политики», по словам Л.Д.Троцкого, и превратив страну в «единый военный лагерь», большевики использовали насилие в качестве универсального инструмента и жестокими средствами смогли удержаться у власти.

Примечания

1. МЕЛЬГУНОВ С.П. Красный террор в России в 1918—1923 гг. М. 1990; ЛИТВИН А.Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. Казань. 1995, с. 10, 21; БУЛДАКОВ В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997, с. 236—238.
2. НЕМЧИНОВА Т.П. Террор в Сибири в годы гражданской войны: современная российская историография. В кн.: История белой Сибири: Материалы международной научно-практической конференции. Кемерово. 2003, с. 39—40.
3. См., например: БАЛМАСОВ С.С. Красный террор на Востоке России в 1918—1922 гг. М. 2006.
4. См., например: КУПЦОВ А.Г. Миф о красном терроре. М. 2008; ПРУДНИКОВА Е. Сталин. Битва за хлеб. М. 2010; КРУПОДЁР О.В. Все начиналось с уездных уполномоченных (о деятельности органов государственной безопасности Хакасии с середины 1920-х до середины 1950-х годов). Абакан. 2012.
5. СИМОНОВ Д.Г. Красноярская операция. В кн.: Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск. 2009, с. 173.
6. Государственный архив Красноярского края (ГА КК), ф. 42, оп. 8, д. 51, л. 8об.
7. Правда. 28.1.1920; ГАНИН А.В. Генштабисты антибольшевистских армий в красном плену. 1917—1922 гг. — Вопросы истории. 2013, № 8, с. 8.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО), ф. п.-1, оп. 2, д. 83, л. 8.
9. Там же, д. 412, л. 37—38.
10. Там же, ф. 467, оп. 1, д. 41, л. 14; ф. р.-448, оп. 1, д. 119, л. 22; ф. 1743с, оп. 1, д. 740, л. 6, 24; ф. р.-1, оп. 1, д. 186, л. 84об.; д. 297а, л. 25.
11. Подробнее см.: ТЕПЛЯКОВ А. Кровавое в кривом: органы госбезопасности СССР в зеркале ведомственной историографии. — Клио. 2012, № 6 (66), с. 141—148.
12. БУШУЕВ В. Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск. 2000, с. 47; ШИШКИН В.И. Создание и деятельность органов ВЧК в Сибири (конец 1919 — начало 1921 гг.) В кн.: Великий Октябрь: проблемы истории. М. 1987, с. 134; ГА НО, ф. р.-1, оп. 1, д. 186, л. 67об., 79об.
13. Архив Управления ФСБ Российской Федерации по Красноярскому краю (АУ ФСБ), д. п.-24083, л. 47—50, 104—105, 116—117.
14. Там же, д. п.-13753, т. I, л. 15, 95, 155; т. II, л. 6, 158, 160—161; т. III, л. 1—2, 4, 7, 14, 18, 30—31, 37, 45—47, 58, 60—61, 75; т. V, л. 1—3, 257—258, 303, 316—317, 322.
15. Судьба колчаковской армии. Письмо из Владивостока — Последние известия (Ревель). 10.VIII.1921; КАЛИКИН. Судьба одного из офицеров. В кн.: Капель и капле-левцы. М. 2003, с. 283; ВОЛКОВ С.В. Трагедия русского офицерства. М. 2001, с. 277.
16. ВЕЛЛЕР М., БУРОВСКИЙ А. Гражданская история безумной войны. М. 2007, с. 512—513.
17. ОССЕНДОВСКИЙ Ф. И звери, и люди, и боги. Рига. 1925.
18. КЛЕРЖЕ Г. Ледяной поход. В кн.: Великий Сибирский Ледяной поход. М. 2004, с. 474—475.
19. БУШУЕВ В. Ук. соч., с. 46, 77; ГА НО, ф. р.-1, оп. 1, д. 152, л. 134; д. 186, л. 76.
20. Белая гвардия. М. 1997—2000, № 1, с. 41; ВОЛКОВ Е.В., ЕГОРОВ Н.Д., КУПЦОВ И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографическая справка. М. 2003, с. 174.
21. ГА НО, ф. р.-1, оп. 1, д. 186, л. 91.
22. Там же, д. 48, л. 7, 25; д. 186, л. 19.
23. ШИШКИН В.И. Енисейская губернская чека в 1920 году: дела и нравы. — Гуманитарные науки в Сибири. 1994, № 2, с. 51.

24. Там же, с. 50; ГА НО, ф. п.-1, оп. 2, д. 412, л. 15, 37—38.
25. ГА НО, ф. п.-1, оп. 1, д. 2178, л. 119.
26. Там же, д. 125, л. 62; д. 137, л. 8; оп. 2, д. 83, л. 8.
27. Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска» (МКУГМ «АГМ»), ф. 25, оп.1, д. 130, л. 15, 18.
28. АУ ФСБ, д. п.-20364, л. 2—8, 25, 27, 29, 71—80, 82—85, 94—112; ТЕПЛЯКОВ А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918—1929 гг. М. 2007, с. 137.
29. КУЧЕМКО Н.М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы НЭПа (1921—1923). Новосибирск. 1981, с. 209; БУШУЕВ В. Ук. соч., с. 53, 55; АУ ФСБ, д. п.-23350, л. 1—2, 6, 171, 418, 628—631, 646—664.
30. ГА КК, ф. 1, оп. 1, д. 264, л. 192.
31. Там же, д. 141, л. 142, 186; ф. р.-12, оп. 3, д. 18, л. 4, 7, 105—108, 121—122; ГА НО, ф. п.-1, оп. 1, д. 288, л. 3; оп. 2, д. 156, л. 83, 214; АУ ФСБ, д. п.-23043, л. 126—128, 133, 178.
32. ГА НО, ф. п.-1, оп. 2, д. 156, л. 214.
33. МКУГМ «АГМ», ф. 25, оп. 1, д. 467, л. 35.
34. ГА КК, ф. р.-49, оп. 2с, д. 96, ч. 2, л. 387.
35. ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 1388, л. 18; ГА КК, ф. 64, оп. 5, д. 326, л. 1; ГА НО, ф. п.-1, оп. 2, д. 161, л. 288.
36. МАЛАШИН Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861—2011 гг. Красноярск. 2011, с. 294; ГА КК, ф. 448, оп. 2, д. 284, л. 3, 35, 37, 53.
37. ГА НО, ф. п.-1, оп. 1, д. 125, л. 97; д. 132, л. 18, 31; оп. 2, д. 188, л. 10—11; ГА КК, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 8; ф. р.-49, оп. 2 с, д. 6, л. 29.
38. ГА КК, ф. 448, оп. 1, д. 168, л. 123; оп. 2, д. 459, л. 25; ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 52; ГА НО, ф. 302, оп. 1, д. 151, л. 53.
39. ГА КК, ф. 448, оп. 2, д. 256 б. л. 14; д. 256е, л. 16; ф. 1, оп. 1, д. 170, л. 88; ГА НО, ф. 302, оп. 1, д. 151, л. 53; МКУГМ «АГМ», ф. 25, оп. 1, д. 262, л. 8.
40. ГА КК, ф. 448, оп. 2, д. 256 б, л. 18, 23об.; д. 256е, л. 3, 5, 26—27, 29.
41. ГА НО, ф. 302, оп. 1, д. 369, л. 8.
42. ГА КК, ф. 1, оп. 1, д. 299, л. 27, 172, 190, 216; МКУГМ «АГМ», ф. 25, оп. 1, д. 367, л. 50; д. 492, л. 40.
43. МКУГМ «АГМ», ф. 25, оп. 1, д. 12, л. 193; д. 334, л. 281; ГА КК, ф. 1, оп.1, д. 160, л. 4, 42, 83—84.
44. ГА НО, ф. р.-4, оп. 1, д. 713, л. 56; д. 757, л. 228.
45. ГА КК, ф. 1, оп. 1, д. 299, л. 142, 171, 209; ГА НО, ф. р.-4, оп. 1, д. 713, л. 152; д. 960, л. 47.
46. САВИН А., ТЕПЛЯКОВ А. Заложничество в политике большевиков в Сибири в начале 1920-х годов. В кн.: Голоса Сибири: литературный альманах. Кемерово. 2009, с. 609—624, 1131—1135.
47. МКУГМ «АГМ», ф. 25, оп. 1, д. 12, л. 491; д. 35, л. 190; д. 153, л. 2—4.
48. ГА НО, ф. 302, оп. 1, д. 369, л. 42.
49. Там же, д. 374, л. 81—83.
50. Там же, д. 369, л. 32, 42.
51. Там же, ф. 302, оп. 1, д. 369, л. 13, 39; д. 419, л. 52, 54—55, 173, 175; ГА КК, ф. р.-49, оп. 2с, д. 23, л. 117, 120—123, 132.
52. СОЛОУХИН В.А. Солёное озеро. М. 1994, с. 155, 164.
53. ГА НО, ф. 302, оп. 1, д. 369, л. 89.
54. Там же, л. 52, 56; д. 418, л. 73.
55. ГА КК, ф. 1, оп. 1, д. 480, л. 79.

Мировые суды в Области войска Донского во второй половине XIX в.

Я.В. Трофимов

Аннотация: В публикации рассматриваются реальные проблемы функционирования мировых судов в Области войска Донского во второй половине XIX века. Научный анализ основан на материалах периодической печати Области войска Донского рассматриваемого периода времени, часть которых еще не введена в научный оборот.

Ключевые слова: мировые суды, Область войска Донского, донские казаки, история судов в России.

Abstract: The article deals with the real problems of the functioning of the magistrates courts in the Don Cossack Region in the second half of the XIX century. Scientific analysis is based on materials of the periodical press of the Don Cossack Region in the period under review, part of which is not yet put into scientific circulation.

Key words: magistrates courts, the Don Cossack Region, the Don Cossacks, the history of courts in Russia.

В результате преобразований судов в середине XIX в. в Российской империи, Область войска Донского была поделена на 25 мировых участков. Участковые и почетные мировые судьи избирались сроком на три года. Примечательно, что когда в 80-х гг. XIX в. по всей Российской империи были введены земские начальники и судьи по назначению, в Области войска Донского сохранились выборные мировые судьи.

Большинство современных исследователей, которые занимаются анализом проведения судебной реформы 1864 г. и оценкой ее результатов, обращают внимание только на положительные аспекты этого процесса и совершенно не замечают тех проблем и негативных последствий, которые отмечали современники ее проведения в различных губерниях Российской империи. Подобный узкий, весьма ограниченный подход характерен и для исследований, посвященных влиянию этой реформы на функционирование мировых судов в Области войска Донского в указанный период времени. Причем проблемы и

Трофимов Ярослав Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Института права Волгоградского государственного университета. E-mail: kafedrappagp@volsu.ru.

Trofimov Yaroslav V. — PhD, associate professor, head of the department at the Law Institute of Volgograd State University. E-mail: kafedrappagp@volsu.ru.

особенности реального функционирования здесь мировых судов на сегодняшний день не только не нашли своего освещения, но даже не ставились в качестве исследовательских задач.

Данная публикация ставит задачу выявить реальные проблемы функционирования мировых судей в Области войска Донского во второй половине XIX в. с применением метода обработки периодических изданий, вышедших в этом регионе в исследуемый период. Именно поэтому не ставится задача и не исследуется законодательство указанного времени, так как необходимо установить, как это было, а не как должно было быть на бумаге.

Выбранным участковым мировым судьям в Области войска Донского во второй половине XIX в. предстояло работать в непростых условиях.

Начнем с того, что пространства Области и удаленность станиц, хуторов и поселений от местоположения мировых судей, малочисленность мировых судей и судебных приставов создавали дополнительные трудности, как для тяжущихся, так и для мировой судебной системы.

Неоднократно с мест поступали предложения об исправлении существующего положения. Вот свидетельство осведомленного современника: «На основании 61-й ст. учрежд. Судебных установлений число судебных приставов при съездах мировых судей и размер содержания их из земских сумм определяется земскими собраниями. Согласно этому закону в свое время было положено иметь на службе при Черкасском мировом съезде трех приставов, с назначением им довольно приличного содержания. Из приставов этих два (1-го и 4-го, а также 2-го и 3-го участков) имеют место жительства в Новочеркаске, а третий (5-го и 6-го уч.) — в станице Аксайской. Камеры же мировых судей находятся 1-го, 2-го и 3-го участков — в городе Александро-Грушевском, 5-го — в станице Аксайской и 6-го — в слободе Ильинке.

Такое распределение мест пребывания мировых судей и судебных приставов и такая малочисленность последних вызвали чрезвычайные неудобства для тяжущихся лиц. Тяжущиеся принуждены ехать с исполнительными листами к судебным приставам за 30 и 40, порой и за 100 верст и в тоже время часто не застают их дома. Им приходится платить приставам лишние деньги на поездку по приведению решений мировых судей к исполнению.

Наконец, они крайне много теряют чрез медленность производства дел приставами, благодаря которой ответчики успевают продать и скрывать свое имущество. С другой стороны, несмотря на всю энергию судебных приставов и их неустанную работу, они не в силах изменить положение вещей при крайней обширности Черкасского округа. В его состав входят: города Новочеркасск и Александровск-Грушевский, 14 станиц с 105 хутор., 4 волости с 64-мя поселками, 61 поселение, находящиеся на участках в районе Ильинской и Гуляй-Борисовской волостей, 74 поселения на Чебурках, 14 поселений на войсковых землях, 108 временных поселений на Чебурках и 23 — на войсковой земле. В таком районе трое приставов, естественно, бессильны своевременно и аккуратно выполнять просьбы тяжущихся.

Близкое знакомство пишущаго настоящие строки с обсуждаемым вопросом дает ему смелость утверждать, что Черкасский судебно-мировой округ требует не менее 6 приставов, которые имели бы место пребывания, общее с мировыми судьями.

Что касается расходов, связанных с увеличением штата приставов, то они слишком ничтожны по сравнению с убытками, которые

несут теперь тяжущиеся за недостатком исполнительных органов при Черкасском съезде мировых судей. В крайнем же случае можно содержание, отпускаемое на трех приставов, распределить между шестью, в виду того, что, как хорошо известно, судебные пристава получают весьма изрядные доходы в виде платы за каждый шаг их в пользу тяжущихся и что труд их удовлетворительно вознаграждался бы и при осуществлении предлагаемой нами меры. Будем же надеяться, что наше мнение, поддерживаемое всеми, которые имели дело с мировыми учреждениями Черкасского округа, будет услышано и по возможности приведено в исполнение»¹.

Но не только расстояния и малочисленность мировых судей и судебных приставов создавали трудности в работе, зачастую это были элементарные неудобства бытового характера. Надлежащая организация рабочего места значит немало, а ее как раз и не было. Порой мировой юстиции на Дону этого очень не хватало.

«Наконец-то, как мы слышали, нашему съезду мировых судей (Хоперскому окружному. — *Я.Т.*) намерены дать новое помещение. Вы не можете себе представить, в какой архаической храмине он содержится в настоящее время... Расположение и число комнат совершенно не соответствует потребности. Зал длинный-предлинный и узкий-преузкий; канцелярия и архив помещаются в одной и той же и при том весьма небольшой комнате; чтобы попасть в канцелярию, нужно пройти через свидетельскую комнату; приемной для посетителей нет; комнаты для поверенных, в которой могли бы заниматься и судебные пристава, нет. В “свидетельской” содержится и канцелярия местного мирового судьи, вследствие чего здесь, в совсем небольшой комнате (гораздо меньше канцелярии съезда), помещаются свидетели, иногда весьма в значительном числе, письмоводители судьи, тяжущиеся, просители и просто любопытные, так что тут всегда нечто вроде сухаревского базара в Москве или известной “нетолченой трубы”.

О возможности предупредить предусмотренную в законе и, вероятно, бывающую в практике, стачку свидетелей нечего и думать. Тут скорее возможно противоположное, тем более, что полицейский ставится не в комнаты для свидетелей, как бы следовало, а в зал заседания, у дверей свидетельской комнаты, через которую ему ничего не видно и которую он охраняет от входа посторонних, при чем остальные две двери остаются совершенно свободными для входа в эту комнату, кому угодно. Мы долго недоумевали над вопросом: для чего полицейский ставится охранять дверь свидетельской комнаты не в самой комнате, где он мог бы присмотреть за свидетелями, а в самом зале заседания и только недавно, заметив как судебный пристав, едва привстав с места, возгласил: “Кузьминского”, а полицейский, приотворив дверь, выпустил свидетеля, — мы поняли. Полицейский ставится для того, чтобы вызывать свидетелей.

Заканчивая описание расположения комнат съезда, не можем не упомянуть об ужасном входе в съезд — входе, похожем на вход в кладовую, с досчатой дверью, скрывающею за собою каменную изъерзанную от времени и слегка загнутую в бок лестницу...

Продолжая описание съезда, мы должны сказать, что до крайности неудобному расположению комнат последнего вполне соответствует и мебель, и вообще вся его обстановка.

Отрепанные, замасленные, с провалившимися сиденьями, кресла и стулья, потерявшее свой цвет судейской традиционное сукно,

дрянненький столикешко вещественных доказательств и проч., — все это давным давно немолчно вопиет о необходимости капитального ремонта или о полном упразднении...»²

Однако были и другие примеры организации условий труда мировых судей Области войска Донского, которые вполне удовлетворяют и современным требованиям организации судопроизводства. Данный пример иллюстрирует, как было обустроено помещение усть-медведицкого съезда мировых судей в конце 80-х гг. XIX века.

«...Довольно поместительный дом, с светлым, открытым ходом, на котором негде устроить “выпивку”, чистые просторные комнаты, передняя с вешалками для платья (у нас нет), комната для канцелярии, совершенно отдельная комната для свидетелей, еще комната для канцелярии (собственно для секретаря и дел), зал заседаний, совещательная комната и прелестная приемная (гостинная) с диваном, креслами, зеркалом и проч. В этой последней могут удобно расположиться судьи, не участвующие в разрешении дел (у нас негде, и потому все сидят в совещательной комнате), представитель прокурорского надзора, “освидетельствованные” (имеющие свидетельство) адвокаты и проч. Мебель и вообще обстановка во всех комнатах безукоризненная. Зал заседания (эдакая роскошь!) даже застлан сукном»³.

Таким образом, несмотря на то, что современники отмечали такие недостатки в организации мирового судопроизводства на Дону, как малое количество мировых судей, труднодоступность правосудия для многих людей, проживавших на территории Области войска Донского, выход виделся не только в увеличении количества судебно-мировых участков, но, скорее, в улучшении качества их работы, в интенсивности труда мировых судей, во внутренних резервах казачьего самоуправления, что подтверждается нижеприведенным примером.

«Недавно были у нас выборы мировых судей. Выбрали четверых участковых и, говорят, постановили ходатайствовать об учреждении пятого участка в округе. Не знаем, может быть, ходатайство это резонно... Но случилось ли вам, читатели, сидя с сигарой в зубах, думать о том, что такое мировой судья и каков он должен быть? Мы решаемся поделиться с вами своими думами на этот счет. Нарисуем две картинки.

Бойкая станица. Большой и оживленный базар. Церковь, некогда величественный и красивый храм, давно не штукатурена и глядит уныло. Около церковной площади ряд домов, крытых железом, с самым разнообразными вывесками: кабак, снова кабак, ходатай по делам, ходатай, поверенный, опять кабак, трактир и т.д. все в том же роде. Лучший дом тут занимает камера мирового судьи.

А дальше лачуги, раскрытые крыши, обломанные плетни, опять кабак, а там, где-нибудь в захолустье училище с покривившеюся крышей. Солнце печет немилосердно. По улицам пыль столбом. Стоит самая рабочая пора лета. Всюду и в особенности на площади необыкновенное движение: идут толпами казаки, казачки, идут пьяные и трезвые, а больше пьяные. Около кабаков и адвокатов целые таборы повозок. В кабаках и на базаре шум, песни, ругань, драка... Здесь помещается камера мирового судьи, который по количеству решенных им дел представляет самые толстые отчеты.

А вот другая картина. Большая богатая станица (Усть-Медведицкая. — *Я.Т.*). Храм Божий, обливаемый яркими лучами солнца, высится величественно как свеча, в прозрачном и накаленном летнем возду-

хе. На лучшем месте площади бросается в глаза станичное правление, чистое и окрашенное, как пасхальное яичко. Тут же рядом стоит нарядный и просторный дом приходского училища, а дальше потянулись крытые железом лавки, из которых большая часть в эту пору заперта. В углу площади видите камеру мирового судьи, помещающуюся в странном доме; вывеска камеры вся в месте с балконом потонула в зелени дикаго винограда.

На улицах ни души. Дворы, обнесенные прочными плетневыми сараями, стоят заперты; кабаки, которых в станице всего два, хотя и открыты, но на крыльцах их, лениво позевывая от бездействия, сидят тощие кабатчики. Все население, способное к работе, в поле. Здесь живет мировой судья, представляющий самые тощие отчеты по числу решенных дел, поставивший дело так, что у него в участке адвокаты мрут с голода и поэтому оставили совершенно этот участок, махнув на него рукой. Ворам и всяким “художникам” здесь не здоровится и они перекочевали все туда, где жить весело; а те из них, кто не догадался этого сделать, давно уже получили командировку в места не столь отдаленные.

Вот две картины... Мои симпатии на стороне второго мирового судьи. А потому, я думаю, что при добром желании и умении, и четырьмя мировым судьям было бы немного дела»⁴.

Зачастую, участвовавшие в судопроизводстве мировых судей лица сталкивались с нижеприведенным отношением к себе со стороны самих мировых судей. Возникает вопрос, каким же образом и кто становился мировым судьей в рассматриваемый период?

Выборы мировых судей были примечательным событием, как для приближенных к столице Области войска Донского — г. Новочеркаску, так и для удаленных от столичного округов, и не всегда выборы проходили гладко, в очерченном законом русле. Бывали случаи, когда происходившее на выборах само могло стать предметом разбирательства в мировом суде. Выдвижение в качестве кандидата на должность мирового судьи вовсе не гарантировало избрание, даже в том случае, если кандидат на должность уже проработал в должности мирового судьи не один срок. Процедура выборов могла значительно отличаться от данных, излагаемых в современной учебной литературе. Вот подтверждение наших слов сведениями, поступившими из станицы Нижне-Чирской 2-го Донского округа о событиях 19 октября 1892 г.: «Подъем пульса общественной жизни и особенное участие к общественным интересам заметно и сильно проявляются в нашей станице лишь временно, так сказать, волною, неизменно повторяющеюся через каждые три года, а именно — в периоды избрания мировых судей. Никакая другая область общественной деятельности не пользуется у нас такою симпатиею и не привлекает так сильно нашего внимания, как должность мирового; ни к какой другой мы не питаем такой благосклонности и никакая другая не имеет в среде нас столько охотников и конкурентов, как эта. Причина такого явления, несомненно, кроется в том, что на должность мирового досель смотрят у нас с одной лишь материальной стороны и при том как на единственный, доступный пока даже заурядному обывателю, общественный лакомый кусок, к которому всегда и повсюду тянется столько чистых и нечистых рук.

Если указанные периоды времени наша народная масса, выносящая на своих мозолистых плечах все прелести неудачного выбора

того или иного искателя власти, и спит непробудно, как всегда, за то неустанно и энергично бодрствует известная часть ея, та, которая являет собой в данный момент представителей умственной жизни общества, соль его. Тут, в этой среде, в эту горячую пору пробуждается необычная и самая кипучая деятельность. Все в хлопотах и суете; у всех — страдная пора. Один жаждет пристроить к этому общественному пирогу сына, тот — зятка, а третий — свою собственную персону. Каждый ищет силы, заручается нужными людьми, не останавливаясь при этом ни пред какими средствами. Солидарность или противоположность интересов в достижении намеченной цели теперь или сглаживает, или обостряет взаимные отношения как отдельных лиц, так и целых групп. Это пора — пора укрепления дружбы и симпатий, а больше того — вражды и ненависти, привносящих в жизнь обывателя много картинок и сцен самого невеселого свойства. Главным же характерным признаком этого времени является то, что прежней безразличности, обычной апатии, холодного равнодушия и подчас преступного безучастия ко всему, что представляет собой общественное дело, тут нет и следа; наоборот, всюду заметны особенное оживление, энергия, толки, горячие споры и даже (чего обыватель боится, как огня) открытые суждения. Вообще, в этот период, с внешней стороны, местный интеллигент являет собой человека “общественного” и проявляет свойства, присущия “гражданину”.

А насколько этот “гражданин” вырос и с внутренней, духовной стороны, т.е. нравственно и умственно, насколько он воплотил и развил в себе качества истинного гражданина, об этом до некоторой степени можно судить по нынешним выборам, происходившим у нас 19 октября (1892 г. — *Я.Т.*).

В указанный день гласные собрались утром в зале местного съезда мировых судей. После того, как они приняли присягу и по исполнении других формальностей, относящихся специально к выборам, сказано было им несколько слов, которых, отметим кстати, своим, может быть, нечаянным противоречиям вызвали в среде их некоторое недоумение. Гласным, не знающим тех или других кандидатов, рекомендовалось спросить о них у тех, кому они вполне доверяли, а потом — не обращать внимания на добытые этим путем сведения и действовать по убеждению своей совести.

Но это недоумение длилось недолго и сгладилось дальнейшим, что произошло в собрании. А произошло нечто необычное и в подобных обстоятельствах никогда у нас небывалое. Только что хотели приступить к баллотировке, как встал один из гласных и заявил собранию, что он желал бы разъяснить возникшее у него недоумение о том: имеют ли право быть избираемыми на общественные должности лица, содержащая питейные заведения, чего, как известно, не допускает новое положение об общественном управлении в казачьих войсках? (Положение от 3 июня 1891 года. — *Я.Т.*) Сначала все сильно смутились, потом заволновались. Что это такое? Зачем такие вопросы? Что за цель их здесь? К чему такая выходка?

Потом, когда общее волнение несколько улеглось, кто-то заметил, что при выборе мировых судей избирательное собрание должно руководиться не положением об общественном управлении, а совершенно другими, специальными законоположениями, которыми подобный случай не предусматривается. Другой к этому добавил, что в положении том говорится про “сидельцев” или “целовальников”, но

не про “содержателей”; а так как в числе лиц, подлежащих предстоящей баллотировке, первых нет, то и возбужденный вопрос разрешению собрания не подлежит. Наконец, третий сослался на имена Апраксина и Раевского, как на пример того, что тут дело не в профессии, а в личных качествах человека, в степени его нравственной благонадежности в трудоспособности к тому или другому общественному делу. После этого собрание отклонило предложенный председателем десятиминутный перерыв на обсуждение этого вопроса и решило его в утвердительном смысле.

Однако этим дело не ограничилось. Едва успели окончить с одним, как поднялся другой гласный и заявил, что он тоже имеет предложить на разрешение собрания вопрос, а именно: может ли быть гласным в избирательном собрании лицо, бывшее под судом и следствием за ... казнокрадство?

Так как дело с этим вопросом, очевидно, зашло уже слишком далеко, то собрание, из опасения, дабы при разборе их не зайти в непроходимыя дебри личных отношений, отклонило обсуждение второго заявления, хотя по всему было заметно, что оно, до некоторой степени, симпатизировало ему, а дельнейшим поведением своим доказало это и на самом деле, избрав автора его в почетные мировые судьи на четвертное трехлетие.

На этих же выборах случилась еще такая неожиданность. Когда окончилась баллотировка на должность участковых мировых судей, то оказалось, что не выбаллотировали ни одного кандидата к ним. Все недоумевали, как могло случиться подобное обстоятельство, и стали доискиваться причин печального факта, так или иначе оставшагося на совести гласных... В миниятюре здесь повторилось то же самое, что было в глубокую древность с нашими предками-славянами, когда в “великой и обильной земле” не оказалось никаких порядков и за водворением их пришлось обращаться к варягам. Разница вышла лишь в том, что у славян, в критическую минуту, советником явился один Гостомысл, а у нас в этой роли выступило несколько гласных... Тяжелую, гнетущую картину представляло собой собрание в этот момент, главный фон которой составляли: растерянность, подавленность, виновность.

Сначала упрасивали “в кандидаты” некоторых из гласных, а потом очередь дошла и до случайной публики. Когда же искомым варягов в зале съезда не оказалось, а без кандидата оставаться никак не было возможно, то порешили избрать одного отсутствующего, знамаго человека, без его, однакож, о том ведома и согласия. И избрали да при том так усердно, что он из “кандидатов” попал в “действительные”, а один из действительных, пробывший в сем звании не больше часа, превратился в “кандидата”.

Покончив так удачно дневные труды и устранив так находчиво встретившиеся затруднения, избиратели, в сообществе многих из публики, дружною компаниею направились в местный клуб подкрепить свои силы, в таком избытке потраченных на общественное дело. И началось здесь пиршество великое, вполне приличное случаю и соответствующее важности момента»⁵.

Качественный состав кандидатов на должность участкового мирового судьи был самым различным, и лиц, имевших юридическое образование, среди них было не так уж и много. «Непрофильность» кандидатов вызывала печальное неприятие этого явления современниками.

Положение вещей, когда мировыми судьями становились люди, далекие от юриспруденции вызывало озабоченность современников.

«...Совсем другого рода дела, когда люди развитые, более интеллигентные, чем казаки-станичники, избирают людей, не удовлетворяющим требованиям той должности, для которой назначаются избираемые. Как вы, напр., объясните факт такого рода: баллотируется, напр., в мировые судьи лицо, ранее никогда законов не изучавшее, не имеющее никаких сведений о “юриспруденции”, посвятившее всю свою предшествовавшую жизнь другой специальности. Скажем более: лицо, оказавшееся не пригодным даже в той должности, которую оно занимало, и потому удалившееся от должности.

И вот избиратели (заметьте: не простые казаки) выбирают это лицо в мировые судьи. Ну, чем объяснить этот факт? Чем руководствовались избиратели? Может быть пословицей: “на безрыбьи и рак рыба”? — Нет, люди были и во всяком случае были более достойные, более сведующие. Предпочтение однако было отдано не им.

И вот избранный мировой судья начинает судить и дела решать. Не мудрено поэтому, если этот судья станет откалывать такие решения, которые в истории мировых учреждений займут видное место по своей странности. Иначе ведь и быть не может: заставьте-ка вы какого-нибудь писца писать трактат, напр., об упадке экономического благосостояния края, — и разумеется, он такой дичи напишет, что, как говорится, небу станет жарко...

Конечно, мировой судья будет судить и дела решать, тяжущиеся слушать и рты разевать, ответчики и обвиняемые удивляться и недоумевать; но будет ли все это законно при отправлении таким порядком правосудия. Кто виноват, — решите... сами... Едва ли только тот мировой судья, котораго выбрали почтенные избиратели... Эх, сторона наша убогая!»⁶

В Области войска Донского во второй половине XIX в., мировыми судьями зачастую становились присяжные и частные поверенные (адвокаты), что, впрочем, не вызывало неудовольствия современников: «Армия (не многочисленная, впрочем) адвокатов в Усть-Медведице то пополняется, то убывает, при чем пополнения и убыли эти совпадают каждый раз с выборами мировых судей. Происходит это от того, что все избранные из адвокатов в судьи идут без сожаления в судьи; все забаллотированные из судей идут с удовольствием в адвокаты. Знания и таланты добывающимися титла поверенного не принимаются в расчет. Да и к чему? Не боги горшки обжигают!

И вот бывшие судьи становятся адвокатами, бывшие адвокаты судьями. Суд дает свидетельства бывшим судьям, ибо на основании чего бы он не дал им таковых, а выборщики избирают бывших адвокатов судьями, ибо в силу чего они стали бы браковать их? Происходит трогательное единение бывших мировых судей с адвокатами и бывших адвокатов с судьями; при этом, конечно, они практически научаются познавать и ценить друг друга. Соответственно месту, которое они занимают, меняются, конечно, и взгляды тех и других. Так, если мировой судья, как судья, находил, что дело какого-нибудь Луковкина или Турова необходимо разрешить прежде в гражданском порядке, то, как адвокат, он находит, что дело подлежит неукоснительному разбирательству уголовным порядком, разумеется, если он является со стороны гражданского истца и т.д. Говорят, после только что окончившихся в нынешнем году выборов, контингент усть-мед-

ведицких адвокатов должен возрасти чуть не вдвое. Дай Бог! Лишь бы эти адвокаты делали как следует свое дело. Во всяком случае они лучше адвокатов подпольных, действующих без узды и намордника»⁷.

Проблема оказания квалифицированной юридической помощи остро стояла в Области войска Донского во второй половине XIX в., что неоднократно отмечалось периодической печатью Дона.

«...И так, говоря “адвокатов”, мы имеем в виду как присяжных, так равно и частных, в знании и добросовестности которых расписались за них суды. А вот таких-то адвокатов у нас мало, да так мало, что в высшей степени желательно иметь их. По крайней мере в трое больше. Так, у нас в Хоперском округе адвокатов на весь округ имеется только четверо. Трое живут в Урюпине (1-й участок, а четвертый в Филонове (4-й участок), причем во 2,3 и 5 участках совсем ни одного. От этого происходят такие нежелательные явления, что огромному большинству (не менее 8/10) населения не к кому обратиться составить исковое прошение, доверенность, духовное завещание, заемное письмо, договор о найме имущества и т.д. За всем этим необходимо ехать или в Урюпин, или в Усть-Медведицу, что равняется иногда 100—150 и больше верстам расстояния и целой недели езды. А не поехал, обратился к местным законооведам, какими в огромном большинстве случаев являются выгнанные за пьянство писаря станичных правлений и т.п., получается какая-то бессмысленная, невежественная белиберда... После сказанного спрашивается: достаточно ли на целый округ, в котором 25 станиц и 9 волостей, а всего 34 больших поселений, не считая поселков и хуторов, достаточно ли четырех адвокатов, да еще при условии проживания трех из них в Урюпине и одного в Филонове?»⁸

О каком качестве оказания юридической помощи можно говорить, когда составлением исковых прошений и правовым консультированием населения занимались, в своем большинстве, такие субъекты как: «Илья Карпыч Чупрына, или просто Илько Звычай — молодой еще человек, статный и бравый гвардеец-унтер, живет в весьма малолюдном и глухом селе, где нет ни церкви, ни школы, а торчит один только кабак с продранной соломенной крышей... Нужно заметить, что Илья Карпыч сам лично почти никогда не вел судебных дел, а только писал “просьбы и разныя жалобы”...

Илья Карпыч произведения своего пера строго разделяет по месту их назначения, так: “полицейскому правлению” он всегда писал “жалобу”, мировому судье “прошение”. О “мировом” Илья Карпыч был самага высокога мнения: по его понятиям, “мировой” непременно должен быть военным человеком. Крестьянское присутствие он считал учреждением штатским и ниже “мироваго”. В силу этого, последнему он всегда писал “рапорт”, который обыкновенно начинался словами: “сим предписую”... а если рапорт писался во второй раз по одному и тому же делу, или же, хотя и по другому делу, но имеющему с первым какую-нибудь связь, то в таких случаях рапорт начинался словами: “Сим предписую, о чем было и прежде”⁹.

Но не только подавляющая правовая безграмотность усложняла работу мировых судов в Области войска Донского, но и такие явления, как сутяжничество, проистекающее, по нашему убеждению, по сути, из той же правовой безграмотности и пренебрежения интересами окружающих.

Процедура выборов мировых судей в целом отражала состояние общества в исследуемый период времени. Зафиксировано достаточ-

ное количество примеров нарушения общественного порядка при проведении выборов мировых судей гласными. Фиксировались случаи, когда само избираемое лицо не присутствовало во время выборов и впоследствии было вынуждено отказываться от занятия должности мирового судьи.

Качественный состав мировых судей позволяет утверждать, что профессиональных юристов, лиц, имевших юридическое образование, среди мировых судей было явное меньшинство. Трудовая дисциплина также оставляла желать лучшего, с точки зрения, соблюдения ежедневного расписания исполнения трудовых обязанностей. Недостаток профессиональных юристов порождал и еще одну проблему: оказание качественной юридической помощи населению, что порождало нанесение прямого ущерба законным правам и интересам населения Области войска Донского.

Недостаток правовой грамотности явно затруднял рассмотрение дел мировыми судьями, порождал судебную волокиту и массу обращений к мировым судьям с исками, не выдерживавшими критики, с точки зрения разумности и значительности нарушения права и законного интереса.

Мы не считаем проблемой функционирования мировых судей в Области войска Донского во второй половине XIX в. тот факт, что мировыми судьями зачастую становились присяжные и частные поверенные (адвокаты). Это как раз и не вызывало неудовольствия современников, поскольку, учитывая качественный состав мировых судей, с точки зрения наличия юридического образования и опыта разрешения правовых конфликтов (а точнее, зачастую, их отсутствия), присутствие в составе мировых судей людей с опытом рассмотрения судебных дел можно было только приветствовать.

Примечания

1. Ш. Новочеркасск, 21 марта 1887 г. — Донская речь. 1887, № 35, с. 1—2.
2. ОМИКРОН. Письма из Урюпина. — Там же. 1889, № 65, с. 1.
3. Там же, с. 1.
4. М-Н. Из Усть-Медведицы. 29.10.1889 г. — Донская речь. 1889, № 130, с. 2—3.
5. СЕСЕРЯНИН. Из станицы Нижне-Чирской. — Там же. 1892, № 127.
6. Л.Б. Из записной книжки. — Там же. 1888, № 121, с. 1.
7. ОМИКРОН. Усть-Медведицкие дела и делишки. — Там же. 1889, № 134, с. 3.
8. ЕГО ЖЕ. Письма из Урюпина. — Там же. 1888, № 83, с. 1.
9. ИВАСЬ. Деревенский ходатай (отрывок). — Там же. 1887, № 30, с. 2, 3.

Внешняя политика Июльской монархии в преддверии революции 1848 г. во Франции

И.В. Игнатченко

Аннотация. В публикации рассматривается внешняя политика Франции накануне Февральской революции 1848 года. В отечественной историографии долгие годы считалось, что после заключения «испанских браков» в 1846 г. французская внешняя политика являлась консервативной и даже реакционной. Автор показывает, что на самом деле министр иностранных дел Франсуа Гизо проводил взвешенную и разумную политику в Италии и Швейцарии. Кроме того, в работе исследуются внешнеполитические инициативы Гизо.

Ключевые слова: Франция, Июльская монархия, Италия, Швейцария, Луи-Филипп, Ф. Гизо.

Abstract. The work examines the foreign policy of France on the eve of the February revolution of 1848. In Russian historiography for many years it was believed that after the conclusion of the «Spanish marriages» in 1846, French foreign policy was conservative and even reactionary. In this work, the author shows that French Foreign minister Francois Guizot actually conducted a balanced and reasonable policy in Italy and Switzerland. In addition, the work investigates the views and motives of Guizot in the implementation of foreign policy initiatives.

Key words: France, the July monarchy, Italy, Switzerland, Louis-Philippe, F. Guizot.

Внешняя политика Франции в 40-е гг. XIX в. тесно связана с личностью Франсуа Гизо — крупного французского политика первой половины XIX в. и бессменного министра иностранных дел Июльской монархии во Франции в 1840—1848 годах. Отечественные и зарубежные историки традиционно делят проводившуюся Гизо французскую внешнюю политику на два этапа. Первый (1840—1846) характеризуется установлением «сердечного согласия» между кабинетами Великобритании и Франции после подписания Лондонских конвенций в 1841 г., завершивших второй Восточный кризис 1839—1841 годов. До

Игнатченко Игорь Владиславович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: ignatchenko_igor@mail.ru

Ignatchenko Igor V. — PhD, head of the department at the Institute of Public Policy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: ignatchenko_igor@mail.ru.

1846 г. парижскому и лондонскому кабинетам удавалось проводить координированную политику на международной арене в противовес континентальным державам Священного союза (Австрия, Пруссия и Россия). Однако заключение «испанских браков» и смена кабинета министров в Великобритании испортили англо-французские отношения. Поэтому второй этап (1846—1848) отмечен ориентацией Франции на блок континентальных держав, и, прежде всего, Австрию с целью недопущения дипломатической изоляции Июльской монархии.

В историографии основное внимание всегда уделялось первому этапу, когда англо-французские отношения были наиболее интенсивными. Напротив, внешняя политика Франции второй половины 40-х гг. XIX в. привлекала к себе меньшее внимание. Внешнеполитический курс, проводимый Франсуа Гизо накануне Февральской революции 1848 г., вызывал крайнее осуждение и непонимание, прежде всего, в отечественной историографии. Это связано во многом с тенденциозностью некоторых исследователей, пытавшихся объяснить феномен Февральской революции 1848 г. во Франции непопулярной внешней политикой правительства Гизо, сменившего в 1847 г. на посту премьер-министра маршала Николя Сульта. «Сблизившись с меттерниховской Австрией и с царской Россией, орлеанистская Франция все более откровенно выступала как реакционная сила и обрекла себя на новые дипломатические поражения», — писал известный советский историк Ф.В. Потёмкин в капитальном академическом труде «История Франции»¹.

Обращение к этому сложному историческому периоду, предшествовавшему революции во Франции, на мой взгляд, позволит понять действия Гизо и переосмыслить многие негативные оценки, дававшиеся в отечественной историографии его внешней политике накануне революции 1848 года.

Франсуа Гизо считал, что интересы Франции распространялись на такие страны, как Испания, Северная Италия, Швейцария и Бельгия, которые, по его образному замечанию, образовывали «пояс» Франции². Поэтому представляется вполне логичным, что после заключения «испанских браков» и обеспечения французских интересов в Испании, министр иностранных дел Июльской монархии Гизо уделил особое внимание политическим процессам в Италии и Швейцарии — странах, граничивших с Францией. Италия и Швейцария заняли центральное место во французской внешней политике в последние годы существования режима Июльской монархии.

В июне 1846 г. умер Папа Григорий XVI — глава небольшого по размерам Папского государства, и его место занял Пий IX. По воспоминаниям Гизо, эти события «вызвали огромный энтузиазм не только в Риме, но и повсюду в Италии, во Франции, в других европейских странах»³. Дело в том, что Папа Григорий XVI (1765—1846) был крайним реакционером и противником любых реформ, а в 1832 г. он даже опубликовал энциклику «*Mirari vos*», в которой осудил доктрину либерализма. Вместе с тем, Папское государство остро нуждалось в проведении политических преобразований, и поэтому с приходом нового Папы в европейском обществе связывались большие надежды.

Франсуа Гизо был в числе тех европейских политиков, кто отчетливо понимал необходимость скорейшего проведения реформ в Пап-

ском государстве. Будучи крупным историком, политик Гизо попытался проанализировать причины исторического отставания Папского государства в вопросах общественно-политического развития. В своих мемуарах он отмечал, что Папское правительство с конца XVII и на протяжении всего XVIII в. находилось вне руслу европейской цивилизации. Папство постоянно пыталось уклониться от назревшей проблемы, оно стало «рутинным и робким». Вместе с тем, Гизо считал, что в итальянском обществе появилась потребность в оживлении промышленности и торговли, укреплении международных связей, в большей свободе и открытости общества. Однако Папское правительство боялось всего нового и никак не уживалось с итальянским обществом. В результате, полагал Гизо, папство оказалось оторванным от общества, чуждым ему и потеряло всякий авторитет ⁴.

По мнению Гизо, перед понтификом стояли поистине грандиозные задачи. Прежде всего, ему необходимо было преодолеть сопротивление старого государственного аппарата и создать новую администрацию в своем государстве. Поэтому миссию французского правительства Гизо видел в поддержке понтифика в его предстоявшей реформаторской работе. Помочь Папе Гизо поручил французскому послу в Риме Пеллегрини Росси, исполняющему обязанности посла в Италии с 1845 г. и хорошо знавшему обстановку в стране. Как отмечалось во французском либеральном издании «*Revue des deux mondes*», «никто лучше Росси не сможет помочь понтифику проводить политику поистине итальянскую» ⁵. Действительно, Росси был очень благожелательно настроен к Пию IX (неслучайно после крушения Июльской монархии он остался в Италии и в сентябре 1848 г. стал первым министром Пия IX) и в то же время пользовался полным доверием Гизо. Подтверждением тому служит дипломатическая депеша Гизо к Росси, датированная июнем 1846 г.: «Делайте то, что Вы считаете нужным, используйте те средства, которые Вы находите полезными. Цель нашей политики Вам хорошо известна» ⁶.

Принимая поздравления дипломатического корпуса после своего избрания, Папа Пий IX не только обратился с речью к французскому послу, но даже пожал ему руку. Этим он как бы выражал свою благодарность Франции за участие, с которым она отнеслась к его избранию. В ходе состоявшейся встречи с французским послом понтифик начертал план реформ в Папском государстве, который он считал необходимым осуществить в ближайшее время. Так, во-первых, он решил положить конец многочисленным злоупотреблениям в государственном аппарате; во-вторых, провести ряд мер с целью оживления финансов и торговли в стране; и, в-третьих, заменить дорогостоящую швейцарскую гвардию национальной. Французский посол с одобрением и пониманием отнесся ко всем проектам понтифика.

Гизо поддержал первые шаги Папы Римского на политическом поприще и, прежде всего, объявленную им политическую амнистию, в которой видели залог других прогрессивных начинаний Папы во всех областях итальянского общества ⁷.

Однако в дальнейшем понтифику пришлось столкнуться с жесткой борьбой старого государственного аппарата, что вызвало его колебания и нерешительность. «Промедление со стороны правительства, — сообщалось в донесениях Росси, — раздражает одних и воо-

душевляет других, положение Папы становится шатким». «Страна ждет, но с решительным нетерпением», — писал Росси Гизо⁸.

Последующие депеши французского посла были проникнуты еще большей озабоченностью и тревогой. Так, Росси сообщал: «В Италии увеличивается количество выпускаемых газет, проводятся собрания. Народ и его вожди действуют с решительностью и быстротой, которых так не хватает правительству понтифика. В Папском государстве организовываются две партии: либеральная (умеренная) и радикальная, в то время как правительство ничего не может организовать». Посол считал, что для успешного проведения реформ правительству понтифика необходимо было объединиться с «умеренными» и создать крепкую консервативную партию в стране.

Франсуа Гизо также был убежден в том, что, только опираясь на умеренных или консерваторов, Святой Престол смог бы преодолеть многочисленные трудности на пути реформирования общества. «В этот поворотный момент судьба Италии зависит от того, какая партия одержит верх: ретрограды, умеренные или радикалы (революционеры). Опасность заключается в том, что радикалы способны привести страну к катастрофе, смутам и потрясениям. И только умеренные или консерваторы, объединившись, смогут создать крепкую партию — костяк общества, способную провести необходимые реформы и отвести общество от катастрофы. Но эти здоровые силы общества еще должны объединиться, партию еще необходимо создавать», — считал французский министр.

Формирование активного правительства Гизо назвал ключевой проблемой, которую предстояло решить понтифику. Как опытный министр, Гизо советовал Пию IX проводить консервативную политику. «Мы — решительные консерваторы. Именно потому, что Франция прошла через революционные потрясения, французское правительство чувствует особую ответственность за установление в обществе порядка, соблюдение законов, принципов, уважение традиций, власти, — всего того, что обеспечивает стабильность общества», — сообщалось в очередной депеше министра своему послу в Италии. Под консервативной политикой Гизо понимал проведение умеренных реформ в стране. Гизо также рекомендовал понтифику четко определить ту грань, за которую не следовало переступать в реформировании общества, ибо в противном случае катастрофа была бы неизбежной. В этом министр видел «искусство управления» обществом.

За год пребывания у власти Пий IX добился некоторых успехов в реформировании итальянского общества. Так, была организована гражданская гвардия, определены компетенции различных департаментов, опубликован бюджет на 1846 г., учрежден Римский муниципалитет. Правительство понтифика предоставило прессе большую свободу, отменило цензуру, приняло декрет о железных дорогах, провело либерализацию таможенных тарифов. Кроме того, были созданы комиссии, рассматривавшие вопросы по исправлению злоупотреблений юридического характера, открыты больницы в крупных городах Италии. Все эти реформы получили одобрение и поддержку Гизо. В успешном проведении первых реформ в Италии французский министр не без оснований видел заслугу и своего кабинета министров⁹.

В ноябре 1847 г. Пий IX торжественно открыл первое заседание палаты депутатов. Однако в речи перед депутатами понтифик подчеркнул, что этому политическому органу отводится только консультативная функция, и заявил, что к нарушителям установленного порядка будут применяться репрессивные меры. Через месяц стало понятно, что вся полнота власти в итальянском государстве так и осталась в руках духовенства.

Пеллегрини Росси неоднократно высказывал мнение о необходимости привлечения светской власти к управлению государственными делами. По мнению посла, Военное министерство и Министерство финансов, например, могли возглавить светские министры, которые стали бы связующим звеном между Папой и палатой депутатов. Французский посол считал, что введение светского элемента в управление государственными делами являлось действенным средством для того, чтобы изолировать возмутителей спокойствия и лишить их всякого влияния в стране. Гизо полностью разделял позицию своего дипломата.

Существенным недостатком всех предпринятых понтификом внутренних преобразований являлась медлительность в осуществлении задуманных реформ. Яркими примерами служит затягивание с открытием сессии палаты депутатов и организация гражданской гвардии, которая произошла в результате народного восстания, а не реформаторских усилий Пия IX, откладываявшего ее создание. Гизо по этому поводу писал: «Необходимо, чтобы Папа решился, наконец, произвести все необходимые реформы, довести их до конца, и затем вернуться к отправлению своих обыденных обязанностей согласно установленным законам»¹⁰. В то же время, Гизо считал, что в независимых итальянских государствах только правитель определяет, какие реформы и в какой мере он должен проводить. «Вот вся цель нашей политики. Только такая политика соответствует интересам Франции, является единственно хорошей и достойной ее. Я провожу эту политику изо дня в день. Я не ищу успеха у публики, не раздуваю газетной шумихи, не тешу свое тщеславие. Я прилагаю все усилия к тому, чтобы эффективно вести межправительственные переговоры, не посвящая общественность в детали с тем, чтобы не повредить делу», — объяснял Гизо.

Политическая ситуация в Папском государстве обострилась в июле 1847 г.: под предлогом защиты интересов Австрийской империи канцлер Меттерних приказал ввести войска численностью 25 тыс. чел. на территорию, граничащую с государством понтифика. Небольшие города Италии были заняты австрийскими войсками. Французский посол Росси не исключал того, что этот шаг австрийского правительства мог быть воспринят итальянцами как открытая интервенция¹¹.

В августе того же года Пий IX обратился к французскому правительству с просьбой защитить, в случае необходимости, Святой Престол силами французской эскадры, базировавшейся близ Неаполя. Росси поддержал эту идею. По его мнению, присутствие французской эскадры у берегов Италии сдерживало бы экстремистские партии, ободрило бы «умеренных» и явилось бы гарантией безопасности для правительства понтифика. Кроме того, по словам Росси, «это соответствовало интересам и достоинству Франции». Гизо отдал соответ-

ствующий приказ принцу де Жуанвиллю, командовавшему военноморскими силами Франции.

Решение министра иностранных дел Июльской монархии вызвало бурную реакцию во французском обществе. В адрес французского правительства вскоре посыпались обвинения в том, что дислоцировавшаяся у берегов Италии эскадра предназначалась для защиты интересов абсолютизма, а сам министр Гизо, как писала французская пресса того времени, якобы даже вел секретные переговоры с канцлером К. Меттернихом, желая породнить королевский дом французских Орлеанов с австрийскими Габсбургами. С другой стороны, Гизо в этот период критиковали за чрезмерную пассивность и представители королевского дома Франции, например, принц де Жуанвиль. Гизо пришлось оправдываться в своих действиях. Министр предоставил принцу многочисленные депеши и свою частную переписку с представителями Франции в Риме, Флоренции, Неаполе, Турине и Вене.

Гизо убеждал принца в том, что французское правительство всегда было сторонником проведения умеренных реформ в Италии. «Мы за разумный и постепенный прогресс, за либеральную политику, которая только одна и способна принести благо итальянскому народу и народам соседних государств. И пусть политика французского правительства не пользуется поддержкой в Италии. Меня это вовсе не удивляет. Итальянцы хотели бы совсем другого: они хотели бы, чтобы Франция предоставила в их распоряжение материальные и людские ресурсы, чтобы с помощью французского оружия изгнать австрийцев с итальянской земли и учредить представительное правительство», — писал министр, считая недопустимым, чтобы Франция участвовала в изгнании австрийцев из Италии.

Гизо, действительно, в это время вел переговоры с Меттернихом, но совершенно не для того, чтобы породнить королевские фамилии. Целью переговоров являлся отвод австрийских войск из Феррары. По словам министра, он предпочел конфиденциально убедить Меттерниха в том, что пребывание австрийских войск в Италии не только не защитит интересы Австрии, а, напротив, вызовет протест у итальянского народа и приведет к революционному взрыву. «Я прилагал усилия к тому, чтобы убедить Меттерниха отозвать войска из Феррары, чтобы искра Феррары не разожгла пожар во всей Италии», — писал Гизо¹².

Опираясь на протест Папы, Франция официально потребовала от австрийского правительства оставить Феррару. В конце декабря 1847 г. австрийские войска покинули итальянский город. В это же время в Риме собралась ассамблея делегатов из итальянских провинций. Гизо расценил эти события как двойной успех своей итальянской политики.

«Наша политика в Италии является единственно хорошей для итальянцев политикой, и они должны быть нам за это признательны», — заявил министр. Особая роль в «обновлении» Италии отводилась Папскому государству, которое находилось в самом центре Апеннинского полуострова. Успешное проведение здесь реформ могло стать примером для других итальянских правителей. В случае же возникновения революции, пожар мог перекинуться на всю Италию.

Франсуа Гизо считал, что для успешного проведения реформ правительству была необходима опора на «умеренных». По его мнению,

итальянским либералам необходимо было сотрудничать с правительством, а не с радикалами. Гизо дал послу указания сделать все, чтобы не допустить превращения римского вопроса в итальянский вопрос. «Знаю всю трудность выполнения этого поручения. Однако необходимо употребить весь свой ум, упорство и настойчивость для того, чтобы дать понять умеренным, что им необходимо действовать фракциями: от Рима, Тосканы, Неаполя и т.д.»

Французский министр был убежден в том, что торжество частичных реформ в каждом государстве позднее должно было привести к торжеству итальянского национального дела. Но Гизо не спешил — он понимал, что подобная постановка вопроса означала революцию в Италии и, как следствие, новое кровопролитие. «Пусть положение в Италии стабилизируется на основе европейского порядка, прав и независимости правительств, уважении существующих трактатов. Успешное проведение реформ в Италии сегодня — залог того, что она сможет сделать завтра. Я не знаю, что именно сделает Италия, и когда это произойдет, но не сегодня», — писал он Росси.

Известный итальянский революционер Джузеппе Мадзини придерживался иной точки зрения. В январе 1848 г. он опубликовал во французской газете «Насьональ» письмо, адресованное Гизо, в котором утверждал, что в Италии не существовало «умеренной партии», что были лишь несколько итальянцев, ориентировавшихся на французское правительство. Мадзини назвал их «одиночками», а саму идею создания в Италии «умеренной партии» — «химерой». Напротив, неотложной задачей он видел объединение Италии в единое национальное государство. Наиболее ярко идею национального единства Италии Мадзини выразил в своем письме к Пию IX: «Объедините Италию, Вашу Родину. Соберите вокруг себя лучшую часть нации. Постарайтесь завоевать доверие своего народа. Скажите нам: “Единство Италии должно стать фактом XIX века”»¹³.

Французский министр был категорически не согласен с Мадзини, который ставил два фундаментальных для будущего Италии вопроса (единство и независимость Италии) на повестку дня в 1848 году. Для Гизо — дипломата, целью политики которого было сохранение мира, — подход Мадзини был совершенно недопустим. Для Гизо — историка было очевидным то, что предпосылки для объединения Италии еще не созрели, и потому Гизо — политик находил нужным не ждать (в чем его упрекали современники), а действовать, но делать это осторожно, следуя по пути реформ. По его мнению, Италия еще не была готова к объединению. Поэтому он был противником радикальных взглядов Мадзини.

Иным представлял себе будущность Италии австрийский канцлер, стремившийся как можно дольше сохранить здесь господство Австрии и не допустить революции. По мнению Меттерниха, в случае революции итальянскому народу предстояло бы решить вопрос о целостности и независимости страны. Австрийский канцлер назвал возможность создания единой и независимой Италии «химерой», что является свидетельством недооценки министром ситуации, сложившейся к тому времени в Италии. Меттерних был недоволен поддержкой, оказываемой Францией правительству понтифика. «То, что происходит в Папском государстве, в большей степени связано с тем, что

наблюдается во французском обществе в отношении этой страны. На страницах газет, и в первую очередь, в “*Journal des Débats*” постоянно говорят о реформах, об оказании помощи итальянским беженцам. Все это подготовило почву для революции, поводом которой послужил приход к власти Пия IX и объявленная им амнистия», — заявил Меттерних ¹⁴.

По мнению Гизо, и Меттерних, и Мадзини могли привести страну к катастрофе. Французский министр был убежден в том, что с господством Австрии итальянцы не желали больше мириться. Для Гизо был совершенно очевиден в будущем уход австрийцев с территории Италии и независимость этой страны. Однако он считал, что не следовало торопить события, то есть ставить вопрос о немедленном освобождении Италии от австрийского владычества. Задачу правительства Пия IX французский министр видел в том, чтобы подготовить страну к этому событию путем постепенного реформирования всех сторон итальянского общества.

Тем временем в Швейцарии с начала 40-х гг. XIX в. назревала гражданская война. На тот момент французское правительство придерживалось принципа невмешательства во внутренние дела этого суверенного государства. Французский король Луи-Филипп, который несколько лет прожил в Швейцарии, считал, что «швейцарским народом правит дух радикализма, он вечно вынашивает планы создания великого государства. В период кризиса швейцарцы неспособны выйти из него самостоятельно и создать свое правительство. Порядок в стране устанавливается только благодаря вмешательству иностранных держав». Луи-Филипп в беседах с Гизо советовал своему министру «не вмешиваться во внутренние дела Швейцарии, равно как и не допускать подобного вмешательства со стороны других государств» ¹⁵.

Гизо испытывал особое отношение к Швейцарии. В этой стране прошла его юность: с 1799 по 1805 г. он жил с матерью и братом в Женеве, там же обучался сначала в гимназии, а затем в Женевской академии и частном пансионе пастора Дежу. Гизо называл Женеву своей интеллектуальной колыбелью. Вместе с тем, на события, происходившие в Швейцарии, как, впрочем, и в любой другой стране в период своего министерства, Гизо смотрел глазами политика и историка. Прежде чем оценить ситуацию, этот политический деятель углублялся в историю страны, пытаясь в прошлом отыскать корни конфликта. С помощью такого анализа Гизо не только принимал конкретное политическое решение, но и делал прогнозы относительно будущего развития событий. Так, Гизо считал политической ошибкой швейцарских радикалов, «увлеченных примером Французской революции», создать в стране единую и неделимую республику. По мнению министра, это было совершенно чуждо географии и истории этого народа, отличавшегося по национальностям, языку, обычаям и традициям.

В силу географических особенностей Швейцарии Гизо считал конфедерацию идеальной формой правления для этой страны. Идею создания республики он называл «политическим плагиатом», «революционной манией». По мнению французского министра, перенесение республиканской формы правления на швейцарскую землю подвергло бы серьезной опасности независимость кантонов.

Гизо высоко оценивал деятельность Наполеона I в умиротворении швейцарского народа. В частности, примером «разумной, честной и твердой политики» Гизо назвал подписанный 20 февраля 1803 г. при участии французского императора договор, учредивший Гельветическую конфедерацию и установивший независимость кантонов и кантональных правительств. По мнению Гизо, благодаря реформаторской деятельности Наполеона, в Швейцарии наступил двенадцатилетний период порядка и процветания, продолжавшийся до 1815 года. Падение Первой империи во Франции привело к тому, что в Швейцарии возобновились внутренние распри, которые удалось остановить только при помощи иностранного вмешательства.

На Венском конгрессе правительства великих европейских держав гарантировали Швейцарии нейтралитет, а принятый 27 мая 1815 г. федеральный пакт заменил посреднический акт Наполеона. Этим документом и руководствовался Гизо в проведении своей швейцарской политики. Он считал, что Швейцария в одностороннем порядке не имела права вносить изменения в данный документ — это было возможно лишь на общеевропейском конгрессе. Вместе с тем, Гизо признавал, что настало время внести определенные изменения в федеральный пакт. По мнению французского министра, при сохранении конфедерации и независимости кантонов, для более эффективной работы центральной власти необходимо было расширить ее компетенции.

Июльская революция 1830 г. во Франции вновь пробудила в Швейцарии дух радикализма. 30-е гг. XIX в. привели к засилью аристократии в стране. Обстановка осложнялась присутствием большого числа политических беженцев из Италии, Польши, Бельгии и Франции. «Потерпев поражение в осуществлении своих революционных замыслов у себя на родине, они вдохновляли швейцарских радикалов на проведение смелых проектов. В то время как радикалы становились все более активными, умеренные силы, напротив, проявляли нерешительность. Агрессивность одних и колебания других могли скомпрометировать отношения Швейцарии с соседними государствами, даже с Францией» — считал Гизо. В сложившейся обстановке французский министр иностранных дел был готов оказывать более активную поддержку швейцарскому правительству своими рекомендациями и советами.

Начало внутривнутриполитического противостояния в Швейцарии было связано с событиями в кантонах Ааргау и Валлис. В 1841 г. в кантоне Ааргау были внесены изменения в конституцию в пользу протестантов. Католики, недовольные результатами пересмотра конституции, попытались оказать сопротивление, но их восстание было подавлено. Большой совет Ааргау вынес постановление о закрытии всех католических монастырей кантона, а также о конфискации их имущества. В ответ на действия властей в 1844 г. в Валлисе католическая партия, захватившая власть после непродолжительной гражданской войны, пересмотрела конституцию кантона и вынесла постановление, согласно которому католическая религия объявлялась единственной религией, имевшей право на существование в данном кантоне. Протестантское богослужение было запрещено.

Семь католических кантонов — Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг, Фрибург и Валлис — объединились в союз (нечто вроде

государства в государстве) для защиты от агрессии со стороны протестантских кантонов. Это объединение было названо протестантами «Зондербундом». Объединившись, католические кантоны потребовали от Федерального сейма отменить решение о конфискации имущества монастырей. Большой совет Ааргау согласился оставить на территории кантона три женских монастыря.

Гизо считал первоначальное решение Большого совета Ааргау о закрытии всех католических монастырей в кантоне и о конфискации их имущества грубым нарушением Федерального пакта 1815 г., гарантировавшего существование монастырей на территории кантона и сохранение их собственности. Упразднение религиозных учреждений и конфискация их имущества, по мнению французского министра, являлись также серьезным посягательством на права и собственность граждан. Последовавшее решение Большого совета Ааргау о сохранении на территории кантона трех женских монастырей Гизо назвал слишком слабой мерой, чтобы исправить грубое нарушение Федерального пакта. В условиях ожесточенной борьбы, которая велась между так называемой «партией порядка» (партией аристократии) и «радикальной партией» (сторонниками установления в стране унитарной республики), Гизо продолжал придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела суверенного государства. Французский министр старался влиять на противоборствующие стороны увещеваниями. Кроме того, Гизо согласовывал предпринимаемые им меры с правительствами великих европейских держав.

В 1845 г. Большой совет Люцерна вынес постановление о призвании иезуитов, которым решил доверить сферу образования. Гизо считал, что, хотя кантон имел право на принятие такого решения, оно, все-таки, было несвоевременным. «Франция уважает принципы и права кантонального суверенитета. Однако наряду с этими правами у каждого кантона есть священный долг делать все для сохранения мира», — высказывался по этому поводу Гизо. По мнению министра, призвание иезуитов могло еще больше накалить обстановку в стране. Он считал своим долгом предупредить правительство Люцерна об опасности такого шага. Однако это не изменило решения органов власти кантона, и неутешительные прогнозы Гизо подтвердились.

В Люцерне вспыхнула гражданская война, в результате которой радикалы потерпели поражение. Победа католиков вызвала раздражение у правительств тех кантонов, во главе которых стояли протестанты. В кантонах Во и Берн были сформированы многочисленные вольные отряды под командованием Ульриха Оксенбейна. Они направились в Люцерн, чтобы поддержать своих сторонников, находившихся в меньшинстве, но вскоре были обращены в бегство.

В начавшейся гражданской войне в Швейцарии Гизо встал на сторону католиков, несмотря на то, что сам исповедовал протестантизм: «Правительство Люцерна одержало победу, а, значит, восторжествовало дело порядка», — говорил он. Вместе с тем, французский министр боялся, что «пожар, начавшийся в Люцерне, мог перебраться на всю территорию Швейцарии»¹⁶. По мнению Гизо, именно католики представляли консервативные силы в стране, на которые впоследствии могла опереться Франция. В то же время в этот период министр не предпринимал каких-либо активных действий, чтобы по-

мочь одной из сторон, либо примирить враждующие группировки. Инструкции Гизо послам Франции в Берлине, Вене, Лондоне и Санкт-Петербурге предусматривали отказ от вмешательства во внутренние дела Швейцарии «до тех пор, пока швейцарский народ сам не выскажется за подобную меру».

Франсуа Гизо не поддержал инициативу Меттерниха, предложившего провести немедленный демарш пяти европейских держав в отношении Швейцарии. Гизо считал эту меру несвоевременной. По мнению министра Июльской монархии, подобный шаг в тот момент мог задеть национальные чувства швейцарского народа. Он полагал, что в сложившейся ситуации представителям пяти великих европейских держав необходимо было выработать общую резолюцию для представления ее швейцарскому Сейму. Гизо поддержал другое предложение австрийского канцлера, высказанное им в мае 1845 г., — организовать конференцию пяти «великих держав» в Париже для обсуждения швейцарских дел ¹⁷.

Дальнейшие события в Швейцарии развивались в пользу радикалов. В январе 1846 г. в результате революции протестанты пришли к власти в Берне, а в октябре того же года и в Женеве. Бурное развитие событий в Швейцарии повлекло за собой смену французского посла в этой стране. Место графа Шарля-Эдуара де Понтуа занял Эдмон Буа ле Комт.

В январе 1847 г. новый посол изложил Гизо свою точку зрения на политику Франции в Швейцарии. В сложившихся обстоятельствах Буа ле Комт настаивал на необходимости посредничества Австрии и Франции в умиротворении швейцарского народа, а в случае продолжения гражданской войны допускал возможность вооруженного вмешательства. При этом посол отводил Франции доминирующую роль в урегулировании конфликта. Предложение посла шло вразрез с политической линией Луи-Филиппа. Буа ле Комт срочно был вызван в Париж, где Гизо еще раз подтвердил, что, несмотря на изменившееся положение дел в Швейцарии, французское правительство было намерено продолжать политику невмешательства в отношении этой страны. Кроме того, французский министр иностранных дел настаивал на более тесном сотрудничестве Буа ле Комта с английским послом. «Я начал вести эту работу с Эбердином (министр иностранных дел Великобритании в 1841—1846 гг. — *И.И.*), и желаю продолжить ее с Пальмерстоном (новый глава Форин офис, сменивший Эбердина в 1846 г. — *И.И.*)», — заявил французский министр ¹⁸.

Весной 1847 г. У. Оксенбейн, глава радикальной партии в кантоне Берн, был избран президентом швейцарского Сейма, несмотря на то, что его войска были ранее разбиты в битве при Люцерне. В июне того же года состоялась встреча французского посла с Оксенбейном. Президент Сейма заявил, что целью его политики был роспуск Зондербунда и изгнание иезуитов, поскольку «это было пожеланием большинства жителей Швейцарии». Лидер радикалов не исключал решения этого вопроса вооруженным путем.

В этот период Меттерних выступил с очередной внешнеполитической инициативой. Он предложил правительствам европейских держав через своих представителей в Швейцарии передать Сейму «тождественные ноты» во время обсуждения им вопроса о роспуске Зон-

дербунда и изгнании из страны иезуитов. Меттерних считал, что подобная мера могла предотвратить эскалацию конфликта и новый виток гражданской войны в Швейцарии.

Франсуа Гизо с недоверием отнесся к инициативе австрийского канцлера. По мнению министра, причина настойчивости Меттерниха в проведении подобного демарша заключалась в его стремлении проводить «политику свободных рук» в Италии. «Канцлер желает переложить бремя швейцарских проблем на плечи правительств европейских держав, прежде всего, правительства Франции. В таком случае, Франция, втянутая в борьбу со швейцарскими радикалами, не смогла бы оказывать никакого влияния на итальянские дела», — считал Гизо ¹⁹.

В ноябре 1847 г. Сейм вынес постановление об изгнании иезуитов со всей территории Швейцарии и о роспуске Зондербунда, допускающая при этом возможность применения оружия при решении данного вопроса. С этого момента Гизо понял, что гражданская война в Швейцарии неминуема. В связи с этим, он допускал вмешательство в конфликт Австрии и Франции в том случае, если бы представители Зондербунда обратились с подобной просьбой ²⁰.

Французский министр считал, что в этих условиях державы, подписавшие трактат об учреждении Гельветической конфедерации, не могли больше оставаться в стороне, поскольку существованию конфедерации угрожала реальная опасность. В Швейцарии необходимо было решить религиозную и политическую проблемы. Решение первой Гизо предлагал передать, с общего согласия, на рассмотрение Папы Римского. По мнению министра, необходимо было выбрать город, расположенный неподалеку от театра военных действий, чтобы представители пяти европейских держав и 22 швейцарских кантонов могли собраться для обсуждения способов примирения воюющих сторон, а также внести изменения в организацию конфедерации с целью предотвращения развития кризиса в дальнейшем ²¹.

Правительства Австрийской империи и Пруссии сразу же присоединились к французскому проекту ²². В том, что предложения Гизо получают поддержку петербургского двора, также не было никакого сомнения, хотя представитель России Н.Д. Киселёв считал предложенную меру запоздалой. По мнению Киселёва, инициатива Гизо не могла помешать обострению гражданской войны в Швейцарии ²³. Что касается Пальмерстона, то он отверг проект Гизо, поскольку не желал оказаться в лагере Зондербунда и плестись в хвосте французской политики. Посол Франции в Лондоне герцог Виктор де Бройль даже пригрозил английскому министру: «У нас был бы хороший повод подписать четырехстороннее соглашение и, тем самым, взять реванш за подписанный Вами трактат по Восточному вопросу, но у нас нет таких намерений. Разрыв между Англией и Францией есть зло как для обеих стран, так и для всеобщего мира, и я сделаю все, чтобы предотвратить войну» ²⁴.

В середине ноября 1847 г. Пальмерстон предложил альтернативный «тождественной ноте» проект по разрешению политического кризиса в Швейцарии. Основная его цель заключалась в том, чтобы роль ведущего посредника на переговорах зарезервировать за британским правительством. По мысли британского министра, все остальные ев-

ропейские державы должны были непременно присоединиться к его предложению. В том случае, если предложение английского правительства принималось незамедлительно, предусматривалось временное прекращение военных действий между обеими сторонами вплоть до созыва конференции. Участниками этой конференции должны были стать представители пяти великих европейских держав, а также по одному представителю от Сейма и Зондербунда. Конференцию планировалось провести в Лондоне.

Пальмерстон высказался против арбитража Папы в решении вопроса о иезуитах. Британский министр предложил изгнать их с территории конфедерации, возместив им убытки за потерю движимого и недвижимого имущества. Сейм должен был взять на себя обязательство отказаться от всяких враждебных действий в отношении семи католических кантонов, а представители Зондербунда — принять решение о роспуске своего союза. После этого обе стороны, по мнению английского министра, возобновили бы мирные отношения ²⁵.

Гизо выступил против изгнания иезуитов с территории Швейцарии, считая это нарушением принципов независимости кантональных правительств, свободы образования и религиозных объединений в стране. Французское правительство предложило назначить местом проведения конференции город Невшатель в великом княжестве Баденском, которое было заинтересовано в скорейшем разрешении конфликта в силу небольшой удаленности от Швейцарии. Предложение Франции получило одобрение австрийского и прусского правительств. Гизо направил герцогу де Бройлю новый проект «тождественной ноты» с изменениями, учитывавшими позицию английского правительства, и одобренный правительствами Австрии и Пруссии с тем, чтобы представитель Великобритании в Швейцарии совместно с представителями других европейских держав незамедлительно направили ноту президенту Сейма и президенту военного совета Зондербунда ²⁶.

Однако направленный проект, ранее согласованный с британским правительством, неожиданно натолкнулся на новые замечания Пальмерстона. Для Меттерниха было совершенно очевидно то, что Гизо пытался найти точки соприкосновения правительств Франции и Великобритании, а также выработать единые требования всех великих держав для предъявления их швейцарскому Сейму, в то время как Пальмерстон искал любую возможность, чтобы отвергнуть мирный проект, поскольку он «был движим жадной мщенией» ²⁷. Дипломатическая победа над Англией, одержанная Гизо в деле «испанских браков» в 1846 г., никак не давала покоя амбициям британского министра. Французскому послу пришлось приложить немало усилий для того, чтобы британский министр, с незначительными поправками, все-таки принял проект Гизо.

Однако эти дипломатические усилия впоследствии были сведены Пальмерстоном к нулю. Пока велись дискуссии об основах посредничества, швейцарские радикалы форсировали события. В тот момент, когда «тождественная нота» была, наконец, принята Пальмерстоном, глава Форин оффис приказал английскому представителю в Швейцарии предупредить об этой ноте командующего армией швейцарских радикалов генерала Гийома-Анри Дюфура, который в 1830 г. был назначен швейцарским союзным собранием генерал-квартирмей-

стером. Пальмерстон просил его поторопить с событиями в Люцерне, чтобы по прибытии ноты пяти держав в Сейм, война оказалась оконченной, а победу праздновали радикалы, опиравшиеся на Англию ²⁸.

30 ноября 1847 г. французский посол Буа ле Комт направил «тождественную ноту» Президенту Сейма в Берне и последнему представителю Зондербунда. Гизо считал, что правительства великих европейских держав должны приложить максимум усилий для того, чтобы ускорить созыв конференции в Невшателе либо в любом другом месте с тем, чтобы не допустить окончательной победы радикализма в Швейцарии ²⁹. В конце декабря с миссией в Париж прибыли австрийский посланник граф Франц фон Коллоредо и прусский генерал Иосиф Радовиц, чтобы выработать общий план действий европейских держав в отношении Швейцарии. Правительства трех стран готовились к военной интервенции в Швейцарию ³⁰.

Лондонская газета «The Times», касаясь возможного ввода войск Австрии и Франции на территорию Швейцарии для поддержки Зондербунда, сообщала: «Зарубежное вмешательство давно рассматривалось правительствами некоторых иностранных держав как единственное решение этого запутанного дела. Вмешательство Австрии могло осуществиться только в случае ее поддержки со стороны Франции. После возвращения Пальмерстона к власти, решения вопроса об «испанских браках» в пользу Франции и оккупации Кракова союз Франции и Австрии стал очевиден. Швейцарское дело является подтверждением этого». Газета выступила против франко-австрийского вмешательства в дела Швейцарии, поскольку «свобода и независимость, гарантированные ей великими европейскими державами, были бы поставлены под угрозу». По мнению английских журналистов, «силовое решение вопроса не примирило бы протестантов и католиков. Оно дало бы лишь временную победу меньшинства (Зондербунда. — И.И.) над большинством, и пробудило бы национальное чувство против иностранного присутствия» ³¹.

В начале января 1848 г. английский посол лорд Норманби передал Гизо депешу Пальмерстона, в которой содержался отказ от сделанного французским правительством предложения присоединиться к протесту четырех великих европейских держав, адресованному швейцарскому Сейму. В послании предусматривалась возможность вооруженного вмешательства во внутренние дела Швейцарии на стороне католических кантонов ³². Какова бы ни была позиция английского руководства, заявил тогда Гизо, проект декларации, представленный генералом Радовицем и графом Коллоредо, с некоторыми замечаниями, был принят французским правительством ³³. В середине января этот документ был одобрен Веной и Берлином. Меттерних высказал пожелание, чтобы к этому проекту присоединилось и правительство Российской империи ³⁴.

Проект декларации Франции, Австрии и Пруссии был передан швейцарскому Сейму, а австрийский и прусский представители после успешных переговоров покинули Париж. Стороны договорились вновь встретиться в Париже в конце февраля — начале марта в случае возникновения необходимости дополнительного согласования принудительных мер в отношении швейцарских радикалов ³⁵. Как отметил французский историк А. Дебидур, три европейских двора к тому вре-

мени уже составили план военных операций для оккупации Швейцарии. Тем не менее, оставались опасения, что в последний момент Луи-Филипп может передумать и откажется от проведения заранее согласованных действий с правительствами Австрии и Пруссии³⁶. Что касается позиции Гизо, то он еще в ноябре 1847 г. в разговоре с Киселёвым заявил, что в этом случае готов подать в отставку³⁷. Французская интервенция в Швейцарию так и не состоялась, поскольку в 1848 г. во Франции, Австрии и Германии произошли революции, а Июльская монархия уже в конце февраля 1848 г. стала достоянием истории.

«Господи, если можешь, чашу сию мимо пронеси. Но если когда-нибудь нам придется испить из этой чаши (то есть вмешаться во внутренние дела Швейцарии вооруженным путем. — *И.И.*), то только ради общеевропейской безопасности и в условиях крайней необходимости», — писал Гизо³⁸. Он считал, что в тот момент защита интересов собственной страны требовала вооруженного вмешательства, поскольку в случае войны в соседнем государстве безопасность Франции была бы поставлена под угрозу. Спустя двадцать лет после событий в Швейцарии, Гизо в своих мемуарах признал свою ошибку в том, что принял решение о вооруженном вмешательстве во внутренние дела в Швейцарии на стороне Зондербунда. Часть ответственности за такой шаг министр возлагал на посла Франции в Швейцарии Буа ле Комта, который был убежден в несомненной победе католической партии в стране и сумел убедить в этом французское правительство³⁹. Вместе с тем, Гизо подчеркивал, что он никогда не сомневался в правоте дела Зондербунда, и что политика французского правительства в Швейцарии всегда основывалась на нормах федерального пакта и принципах международного права.

Кроме того, Франция как великая католическая держава, стремилась расширить свое политическое влияние за рубежом, оказывая поддержку католикам по всему миру. Выступив на стороне Зондербунда, Гизо надеялся повлиять на швейцарских радикалов, чтобы те, возможно, испугавшись масштабной интервенции, не стали бы предпринимать военные действия против швейцарских католиков — политической опоры Франции в этой стране. Также важно то, что швейцарские радикалы хотели утверждения в Швейцарии унитарной республики в то время, как Гизо считал наилучшей формой правления для Швейцарии конфедерацию, опасаясь, что стремление утвердить унитарную республику приведет к кровопролитию в этой стране. К тому же, по его мнению, вопрос о форме правления в Швейцарии должен был решаться на общеевропейском конгрессе с участием великих держав — гарантов сложившейся системы международных отношений.

Примечания

1. История Франции. Т. 2. М. 1973, с. 260.
2. GUIZOT F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Paris. 1859, vol. 2, p. 259.
3. Ibid. Paris. 1867, vol. 8, p. 339.
4. Ibid., p. 351—352.
5. Revue des deux mondes. Т. 15. 1846, p. 169.
6. GUIZOT F. Op. cit., vol. 8, p. 342.

7. Ibid., p. 343, 348.
8. Ibid., p. 349.
9. Ibid., p. 362—363.
10. Цит. по: ГРЕГУАР Л. История Франции в XIX веке. Т. 2. М. 1894, с. 475.
11. GUIZOT F. Op. cit., vol. 8, p. 383.
12. Ibid., p. 386.
13. GIOVANNI A. Ricordi di Giuseppe Mazzini. Venezia. 1848, p. 564.
14. METTERNICH С. Memoires et documents divers laisses par le prince de Metternich. Т. 7. Paris. 1881, p. 339.
15. GUIZOT F. Op. cit., vol. 8, p. 417.
16. Ibid, p. 431.
17. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), 1845 г., ф. 133, оп. 169, д. 124, л. 318—320.
18. GUIZOT F. Op. cit., p. 467.
19. Ibid., p. 456.
20. АВП РИ, 1845 г., ф. 133, оп. 169, д. 124, л. 170—172.
21. GUIZOT F. Op. cit., p. 478—479.
22. АВП РИ, 1845 г., ф. 133, оп. 169, д. 124, л. 222.
23. Там же, л. 204.
24. GUIZOT F. Op. cit, p. 481.
25. АВП РИ, 1845 г., ф. 133, оп. 169, д. 124, л. 251—262.
26. GUIZOT F. Op. cit., p. 485.
27. METTERNICH С. Op. cit., т. 7, p. 353.
28. GUIZOT F. Op. cit., p. 506.
29. АВП РИ, 1845 г., ф. 133, оп. 169, д. 124, л. 180.
30. Там же, л. 379—380.
31. The Times. 27.X.1847.
32. АВП РИ, 1848 г., ф. 133, оп. 169, д. 118, л. 2.
33. Там же, л. 3.
34. Там же, л. 35.
35. Там же, л. 47—48.
36. ДЕБИДУР А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. М. 1947, с. 472.
37. АВП РИ, 1847 г., ф. 133, оп. 169, д. 91, л. 224.
38. GUIZOT F. Op. cit., p. 450—453.
39. Ibid., p. 516.

Александр Невский в зеркале альтернативной истории

В.В. Долгов

Аннотация. Работа посвящена анализу альтернативных точек зрения на политическую историю Руси конца XII — начала XIII века. В центре внимания — биографии князей, сыгравших ключевую роль в событиях той эпохи: Александра Невского и Даниила Галицкого. Автор сопоставляет хрестоматийные образы исторических деятелей, известных массовому читателю по школьным учебникам и популярной литературе, с данными исторических источников.

Ключевые слова: Александр Невский, Даниил Галицкий, критика нарратива, альтернативная история.

Abstract. This work deals with the critical examination of the alternative points of view on the political history of Russia XII—XIII centuries. In the focus of investigation - the biography of princes, which played a key role in the events of that epoch: Alexander Nevsky and Daniel Galitsky. The author compares the traditional textbook images of historical figures, well-known by the general reader, with the historical sources.

Key words: Alexander Nevsky, Daniil Galitsky, narrative criticism, alternative history.

Личность Александра Невского в последнее время вызывает споры — не всегда серьезные, но всегда шумные. С одной стороны, идет сложная дискуссия о пределах научного познания, о принципиальной возможности посредством исторического нарратива подойти к пониманию исторической реальности и о том, что это вообще такое — историческая реальность? С другой, — широта обсуждения подчас вредит глубине и приводит к забавным казусам.

Примером такой двойственности является статья кандидата философских наук А.Н. Нестеренко, которая, фактически, целиком посвящена разбору статьи автора этих строк ¹. Для начала хочу отметить, что столь подробный анализ моей работы мне весьма польстил. Лучше критика, чем отсутствие внимания. Но критика взывает к дискуссии. Поэтому я позволю себе несколько ответных замечаний. Они

Долгов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор Удмуртского государственного университета. E-mail: dolgov@udm.ru.

Dolgov Vadim V. — doctor of historical sciences, professor of the Udmurt State University. E-mail: dolgov@udm.ru.

видятся мне необходимыми еще и потому, что с методологической точки зрения статья Нестеренко — явление весьма типичное, и может быть рассмотрено как пример массового исторического сознания, в котором научные гипотезы и вольные догадки складываются в причудливых сочетаниях, порождая явление «альтернативной» истории.

Работу Нестеренко можно было бы рассматривать как вариант популярной сегодня «деконструкции нарратива». В этом направлении ведется большая работа, и достигнуты интересные результаты (И.Н. Данилевский, Т.Л. Вилкул). Не менее интересный материал для размышлений дают работы критиков этого направления (П.В. Лукин). Но это сходство поверхностное.

Прежде всего, обратимся к образу жены Ярослава Всеволодовича, ставшей матерью Александра Невского. Как было отмечено в обсуждаемой статье, эта личность остается спорной. Причина кроется в том, что имеющийся материал не может быть непротиворечиво объединен в рамках одной гипотезы. Именно поэтому гипотезы остаются гипотезами. Так, неясным остается возвращение предполагаемой жены Ярослава, дочери Мстислава Удатного к отцу после Липицкой битвы.

Мое предположение о том, что брак не был к тому времени заключен, базируется вовсе не на том, что князь с княгиней жили «во грехе» (такую идею приписал мне Нестеренко), а на двух простых основаниях:

а) заключение брака в древнерусские времена — многоступенчатая операция. Особенно, в княжеской среде. Невесту сначала посылали во владения жениха, а уж потом играли свадьбу. Так, в 1187 г. послы явились за дочерью суздальского князя Всеволода Верхуславой на Пасху, которая тогда приходилась на март, а венчание состоялось осенью или даже в конце зимы — на Ефросиньин день ² во владениях жениха. Другой пример: между обручением и браком московского княжича Ивана Васильевича и тверской княжны Марии Борисовны и вовсе прошло три года. Поэтому ничего выходящего за пределы вероятности в такой растянутой процедуре нет.

б) церковные правила в любом из тех вариантов, которые бытовали на Руси в то время ³, не допускали развода без серьезных на то оснований, среди которых не значились ни отсутствие любви, ни болезни, ни бездетность, ни превратности политической конъюнктуры.

Вместе с тем, повторю — любая версия этих событий остается гипотетичной, поскольку информации мало, и она носит противоречивый характер. Упомянутый Нестеренко «Летописец Переславля Суздальского», ставший основным источником «Летописца русских царей» (сборник XV в.), вряд ли может помочь в деле датировки свадьбы Ярослава. Статья, помеченная 6722 г. ⁴, в которой говорится о свадьбе, имеет сложный состав: автор летописного текста соединил известия, датированные по мартовскому и ультрамартовскому стилю в рамках одной статьи (то есть в ней содержится рассказ о событиях и 1213/4, и 1214/5 годов) ⁵. Кроме того, текст погодной статьи содержит упоминание о том, что год бы високосный. Это указывает на 6720 или 6724 гг., что еще шире раздвигает границы возможной датировки событий, описанных в этой статье. Если, как считает Б.М. Клосс, имелся в виду 6724 г. ⁶, то при ультрамартовской датировке получается 1215 г., а при мартовской — 1216 ⁷. Поэтому использовать эту

статью, содержащую несколько несовместимых противоречивых хронологических признаков (титовая дата, набор событий, указание на високосный год), для датировки невозможно. Ее и не используют. Делать вывод о дате брака все-таки приходится косвенно. Многие остаются неясны, но не для Нестеренко.

Во-первых, встретив в текстах разных эпох и жанров три варианта имени жены Ярослава, он смело приходит к выводу, что у князя было три жены. Автор не принимает во внимание то обстоятельство, что в XIII в. у представителя княжеского рода могло быть три имени: княжеское (языческое), крестильное и иноческое (Ефросинья — именно иноческое имя, нареченное перед смертью, о чем ясно сказано в Новгородской первой летописи ⁸).

Нестеренко же, не обращая внимания на летописный текст, считает, что раз имен было три, значит и жены должно было быть три. Кроме того, он уверен, что Ярослав детей не любил ⁹. Это, якобы, видно из того, что он послал их княжить в Новгород, который почему-то представляется каким-то ужасным местом. Но, во-первых, остается неясным, что же в нем такого ужасного? Во-вторых, нужно принять во внимание, что подобным образом поступали многие русские князья, начиная со Святослава Игоревича.

Весьма характерной деталью подхода Нестеренко является элемент конспирологии, являющейся обязательным звеном большинства «альтернативных» концепций. Он пишет: «Остается загадкой, почему советские и вслед за ними российские историки с таким упорством отстаивают умозрительную гипотезу и т.д.» На самом деле, тайны нет никакой. Простота эта кажущаяся и рассыпается как карточный домик при добросовестном взгляде. Так, например, довод о недопустимости близкородственного брака Андрея Ярославича и дочери Даниила Романовича Галицкого не выглядит основательным, если ориентироваться не на современные церковные реалии и не на цитату в моей статье, а на древнерусские тексты. Между тем, древнерусские Кормчие, в которых нормировались разрешенные степени брака, оперируют терминами родства только по мужской линии: «Тако есть право уне поимания: брата два — то две колене» ¹⁰, что при буквальном их прочтении открывает большие возможности для обхода, ведь Андрей и дочь Даниила принадлежали к разным родам, и связаны только через сестер (Анну и Феодосию).

Впрочем, как было уже сказано, нарушения церковных правил случались и в случае родства по мужской линии ¹¹. Поэтому историк, живущий в XXI в., не может однозначно сказать, что разрешила или запретила бы церковь в веке XIII. Теоретически, церковь должна была запретить браки двух дочерей Рюрика Ростиславича, вышедших замуж за своих троюродных братьев, а на деле ничего подобного не произошло. Церковь в лице митрополита Никифора II почитала эти браки законными ¹². Именно понимание деталей не дает историкам риз и навсегда снять вопрос о матери Александра Невского, а не какие-то особые симпатии к дочери Мстислава Удатного или к нему самому.

Теперь перейдем к Невской битве. Нестеренко придерживается версии, что раз в источниках других земель и стран эта битва не упомянута или упомянута вскользь, значит, ее и не было (или она была не такая, или не там, или не с теми и т.д.). В качестве аргумента

он приводит статью из Лаврентьевской летописи, в которой рассказа о Невской битве нет.

Но Лаврентьевская летопись отражает владимирское летописание. Что удивительного в том, что события, произошедшие в новгородской земле, изложены в новгородской летописи существенно полнее? Если бы автор дал себе труд прочитать эти летописи целиком, а не только те фрагменты, о которых решил высказать свое мнение, он бы смог убедиться в очевидной вещи: владимирская летопись рассказывает подробней о владимирских событиях, а новгородская — о новгородских.

Нестеренко объявляет сообщения Новгородской первой летописи литературным вымыслом на основании того, что текст сообщений с 1234 г. по 1330 написан почерком XIV века. Не ясно, однако, почему он решил, что летописный текст датируется почерком списка? Базируясь на этом утверждении, он надстраивает «второй этаж» своей теории, утверждая, что житие святого не может быть написано до того, как он был официально признан святым¹³.

На самом деле, все обстоит ровно наоборот. Составление жития — необходимый этап подготовки к официальной канонизации. Официальная канонизация — это фиксация уже сложившегося почитания святого. Все известные жития русских святых князей, о времени создания которых мы можем судить (Михаила Черниговского, Михаила Тверского и пр.), были составлены до их канонизации.

Дыры в своей концепции Нестеренко затыкает тем, что приписывает абсолютно всем авторам, чьи тексты не вписываются в его концепцию, патологическую и алогичную лживость.

Во-первых, лжет новгородский летописец, сочиняя в XIV в. погодную статью под 1240 годом. Причем, лжет совершенно абсурдно, ведь по утверждению самого Нестеренко, в XIV в. «культ» Невской битвы еще не сложился. Во-вторых, лжет автор жития, называя себя современником событий. В-третьих, лгут историки. И даже Татищев, которому Нестеренко в отдельных вопросах полностью доверяет, тоже лжет, ведь его версия событий Невской битвы ничем от обычной не отличается. Таким образом, все врут или заблуждаются. В этой связи позицию некоторых авторов можно обозначить так: «Если я о чем-то не знаю, то этого не существует». В эту ловушку попадает и Нестеренко.

Весьма забавно, например, его утверждение, что тексты об Александре начинают появляться только в XIX веке. Та же история и с реконструкцией черепа Ярла Биргера. При изучении черепа ярла был обнаружен след от раны над правой глазницей. Этот, в общем-то, довольно известный факт, Нестеренко отвергает именно на том основании, что ему о нем не известно. По его мнению, я «почти дословно заимствовал» информацию о поврежденной глазнице из Википедии. Правда, для опровержения моего утверждения Нестеренко сам пользуется, как это ни забавно, тем же источником. В шведской статье о Биргере он не находит ничего о ране на черепе, из чего заключает, что раны не было.

Нужно ли говорить, что само по себе отсутствие упоминаний в Википедии — явно недостаточно для того, чтобы что-то утверждать или опровергать. Если бы автор материала был обычным любителем, то удивляться было бы нечему. Но простительна ли такая небрежность кандидату наук (пусть и философских?)

Материалы исследования черепа выложены на сайте Стокгольмского Музея средневековья (Medeltidsmuseum). На базе этого музея антропологом Оскаром Нильссоном была проведена научная реконструкция внешности ярла. Музей посвятил реконструкции лица ярла отдельную статью ¹⁴, в которой любой может прочитать: «Till kraniet har vävnad och muskler lagts pe tills ansiktet framträtt. I det här fallet med grop i hakan, ett skadat ögonbryn och märken efter ett svärdshugg» (Ткань и мускулы прилагались к черепу до тех пор, пока не проявилось лицо. В данном случае — с ямкой в подбородке, поврежденной бровью и следами пореза, нанесенного мечом).

Одна из самых старых и популярных шведских газет «Svenska Dagbladet» 7 апреля 2010 г. опубликовала большую статью о том самом антропологе и скульпторе Оскаре Нильссоне, создавшем широко известную реконструкцию внешности ярла. Нильссон, изучивший каждый миллиметр останков, так описывает процесс восстановления лица: «Kraniet skvallrar om en skada ovanför ögat, förmodligen ett svärdshugg i ett fältslag» ¹⁵ (Череп свидетельствует о повреждении над глазом, предположительно о ранении мечом в сражении).

Следует далее. Ледовое побоище. «Миф» первый — Ливонский орден. По мнению Нестеренко, его не существовало. Поскольку утверждение это никак не обосновано, то ответить можно просто: нет, орден существовал. Он образовался путем вхождения Ордена меченосцев в Тевтонский орден на правах отдельного ландмейстерства, пользовавшегося автономией. Именно это образование и принято именовать «Ливонским орденом», причем, не только в отечественной историографии ¹⁶.

Нестеренко ссылается на «Хронику Пруссии» Петра из Дусбурга. Вообще, согласно методологическим принципам самого Нестеренко, на эту хронику ему ссылаться никак нельзя, ведь древнейший ее список относится к XVI веку. Но, в данном случае, это его почему-то не смущает. Самое главное, в ней о Ледовом побоище нет ни слова. Следовательно «Ливонская рифмованная хроника» и Новгородская первая летопись содержат недостоверную информацию.

Сведений о Ледовом побоище много где нет: не упоминают о нем французские анналы, ничего не писали индейцы майя, молчат и китайские хронисты. И что это значит? На каком основании подозревать в подлоге автора Ливонской рифмованной хроники, описавшего малоприятное для него событие — поражение рыцарей? Каким образом немецкий хронист и русский летописец смогли одинаково, хотя и с противоположных позиций, описать событие, которого не было? В конце концов, почему о событиях, произошедших в Ливонии, должна повествовать не «Ливонская хроника», а «Хроника Пруссии»?

Все эти вопросы остаются без ответа. Тем более, что сам Нестеренко текста «Хроники Пруссии» очевидно не читал. Иначе, возможно, знал бы, что «Хроника Пруссии» очень бедна описанием событий в Ливонии ¹⁷.

Нет ссылок и в весьма красочном описании рыцарской атаки. Историки, в том числе и автор этих строк, реконструируют ход битвы на основании письменных источников. В Новгородской летописи читаем: «И наехаша на полкъ Немци и Чудь и прошибося свиньею сквозе полкъ, и бысть сеча ту велика Немцемь и Чуди ¹⁸. В Рифмованной хронике находим:

«Выстроившись перед войском короля,
Видно было, что отряд братьев
Строй стрелков прорвал.
Был слышен звон мечей
И видно, как раскалывались шлемы»¹⁹

Источники однозначно свидетельствуют о прорыве фронта русских войск рыцарской конницей. Если при столкновении двух войск одно прорывает фронт другого, сделать это, не образуя атакующего клина, невозможно. Даже в тех случаях, когда до столкновения конница движется в линию. Все, казалось бы, ясно.

Но, по мнению Нестеренко, рыцари использовали на поле боя чрезвычайно комбинаторную тактику. Они приближались к противнику клином, но, войдя в соприкосновение, мгновенно перестраивались, расформировывали клин, меняя построение, и бились уже в ином порядке. Неожиданно: рыцарской «конной (!) лавой»²⁰.

Начнем с того, что «конная лава» — это уже вполне бессмысленное словосочетание. Лава только конная и бывает, если речь идет о военной сфере. «Лава» — специфический казачий термин, впоследствии вошедший в обиход всей русской легкой кавалерии.

Это не форма построения, а тактика максимального рассредоточения, когда всадники скачут практически врассыпную. Главное достоинство лавы — мобильность, высокая маневренность и неожиданность действий. «Лава представляет собою не строй, а тактические действия кавалерии без определенных форм и построений... Всякое стремление придать лаве уставные формы и перестроения или связать ее теми или другими строями, дистанциями и интервалами, убивая самостоятельность составляющих ее звеньев, уничтожает самый смысл лавы, где все должно зависеть от обстановки. Действие лавой только тогда будет успешно, когда оно будет непонятно и неожиданно для противника»²¹.

Поэтому лаву использовали для решения тактических задач легкой кавалерии: разведки, контрразведки, прикрытия маневра, смешения построений противника перед атакой, завлечения в ложном направлении, флангового обхода частей противника, неожиданного захода в тыл и «тревоженья» неприятеля на отдыхе²².

Для тяжелой рыцарской кавалерии такой образ действий был несвойственен. Рыцари действовали организованным строем, даже в случае неожиданной атаки. Типичная фраза европейской хроники: «The French attacked them thus unawares, with banners displayed, and lances in their rests, in regular order, crying out “Clermont, Clermont, for the dauphine Auvergne”»²³ (французы атаковали их неожиданно, с развернутыми знаменами, копьями наперевес, в правильном порядке, крича «Клермон, Клермон, за дофина Овернского»).

И русская летопись, и ливонская хроника говорят о построении. С какой стати предполагать, что именно в 1242 г. орденская конница изменила обычной рыцарской тактике и стала действовать в казачьем духе, тем более, что источники указывают совершенно обратное? Обычная логика тут бессильна, но действует логика альтернативная: раз источники свидетельствуют об одном, то этого быть никак не может, ведь в реальности все всегда обстоит не так, как на самом деле.

Финальную часть статьи, посвященной ложным нарративам биографии Александра Невского, Нестеренко посвящает другому князю — Даниилу Романовичу Галицкому. И тоже, разумеется, находит целый ворох «ложных нарративов». Галицкий князь тоже «на самом-то деле, совсем не тот, что в реальности».

Для чего нужны были Даниилу монголы? Оказывается для того, чтобы противостоять галицкому и волынскому боярству, которое имело «большой политический вес». Галицкое боярство действительно имело вес, и противостояние с князем было. Но при чем в этой истории монголы? Не известно не единого случая, чтобы они защищали князей от их собственных бояр. Это чистейшая фантазия. Монголам было глубоко безразлично, кто будет выплачивать дань.

Кроме того, галицко-волынская летопись показывает, что Даниил до последнего момента избегал каких-либо договоренностей с завоевателями. О датировке его визита к Батюю можно спорить, но из самого текста понятно, что он явился к нему позже других русских князей. Какие есть основания не верить современнику событий? Летопись рассказывает о вооруженном сопротивлении татарам, которое Даниил Романович оказывал тогда, когда вся Русь уже попала в зависимость от Орды. Он держался вплоть до прихода сильного войска Бурундая. Причем, зная о результативном сопротивлении Даниила Куремсе, Бурундай не пытался военной силой подавить князя, а предлагает ему стать союзником в походе на Литву. Дипломатия Даниила позволила минимизировать отрицательные последствия нашествия. Но ни о каких выгодах от него не могло быть и речи.

Особая тема: принятие Даниилом Галицким короны из рук Римского Папы. И в этом случае никаких мотивов, кроме узко-корыстных Нестеренко в коронации разглядеть не может. Для чего, по мнению Нестеренко, князю нужна была коронация? Папа Римский, равно как и монгольский хан, должны были помогать князю в усилении контроля над боярами. Весь мир, от Тихого океана до Атлантического, собрался привлечь князь для управления своими боярами. И как князья справлялись с этим раньше без помощи Святого Престола и потомков Чингисхана — остается только гадать.

Между тем, ничего выдумывать нет никакой нужды. Относительно мотивов принятия королевской короны из рук Папы летопись свидетельствует вполне определенно: В лето 6763. Присла папа послы честны, носяще венець и скипетръ и коруну, еже наречеться королевьский санъ, рекый: “Сыну, приими от насъ венець королевьства”. Древле бо того прислалъ к нему пискупа Береньского и Каменецкого, река ему: “И приими венець королевьства”. Он же в то время не приялъ бе, река: “Рать татарьская не престаеть зле живуци с нами, то како могу прияти венець бес помощи твоей”. Опиза же приде венець нося, обещаваея, яко: “Помощь имети ти от папы”».

Допустим, летописец действительно мог приукрасить реальность, стремясь выставить своего князя в более пристойном свете. Но в таком случае нужны источники, позволяющие критически проверить летописный текст и опровергнуть утверждения галицкого летописца.

Кодой в статье Нестеренко стал пассаж о мощах Александра Невского. Мои рассуждения он счел «небезынтересными», что само по себе тоже незаинтересно, поскольку Нестеренко, как видно, ничего в них не понял.

Прочитав в моей статье, что летописный фрагмент о чудесном спасении нетленных мощей является позднейшей вставкой, он начинает опровергать мое утверждение. Он пишет, что «в действительности» подобная вставка есть не только в Никоновской, но и Воскресенской летописи. При этом зачем-то перечисляются разнообразные списки обеих летописей.

Но, во-первых, ссылка на Воскресенскую летопись есть и у меня. Во-вторых, тексты обеих летописей связаны между собой и восходят к одному протографу²⁴. Поэтому никакого глубинного смысла в том, что текст этот содержится не только в Никоновской, но и в Воскресенской летописи, нет.

Затем, в повествовании Нестеренко я вновь оказываюсь агентом некоего заговора умолчания, и «умалчиваю», почему М.М. Герасимов не воссоздал внешность князя. Тут, признаюсь честно, я действительно умолчал, поскольку уверен, что, если мощи сгорели, то по имеющимся останкам внешность князя не восстановить²⁵.

В принципе, критическая мысль даже в примитивном варианте все-таки полезна. Поскольку в ее примитивизме, несомненно, есть вина самих историков, отказавшихся от популяризации своей науки, не имеющих вкуса и желания объяснять тонкости археографии и археологии неспециалистам. Работа в этом направлении ведется академиком А.А. Зализняком, но охват аудитории пока невелик. Пресловутые «исторические нарративы», касающиеся древнерусской истории, не настолько рыхлая конструкция, как кажется. Они складывались в бурных дискуссиях на протяжении двух столетий. В условиях относительно небольшого количества источников неоднократно было проанализировано каждое словосочетание древнерусских текстов, было разработано множество интерпретаций археологических памятников и пр.

Были определены и пределы знания. Каждый русист знает, что огромное количество вопросов древнерусской истории никогда не будет разрешено, и вместо ответов у нас есть лишь набор более или менее аргументированных гипотез.

Примечания

1. НЕСТЕРЕНКО А.Н. Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии. — Вопросы истории. 2016, № 1, 103—114.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М. 1998, стб. 658.
3. Мерило праведное. М. 1961.
4. ПСРЛ. Т. 41. М. 1995, с. 131—132.
5. БЕРЕЖКОВ Н.Г. Хронология русского летописания. М. 1967, с. 96.
6. КЛОСС Б.М. Предисловие. ПСРЛ. Т.41. М. 1995, с. IX.
7. БЕРЕЖКОВ Н.Г. Ук. соч., с. 349.
8. ПСРЛ. Т. 3. М. 2000, с. 298.
9. НЕСТЕРЕНКО А.Н. Ук. соч., с. 105.
10. Расписание степеней родства и свойства, препятствующих браку. В кн.: Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб. 1880, ч. 1, с. 143.
11. ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. Близкородственные браки Рюриковичей в XII в. как предмет вспомогательно-исторического исследования. В кн.: вспомо-

- гательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV международной научной конференции. Москва 31 января — 2 февраля 2013 г. М. 2013, ч. 1, с. 96—102.
12. Там же, с. 98.
 13. НЕСТЕРЕНКО А.Н. Ук. соч., с. 107.
 14. Birger jarls ansikte. URL: <http://medeltidsmuseet.stockholm.se/utställningar/Museet/birger-jarls-ansikte>.
 15. Birger jarl vdher fram // Svenska Dagbladet.
 16. См., например, WILLIAM L. Urban The Livonian Crusade. Chicago: Lithuanian Research and Studies Center. 2004.
 17. ПЕТР ИЗ ДУСБУРГА. Хроника земли Прусской. М. 1997.
 18. Рифмованная хроника. В кн.: МАТУЗОВА В.И., НАЗАРОВА Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М. 2002, с. 230.
 19. Там же, с. 234.
 20. НЕСТЕРЕНКО А.Н. Ук. соч., с. 110.
 21. Наставление для действий лавою. В кн.: Строевой кавалерийский устав. Пг. 1917, с. 259—260.
 22. Там же, с. 260—261.
 23. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries: from the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. New-York. [1857], p. 48.
 24. ЛУРЬЕ Я.С. История России в летописании и восприятии Нового Времени. В кн.: Россия Древняя и Россия Новая (избранное). СПб. 1997, с. 39.
 25. Единственная (пусть и призрачная) возможность — попытаться понять, принадлежали ли останки представителю рода Рюриковичей.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

УДК 94(47).07(470.56)

Шергазы Айшуаков — последний хан Младшего жуза казахов

Г.Б. Избасарова

Аннотация. В работе на основе архивных источников прослеживается судьба Шергазы Айшуакова, потомка хана Абулхаира — инициатора вхождения казахских земель в состав Российской империи. Описывается церемониал возведения Шергазы в ханы, согласно протоколу. Изучается семейная жизнь, отношения хана с детьми. Подвергаются анализу пути решения возникших конфликтов и затруднений в отношениях хана с оренбургским военным губернатором П.К. Эссеном. Большая часть архивных документов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Шергазы Айшуаков, хан, П.К. Эссен, султан, Оренбургская администрация, империя, Азиатский комитет.

Abstract. Based on the analysis of the archival sources, the article examines the fate of Shergazi Aishuakov, a descendant of Abulhair Khan who was an initiator of incorporation of the Kazakh lands into the Russian Empire. It describes a ceremony of raising Shergazi to the status of khan according to the protocol. Family life, relations of the Khan with his children, as well as the problems of the Kazakh nomads, which have been touched upon in the letters of the khan to the Russian authorities, are discussed in the article. The author also analyses the ways of solving emerging conflicts and difficulties of relations between the Khan and the Orenburg military Governor P. K. Essen. Most of the discussed archival documents are being introduced for the first time.

Key words: Shergazi Aishuakov, Khan, P.K. Essen, sultan, Orenburg administration, Empire, Asian Committee.

Изучая историю империй, мы порой не обращаем внимания на ее рядовых представителей, хотя жизнь человека, его культурные, политические пристрастия, взгляды на развитие общества помогают воссоздать любую эпоху.

Данная работа посвящена последнему хану Младшего жуза казахов¹ Шергазы Айшуакову. Мы попытаемся восстановить тот период истории, когда в Центре решался вопрос о ликвидации ханской власти, ответить на вопросы: какие способы использовал хан для сохранения своего положения, на кого опирался? Анализируя деятельность

Избасарова Гульбану Болатовна — кандидат исторических наук, доцент, докторант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: iz_gulbanu@mail.ru.

Izbassarova Gulbanu B. — candidate of historical sciences, associate professor, doctoral student of historical faculty of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: iz_gulbanu@mail.ru.

местной Оренбургской администрации в лице военного губернатора П.К. Эссена и председателя Оренбургской пограничной комиссии В.Ф. Тимковского, попытаемся проследить «диалог» между местной властью в лице хана и региональной администрацией.

Шергазы — второй сын Айшуака, внук хана Абулхаира — принадлежал к той группе чингизидов, которых поддерживала российская администрация как потомков хана Абулхаира, инициатора присоединения Младшего жуза к России.

Отец Шергазы — Айшуак Абулхаиров, избранный ханом 14 ноября 1897 г., во время восстания С. Датова 17 февраля 1805 г. в своем письме оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому просил освободить его от звания хана в связи со слабым здоровьем и преклонным возрастом ². Ему на смену пришел его старший сын Жанторе. 3 сентября 1805 г. он был утвержден в звании хана Младшего жуза императором Александром I, но в 1809 г. был убит султаном Каратаем Нуралиевым в борьбе за власть.

В ноябре 1809 г., после смерти Жанторе хана, Айшуак и его сыновья Шергазы, Альгазы, Токе в своем прошении на имя императора, излагая обстоятельства смерти Жанторе, просили назначить ханом султана Шергазы ³.

22 августа 1812 г., по предложению Оренбургского военного губернатора Волконского, Шергазы занял этот пост. Как сообщал князь Волконский, возведение в ханы Шергазы было произведено торжественно, с принятым церемониалом в присутствии более 7 тыс. казахов ⁴. А.И. Левшин, изучивший архив Оренбургской пограничной комиссии, подробно описал этот процесс. Торжество состоялось 23 августа 1812 г. на левом берегу р. Урал. Начало церемонии было объявлено в 7 час. утра тремя пушечными выстрелами с крепости. В 8 час. один штаб-офицер с двумя обер-офицерами и конвоем приехал к Шергазы сказать, что приготовления закончены, и его просят отправиться на место торжества.

К Шергазы были посланы карета и две коляски. В карету сел он сам с одним султаном, с присланным к нему штаб-офицером и переводчиком, коляски наполнялись почтеннейшими султанами и приближенными. Перед ханской кареты ехали два офицера с четырьмя урядниками, а сзади — 50 казаков. За экипажами следовали конные казахи.

В то же самое время по знаку, данному из крепости, выехал и военный губернатор. По прибытии обоих на место торжества, стоявшие в ружье войска отдали честь, забили барабаны и заиграла музыка. Войска были представлены двумя сотнями оренбургских казаков, одним тептярским полком, тремя сотнями башкир, гарнизонным полком пехоты и артиллерийской ротой.

Военный губернатор, взойдя вместе с ханом на приготовленное возвышение, объявил всему собравшемуся народу Высочайшую волю Государя на утверждение Шергазы ханом и велел читать императорскую грамоту, присланную по этому поводу на русском и татарском языках.

Затем хан стал на колени и произнес торжественную присягу в верности России, повторяя слова за читавшим ее по утвержденной форме муллой. В заключение он поцеловал Коран и, встав, приложил к присяжному листу вместо подписи свою печать.

После этого был произведен 21 артиллерийский выстрел из орудий, находившихся в строю, и 11 выстрелов из шести орудий с крепости; забили барабаны и вновь заиграла музыка. На хана надели соболью, богато украшенную парчой шубу, шапку и вручили ему золотую именную саблю. Затем военный губернатор передал Шергазы императорскую грамоту на ханское достоинство ⁵.

Таким образом, введенный при Нуралы хане церемониал «инаугурации» хана сохранился. Он показывал уровень влияния российского правительства на функционирование института ханской власти в Степи. Пышность, размах и торжественность мероприятия демонстрировали казахам мощь и силу империи.

В 1817 г. оренбургским военным губернатором был назначен Эссен, с которым у Шергазы хана отношения не сложились. Именно Эссен был инициатором ликвидации ханской власти в Младшем жузе. Придя к власти, он, не до конца изучив ситуацию в крае, поддерживая другого султана из дома Каипа, привел в замешательство центральные власти. Об отстранении Шергазы от власти Эссен не раз докладывал в имперский центр. Так, например, 3 ноября 1818 г. он сообщал управляющему МИД К.В. Нессельроде о состоянии дел в Малой Орде, предлагая на рассмотрение высших инстанций власти вопросы отстранения хана Шергазы Айшуакова от управления и определения ему с семейством местом пребывания Уфы или Мензелинска с выплатой пенсии по 2 тыс. руб. в год ⁶. Для обсуждения данного вопроса в столице было собрано заседание Азиатского Комитета.

В августе 1817 г. хан Шергазы написал в Оренбургскую пограничную комиссию о нарастании конфликта между ним и султанами Арынгазы Абдулгазиевым и Шергазы Каиповым и попросил оказать ему военную помощь ⁷. Но в ответном письме ему посоветовали остановить распри и пригрозили, что «правительство, не предвидя способов водворить в степи киргиз-кайсаков (казахов. — *Г.И.*) тишину и спокойствие, приведено будет в необходимость принять строжайшие меры и приступить к определению в Орду другого хана» ⁸.

26 января (7 февраля) 1820 г. по указу Александра I был создан новый Азиатский комитет в расширенном составе для решения всех вопросов, связанных с азиатской границей. В его заседаниях должны были принимать участие управляющий МИД, министры внутренних дел и финансов, начальник Главного штаба, а с июля 1821 г. — генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский. Управление делами Комитета было поручено директору Азиатского департамента К.К. Родофиникину. Данному Комитету также было поручено «рассматривать все то, что будет представлено от хана Шергазы» ⁹, а также в дальнейшем решить вопрос сменить ли хана Шергазы и возвести в данное достоинство султана Арынгазы, или оставить ханом Шергазы как внука Абулхаира? ¹⁰

Хан одним из способов своей защиты избрал написание писем в Коллегию иностранных дел (КИД), а позже в Азиатский Департамент МИД и императору. Так, например, 8 февраля 1820 г. на заседании Азиатского комитета были рассмотрены два его прошения. Первое было написано в сентябре 1819 г. и адресовалось КИД, а второе, от 9 января 1820 г., предназначалось императору. В этих письмах хан жаловался на оренбургского военного губернатора Эссена. Комитет

полностью поддержал казахского хана, отметив, что «...политика Кабинета состояла в том, чтобы... Абулхаирова род удерживать в ханском достоинстве, во уважении преданности фамилии сей к императорскому престолу и вследствие данных в том от имени императрицы Анны Иоанновны положительных обещаний»¹¹. Комитет не увидел в действиях хана «какие-либо изменнические замыслы, враждебные и недоброжелательные намерения, деяния или покушения ко вреду России»¹². Только наличие этих причин могло дать повод к отстранению хана от власти. Обвинения Эссена, что хан слаб в управлении, не были доказательством его возможных преступлений.

На следующем заседании Азиатского комитета, которое состоялось 15 февраля 1820 г., были рассмотрены 6 прошений хана. Это были злободневные вопросы, на которые, по его мнению, не обращала внимания оренбургская администрация. Среди них были такие, как: ввести запрет оренбургской администрации вести дела с подвластными ему султанами и биями, а решать все вопросы только с ним; возратить степную сторону Урала, которой казахи пользовались с давних времен. Хан жаловался на командира тептярского полка Рычкова, который, вторгшись в степь, от совершенно невинных и не участвовавших в каких-либо грабежах казахов отогнал 5 тыс. баранов и более тысячи лошадей. Шергазы просил впредь запретить такие действия¹³.

Следующим способом защиты своей власти хан считал аудиенцию у императора или отправку своих верных людей в столицу. Присутствие на аудиенции императора возвышало его в глазах соотечественников. В 1819 г. Шергазы со своим сыном Едиге и другими подданными был в Петербурге¹⁴, откуда возвратился в начале 1820 г. с подарками.

25 декабря 1814 г. хан в своем письме к князю Н.И. Салтыкову впервые изъявил желание выехать в столицу¹⁵. Он рассматривал возможность оставить в Петербурге после аудиенции двух своих сыновей для обучения, а после успешного окончания просил определить их в полки при императоре. Но прошение хана осталось не выполненным. Это было связано с тем, что в тот момент, когда было получено письмо, император отсутствовал в столице, а затем скончался князь Салтыков¹⁶. Через поручика Субханкулова в марте 1815 г. хан интересовался решением своей проблемы. По нашим подсчетам, с 1814 по 1817 г. хан отправил императору 5 писем с просьбой разрешить ему выехать в Петербург. В письме от 25 сентября 1816 г. он сообщал: «...для спасения священнейшей души (императора Александра Павловича. — *Г. И.*) соорудил я своим иждевением 5 мечетей и 5 детских училищ»¹⁷. Он также писал о том, что в 1814—1815 гг. хотел выехать «к гробу пресвятой матери Марии молиться ей с изливанием сердечных чувствований». Изучив письма хана, МИД пришел к выводу, что он может посетить столицу.

Современники давали Шергазы довольно подробную характеристику. «Он имел приятную наружность, но не знал грамот», — писал чиновник канцелярии Оренбургского края, лично знавший хана Шергазы Айшуакова и хана Внутренней Орды Джангира Букейханова, Илья Казанцев¹⁸. Шергазы был глубоко верующим человеком. Не раз просился в хадж в Мекку¹⁹. По словам второго пристава при

хане полковника А.З. Горихвостова, в мечеть Шергазы обыкновенно ходил по пять раз в день²⁰. После смерти старшего сына Ишгазы хан стал носить чалму, так как султан Едиге убедил его, что по магометанскому закону, молитва муллы или каждого магометанина в чалме приравнивается пророком к 70 молитвам без чалмы²¹.

Беспокоясь об образовании своих детей, 16 марта 1814 г. хан писал оренбургскому военному губернатору, что намерен отправить двух своих сыновей и сына покойного брата хана Жантюре для обучения в Казанскую гимназию. Шергазы был готов платить по 250 руб. за каждого из них, так как без этого они никак не могли быть приняты на казенное содержание²².

Но данной мечте хана не было суждено сбыться, так как, во первых, во время пожара в Казани пострадала выбранная им гимназия, а на обеспечение детей требовалось 1500 руб. в год. Такими деньгами хан не владел²³.

Для получения мусульманского образования он послал своего второго сына Едиге и племянников в Каргалу. В 1823 г. МИД потребовал от оренбургского военного губернатора Эссена отправки пяти молодых султанов из дома Абулхайра для обучения русской грамоте в Оренбург или Сеитовскую слободу. Среди кандидатур рассматривался и Едиге Шергазиев. Деньги, необходимые для содержания султанов, а также для покупки для них учебных пособий, предполагалось отпускать из сумм МИД, ежегодно ассигнуемых по Азиатскому Департаменту²⁴.

Хану, знатым султанам Каратаю Нуралиеву, Темиру Ералиеву, Тауке, Токкоре, Утебалию Айшуаковым объяснялось, что «знание сего (русского. — Г.И.) языка может доставить им сугубые удобства как в словесных, так и письменных сношениях их с российским правительством, ибо владея способами к непосредственным объяснениям с начальством, они найдутся в возможности раскрывать свои нужды и намерения во всей точности, и не будут жертвою своих переводчиков, кои не знанием или по умыслу всегда могут находить случаи, превратным толкованием разговоров или бумаг, давать повод сбивчивости в понятиях и даже к недоразумениям, обращающимся более во вред самих ордынцев»²⁵.

Шергазы, который не раз отказывался отправить Едиге и племянников (детей умершего хана Жанторе), после нескольких встреч с представителями оренбургской пограничной комиссии согласился.

В русской исторической литературе XIX в., в советской и казахстанской историографии Шергазы хан описывается как слабый, не пользовавшийся авторитетом среди султанов. Власть хана «была столь слабой, что распространялась только на рода, кочевавшие близ российской границы», — сообщают источники²⁶.

Авторы пишут о Шергазы: «...как человек, он был труслив, хитер, скрытен, без совести и чести, как глава партии — не имел никакого значения. Выбор этого человека, ни по личным достоинствам его, ни по связям в степи, не представлял никаких выгод»²⁷. С данными характеристиками можно поспорить. Более объективной была характеристика, данная Левшиным, который лично знал хана. «Хан Ширгазы (так в русских источниках. — Г.И.) совсем не ненавидим киргизами, исключая приверженцев его соперника. Он слаб и огра-

ничен в уме, но никто не упрекнет его в буйстве, хищничестве или недостатке преданности к России... Он смирен, набожен и, хотя от нерешительности своей и робости часто теряется, однако же, при всем негодовании на него местного оренбургского начальства и при всех подкопах под него Арунгазы (Арынгазы. — *Г.И.*) и его поборников, он еще доселе не обвинен ни в одном деле, противном пользе России. Как глава народа такого, которой требует от начальника храбрости и подвигов мужества, Ширгазы, конечно, имеет недостатки, как частный киргиз — он заслуживает признательность и снисхождение правительства нашего»²⁸.

Хан старался выполнять требования российской администрации. Так, например, в 1822 г. по указу императора Александра Павловича 15 башкир 9 кантона были пропущены в казахскую степь к хану Шергазы. Хан обещал вернуть башкирам угнанных в разные времена, начиная с 1817 г., лошадей²⁹ и сдержал свое слово. В августе 1821 г. он попросил Нессельроде удовлетворить прошение султанов, старшин, биев родов адай, серкеш, есентемир, живших внутри пограничной линии под управлением Шигай султана (Букеевская Орда) перейти в степную зону³⁰. На данную территорию как раз и распространялась власть хана Шергазы Айчувакова.

Отправленный в 1820 г. председателем Оренбургской пограничной комиссии В.Ф. Тимковский очень подробно описал в своих «Записках» положение в Младшем жузе. Автор выделил 17 пунктов, которые указывают на действия Эссена по отстранению от власти Шергазы. В частности, «хан просил позволения провести зиму (1820—1821 г. — *Г.И.*) на внутренней стороне реки Урал, в окрестностях Ильинской крепости, в местах, близ коих его семиродцы и джагалбайлинцы всегда располагались. Начальство отказало ему в сей просьбе, назначив место сие султану Арынгазы, и не переменяло своего распоряжения даже и в то время, когда уже известно было, что Арынгазы, по убеждению своих чиклинцев, не одобрявших сближения их главы с пределами империи, остался на берегах Илека в урочище Кара-Тургае». Или же, когда капитан Циолковский обвинил хана «в не усердии к пользам миссии (имеется в виду миссия, отправленная Эссеном в Бухару во главе с Негри и Мейендорфом. — *Г.И.*), без предварительного исследования и при явных доказательствах не основательности онаго, был принят за истину»³¹. Хан в своем письме жаловался на оскорбления, наносимые ему со стороны миссии, но Оренбургское начальство не принимало его слова во внимание.

Например, хан просил, снабдить его подорожною, без взимания прогонных денег, на случай необходимых переездов по линии по делам службы. Данной выгодой пользовались все чиновники, получая лошадей от линейных казаков. Но Оренбургское начальство советовало хану разъезжать в таких случаях по степной стороне линии по киргизскому обычаю³². В следующий раз, когда хан сообщил об умысле некоторых казахов напасть на его аул и просил воинского отряда для своей защиты, Эссен посоветовал хану в случае опасности укрыться внутри линии. Для охраны хана были выделены 10 пеших казаков, затем их количество было увеличено до 12, а впоследствии всех их отняли. Между тем, в 1820 г. почетную стражу султана Арынгазы в его собственном ауле составляли 25 конных тептярей³³.

В 1821 г. Оренбургское начальство повелело приставу сдать 12 пеших казаков, находившихся под начальством хана, коменданту одной из линейных крепостей и сообщило Министерству, что «когда хан пойдет, по обязанности своей, на известное расстояние в середину Орды, тогда войску быть при нем не нужно и не можно, и что он останется там под защитой личного достоинства, собственной силы и народной к нему любви»³⁴, хотя неприязнь некоторых казахских родов под руководством Каратая Нуралиева к нему была хорошо известна.

Высочайше утвержденными Положениями Азиатского Комитета было постановлено: «а) чтобы пограничное начальство не имело никаких непосредственных сношений с султанами, и вообще с кем либо из киргизцев Меньшой Орды, но чтобы все таковые сношения производились чрез хана, б) чтобы начальство сие не вмешивалось во внутренние или домашние дела ханского Совета, без особых о том представлений со стороны хана, и с) чтобы всякого рода отличия и награды делаемы были киргиз-кайсакам единственно по удостоению и ходатайству хана»³⁵. Все эти пункты Оренбургскими властями нарушались. Оренбургское начальство продолжало вести частую переписку с разными правителями родов в Орде в обход хана.

«Пренебрежительность и всякого рода оскорбления, кои оказываемы были хану, не внимание к основательным его представлениям и ходатайству по разным случаям, несправедливости, испытанные приверженцами его, отклоняли от сего владельца умы и сердца народа, привыкшего измерять достоинство и важность верховных своих повелителей степенью благоволения к ним Российского правительства и содействия им начальств местных. С другой стороны, отличное благоприятство и доверие к султану Арынгазы, поспешное исполнение требований его, преимущественное покровительство поколениям ему преданным, умножали сторону и силу сего киргизца, а неосторожно открытая ему блестящая надежда на первенство в Орде питала его дерзость», — писал В. Тимковский³⁶.

Если говорит о семье хана, то следует отметить, что Шергазы Айшуаков имел трех жен. Имя его старшей жены неизвестно. 10 лет хан не жил с ней, но после убийства их старшего сына Есказы, Едиге удалось примерить отца с матерью³⁷. Она видимо была очень болезненной, так как в источниках говорится о ее поездке для лечения с сыном Едиге в Стерлитамак.

Она была матерью его старших сыновей Есказы (Ишгазы — в русских источниках), Едиге и двух дочерей. Одна была выдана замуж 11 ноября 1822 г. за султана Мендияра Абулгазина³⁸, а вторая — за хивинского хана. Есказы в ноябре 1821 г. был отправлен ханом в Хиву во главе посольства для возврата русских пленных³⁹. 1 декабря 1822 г. во время попытки группы джагалбайлинцев угнать ханские табуны, Есказы был сильно ранен в голову и 6 декабря скончался. Шергазы не смог не только наказать виновных, но и взыскать с них, согласно обычному праву, «кун»⁴⁰. Этот случай дал повод рассматривать власть хана как слабую.

Едиге — второй сын хана — получил образование в школе Сеитовской слободы и знал русский язык. В 1819 г. он был на приеме у императора. После ликвидации ханской власти в Младшем жузе вы-

ступил против российской политики в Степи. О его действиях сообщал султан — правитель Средней части Орды Юсуп Нуралиев, который писал, что Едиге «неблагонамеренными внушениями своими расстраивает киргиз, говоря им, что правительство, жалуя ордынцев подарками, кафтанами и чинами, имеет намерение сравнить их с башкирцами и требовать от них в службу людей, работы и податей, почему и уговаривает их оставить линию и предаться хивинцам и бухарцам, как правоверным, на что некоторые легкомысленные люди и склоняются»⁴¹.

Второй и любимой женой хана была Алия Назарова. Она была матерью Мухамедказы, Ермухамеда (Ирмухамет), Нурмухамеда и дочери Зюлейхи⁴². Именно эта женщина стала причиной изгнания в 1822 г. третьей жены хана. Не получив ничего от Шергазы, третья жена (имя ее не известно) нашла пристанище у бедного байгуша⁴³. Питаясь подаянием, находясь в крайне тяжелом положении, она обратилась к приставу А.З. Горихвостову, чтобы тот помог ей получить свой калым и разрешение хана выйти замуж за достойного человека. Шергазы Айшуаков выдал ее замуж за султана Досмухамета Сютгалиева, но калым не вернул⁴⁴.

31 января 1824 г. на заседании Азиатского комитета был принят основной документ «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел», который определял будущее управление в Младшем жузе казахов⁴⁵. Согласно данному закону, ханская власть в Младшем жузе была упразднена, а ее последний хан был приглашен в Оренбург и назначен первоприсутствующим в Оренбургской пограничной комиссии с жалованьем 150 руб. в год.

Униженный хан Шергазы не раз писал в Санкт-Петербург о своем положении, но его успокаивали тем, что он — главный правитель Степи, решающий нужды кочевников в Оренбурге. Осенью 1825 г. Шергазы бежал и попросился под покровительство хивинского хана⁴⁶. В июле 1827 г. хан выдал свою дочь Тиллябику за нового хивинского хана Аллакули (1826—1842) и надеялся с его помощью восстановить свою власть. 8 августа 1827 г., по повелению хивинского хана, Шергазы был избран ханом казахами подразделения шомышты рода табын, находившегося под властью Хивы.

Надежды хана при покровительстве хивинского хана управлять казахскими родами не сбылись. Тогда он попросил благосклонности Российской империи и в 1830 г. вернулся на прежнюю должность. Ему было возвращено получаемое ранее жалованье, и он кочевал в 100 верстах от линии⁴⁷. В 1834 г. бывший шах просил Оренбургского губернатора В.А. Перовского построить в степи близ границы дом, но получил отказ⁴⁸. Летом 1836 г. хан кочевал в 50-ти верстах от Илецкой защиты на реке Кара-Бурт⁴⁹.

Скончался Шергазы Айшуаков 27 августа 1845 года⁵⁰. Жене Алие было 60 лет, Мухаметказы — 19, Ермухамеду — 16, Нурмухамеду — 13 и Зюлейхе — 14 лет. В 1859 г. умерла Алия Назарова⁵¹.

Таким образом, изучая сложившуюся обстановку в Степи в 20-е гг. XIX в., можно утверждать, что в немалой степени слабость власти Шергазы хана и ограниченность его властных полномочий были связаны с политикой империи в Степи. После утверждения ханом Нуралы, как отмечают российские чиновники XIX в., власть казахских ханов стала номинальной.

Еще один фактор, на который следует обратить внимание, это то, что «в казахском традиционном обществе отсутствовала монополия какой-либо одной династийной ветви султанов-джучидов на право присвоения и наследования титула хана, и во все исторические эпохи на территории казахских жузов параллельно правили 3—5 и большее количество ханов, которые возглавляли разные по величине и родовому составу группы кочевников-казахов»⁵². Игнорирование этой данности и представление о Шергазы как о едином хане казахов Младшего жуза и привело к утверждению о его слабости.

Мнение о том, что Шергазы был труслив, слаб и распространял свою власть на ограниченное количество казахских родов, вызывает некоторые сомнения. Вмешательство в принцип отбора ханов привело к тому, что после Абулхаира все ханы были ставленниками центра. Упор, сделанный на их избрание из дома Абулхаира, игнорирование сильных и авторитетных претендентов, выбор послушных кандидатур постепенно приводили к изменению отношения к институту ханской власти, как у кочевников, так и у пограничной администрации.

Шергазы Айшуаков стал последним ханом Младшего жуза. Он пытался решать проблемы кочевников, находившихся под его управлением. В своих письмах к императору и Оренбургской администрации хан поднимал злободневные вопросы, но далеко не всегда получал желаемый ответ. Шергазы пытался сохранить институт ханской власти, однако слом традиционной кочевой системы под давлением имперской политики привел к ее деградации.

Таким образом, Шергазы вошел в казахскую историю как последний представитель института ханской власти в Младшем жузе казахов.

Примечания

1. Казахи делятся на три жуза: Старший, Средний и Младший. Младший казахский жуз, охватывающий территорию современного Западного Казахстана, состоял из трех племенных объединений: алимулы (6 родов), байулы (12 родов), жетиру (в источниках их называют семиродцы, 7 родов). Подробнее см.: ВОСТРОВ В.В., МУКАНОВ М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата. 1968.
2. Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.). Т. 4. М.-Л. 1940, с. 225.
3. Там же, с. 241—245.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1165, оп. 1, д. 493, л. 35.
5. ЛЕВШИН А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы. 1996, с. 348—349.
6. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИД. М. 1976, с. 579.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 4, оп. 1, д. 245, л. 1—2об.
8. Там же, л. 4.
9. РГИА, ф. 1291, оп. 81, д. 44а, л. 82.
10. Там же, л. 89.
11. Там же, л. 90.
12. Там же, л. 91.
13. Там же, л. 93—94.
14. Там же, л. 52б.
15. Там же, л. 1—4.
16. Там же, л. 17об.

17. Там же, л. 22. Данное высказывание хана не подтверждается другими источниками.
18. КАЗАНЦЕВ И. Описание киргиз-кайсака. СПб. 1867, с. 73.
19. Материалы по истории Казахской ССР, с. 437.
20. ШАХМАТОВ В.Ф., КИРЕЕВ Ф.Н. Журнал полковника А.З. Горихвостова — пристава при хане Малого жуза Ширгазы Айчувакове (1822—1823 гг.). — Вестник АН КазССР. 1957, вып. 2(5), с. 119.
21. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 261а, л. 28.
22. Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 6, оп. 10, д. 1069, л. 1, 2.
23. Там же, л. 27.
24. РГИА, ф. 1291, оп. 81, 1823 год, д. 99, л. 6об.
25. Там же, л. 5об.
26. МЕЙЕР Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб. 1865; ДОБРОСМЫСЛОВ А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь. 1902; МАЕВ Н.А. Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 г. В кн: Материалы для статистики Туркестанского края. 1873, вып. 2.; КАЗАНЦЕВ И. Ук. соч.; БЕКМАХАНОВ Е. Казахстан в 20—40-е гг. XIX в. Алматы. 1992.; РЯЗАНОВ А.Ф. 40 лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838) Труды общества изучения Казахстана. Т. VII. Кзыл-Орда. 1926, вып. 2.; ЗИМАНОВ С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата. 1960.
27. МЕЙЕР Л. Ук. соч., с. 31.
28. Материалы по истории Казахской ССР, с. 436—438.
29. ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 2747, л. 6.
30. Общее количество кибиток составляло 1792. Материалы по истории Казахской ССР, с. 282.
31. РГИА, ф. 1251, бумаги М.М. Сперанского, оп. 1, ч. 1, л. 2об.
32. Там же, л. 3.
33. Там же, л. 3об.
34. Там же, л. 4об.
35. Там же, л. 7об.
36. Там же, л. 40.
37. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 261а, л. 28об.
38. Там же, л. 13об, 14об.
39. ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 2342, л. 37.
40. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 261а, л. 1—37.
41. Там же, д. 281, л. 11—11об.
42. ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 5656, л. 7.
43. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 261а, л. 10об.
44. Там же, л. 12об.
45. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата. 1960, с. 205.
46. Материалы по истории Казахской ССР, с. 492.
47. Там же, с. 492.
48. МЕЙЕР Л. Ук. соч., с. 44.
49. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 325, л. 6.
50. ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 5656, л. 1.
51. Там же, л. 18.
52. ЕРОФЕЕВА И.В. Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII — середины XIX в. как исторический источник. В кн.: Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1625—1821 годов. Сб. исторических документов. Т. 1. Алматы. 2014, с. 44.

БЕНИНСКИЙ ПОЛИТИК Матье Кереку

Д.П. Урсу

Аннотация. В публикации на основе широкого круга исторических источников рассматривается жизнь и деятельность выдающегося политического лидера Бенина Матье Кереку (1933—2015), который сделал попытку построить марксистское государство в сердце Западной Африки. Статья содержит подробный анализ причин провала Кереку на пути некапиталистического развития, а также его выбора в пользу подлинной демократии, гражданских свобод и рыночного хозяйства.

Ключевые слова: Матье Кереку, история современного Бенина, африканский социализм.

Abstract. This publication on the basis of a wide range of historical sources examines the life and activity of a prominent political leader of Benin, Mathieu Kerekou (1933—2015), who tried to build a marxist state in the heart of west Africa. In that way he has faced many obstacles and difficulties. Paper contains a detailed analyses of the causes of Kerekou's failure on the road to non-Capitalis development as well as his choice to true democracy, civil liberties and market economy.

Key words: Mathieu Kerekou, history of modern Benin, African socialism.

В 1933 г. на севере французской колонии Дагомея в Западной Африке родился мальчик, которому суждено было сыграть особую роль в истории своей страны. Семья Кереку принадлежала к малочисленной народности сомба, христиан по вероисповеданию, при мусульманском большинстве на данной территории ¹. Мальчика крестили и нарекли Матье в честь святого пророка Матвея. Биография Кереку богата необычными приключениями, примерами гуманности и благоразумия, резкими переменами идейных ориентиров. Он трижды входил в президентский дворец, три раза начинал жизнь с чистого листа. Сначала в качестве военного адъютанта действующего президента, проще говоря, слуги в военном мундире. Второй раз Кереку в чине майора с автоматчиками за спиной ворвался во дворец, узурпировав власть на многие годы. Под его руководством Дагомея стала на путь

Урсу Дмитрий Павлович — доктор исторических наук, профессор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. E-mail dinurusu@ukr.net.

Ursu Dmitriy P. — doctor of historical sciences, professor of the Odessa State University named after I.I. Mechnikov. E-mail dinurusu@ukr.net.

строительства социализма на основе марксистско-ленинской теории. В третий раз Кереку вошел в тот же дворец под звуки торжественных фанфар как свободно избранный народом президент и два срока (10 лет) восстанавливал частную собственность и плюралистическую демократию².

В общественном сознании африканцев образ Кереку амбивалентен — он обладает как сакральными, небесными, так и земными символами. Мальчик Мат родился под знаками двух начал — христианского и языческого, автохтонного. Последнее означало, что семья принадлежала к тотему Хамелеон. «Позади каждого человека — его тотем», — говорят африканцы. Это означает, что сначала появились зооморфные предки и только много времени спустя их потомки приобрели образ человеческий. «Тотем позволяет в архаичном мировоззрении связать данный человеческий коллектив с территорией проживания, прошлое с настоящим, культурное и социальное — с природой»³. В африканской мифологии Хамелеон олицетворяет собой не только изменчивость, но и выдержку, неторопливость, мудрость. С юности Кереку следовал правилу короля Акабы, третьего по счету правителя Бенина: «Медленно и тихо хамелеон поднимается на вершину баобаба». Здесь, где благодаря культу вуду так сильна вера в мистику и колдовство, тотем Хамелеона значил очень многое.

Столь же полным скрытых смыслов было имя Матвей. Библейский Матвей, будучи сборщиком налогов, не только решительно последовал за Христом, но до конца жизни проповедовал неверующим слово Божие. Он написал первое евангелие, где утверждал, что Иисус есть подлинный Мессия. Перед концом жизни он стал первосвященником эфиопской церкви, что связало его с Африкой⁴. Святой Матвей, небесный покровитель, и его земной архетип Хамелеон подсказывали Кереку линию поведения в жизненных ситуациях — решительность при максимальной осторожности, готовность к компромиссу при встрече с непреодолимыми препятствиями.

Ни о семье Кереку, ни о его ранних годах жизни нет достоверных сведений. Можно предположить, что семья была бедной и многочисленной, как все другие в деревне. В детстве мальчик пас коз на склонах окружающих холмов. Затем отец решил, что хотя бы один из его отпрысков достоин лучшей доли и должен получить образование. Матве был привезен в Натитингу, центр провинции Атакора, и отдан в школу, где директором был педагог Юбер Кутуку Мага, также сомба по происхождению. Позже он станет первым президентом независимой Дагомеи. Учился мальчик отлично, поражая окружающих находчивостью, быстротой реакции и, в то же время, рассудительностью в принятии решений.

Понимая, что окончание школы не гарантирует юноше продвижение в жизни, его покровитель Мага посоветовал связать свою жизнь с армией. Или, возможно, Кереку увлекла офицерская карьера по примеру двоюродного брата Мориса Куандете, который, приезжая домой, щеголял в новеньком мундире курсанта французской офицерской школы. В 14 лет Мат сбежал из школы и пристал в качестве «сына полка» к дагомейской роте, дислоцированной в г. Кати (ныне Мали). Затем он вместе с частью был переведен в г. Сен-Луи (Сенегал), а завершил свое образование, общее и военное, во французских училищах в Фрежусе и Сан-Рафаэлле. Получив звание капрала в

1954 г. и младшего лейтенанта в сентябре 1960 г., он около года служил во французской армии.

После возвращения на родину в августе 1961 г. Кереку был назначен адъютантом президента республики, бывшего директора школы Мага. Так впервые он вошел в пышное здание бывшего губернатора колонии, а теперь президента, и познакомился с закулисной стороной дагомейской политической жизни. То, что он увидел и узнал, его сильно огорчило — не такой он представлял свою, теперь уже независимую, родину. Нищета и неграмотность — внизу, казнокрадство, мелкие страсти, злые сплетни — наверху. Страна была разделена на три региона, где доминировали три почти равные по силе политические группировки с тремя лидерами. Север представлял Мага, юго-восток — Суру Миган Апити, а центр и юго-восток — Жюстен Ахомадегбе. Логика борьбы заставляла их играть на политическом поле «двое против одного».

На президентских и парламентских выборах в декабре 1960 г. победил список Дагомейской партии единства (ПДЮ), лидерами которой были Мага и Апити, набравшие более $\frac{2}{3}$ голосов избирателей. Партия Ахомадегбе — Дагомейский демократический союз (ЮДД) — оказалась в оппозиции, а вскоре и вовсе была запрещена. Летом следующего года был принят 4-летний план развития страны. Выступая с его обоснованием в парламенте, Мага назвал сумму в 30 млрд фр. будущих капиталовложений, причем 50% из них должны были пойти на сельское хозяйство, 30% на инфраструктуру и 20% на образование и здравоохранение. Предполагалось, что финансирование плана пойдет, главным образом, из внешних источников. Намерение правящей партии, продолжал далее президент, — построить в Дагомее динамичный социализм, позволяющий рационализировать систему производства и обращения для того, чтобы обеспечить справедливое распределение богатств на благо народа»⁵.

О том, что в правительстве Дагомеи есть сторонники социалистического выбора, стало известно в Москве. Дипломатические отношения между Дагомеей и СССР были установлены 4 ноября 1962 г. как результат визита Апити в Москву.

Радужным планам построения «африканского социализма» при сотрудничестве с социалистическими странами, но за деньги капиталистов, не суждено было сбыться. В Дагомее росла нищета, пошли вверх цены на товары и продукты первой необходимости. Государственный долг приближался к астрономической сумме в 1 млрд франков. Падение производства экспортных культур правительство пыталось компенсировать сокращением государственных расходов. Были увеличены прямые и косвенные налоги, сокращена зарплата служащим, заморожены выплаты другим категориям работников. На требования профсоюзов власти ответили репрессиями, во время демонстраций несколько человек были убиты. В такой накаленной обстановке командуя армией полковник Кристоф Согло совершил переворот и взял власть в свои руки.

Президент Мага потерял свой пост, и вместе с ним из президентского дворца выдворили его адъютанта лейтенанта Кереку. Последний был переведен в войска на незначительный пост командира взвода. Снова началась казарменная жизнь, но вывод из случивше-

гося он сделал: командующий войсками, нарушив конституцию, присягу и устав, изгнал с его поста демократически избранного президента. Этот акт станет дурным примером для других амбициозных офицеров, которые в будущем повторят путь Согло. Для себя Кереку решил идти на подобный шаг лишь в случае крайней необходимости.

Правление полковника Согло, вскоре ставшего генералом, длилось чуть больше четырех лет, с 28 октября 1963 до 17 декабря 1967 года. Как и Мага, его бывший патрон, Кереку находился в оппозиции к военному режиму. Он был недоволен, прежде всего, кадровой политикой в армии, так как офицеры-северяне не продвигались по службе. Кроме того, их было ничтожно мало — всего 16 на 74 южан ⁶. Такая диспропорция нарушала хрупкое равновесие между регионами, которое пытались наладить Согло, вела к дискриминации выходцев из северных провинций — Атакоры и Боргу. Кроме того, Кереку был недоволен не всегда тактичным поведением иностранных военных инструкторов (в Дагомее находились военные миссии Франции, Китая, Израиля) ⁷. Против военного сотрудничества с Израилем резко выступали офицеры-мусульмане, все уроженцы двух северных провинций. Кроме того, офицеры-патриоты возмущались тем, что в армии низкая дисциплина, мало военных занятий, редко проводятся маневры. Офицеры страдали от безделья и скуки. Строго говоря, дагомейская армия не предназначалась для защиты страны от внешнего врага; ее скрытой функцией было — служить сверхполицией на случай народных восстаний. Однако в силу ряда причин именно вооруженные силы превратились в главный фактор нестабильности.

Во-первых, офицеры получали высокое жалование и считали себя особой кастой. Многие из них питали непомерные личные амбиции. Во-вторых, казармы, как правило, располагались в крупных городах — Котону, Порто-Ново, Виде, Параку, где солдаты и офицеры тесно общались с местным населением. Там они подвергались быстрой политизации со стороны различных радикальных организаций ⁸. В-третьих, подготовка и переподготовка офицерского корпуса за границей, главным образом во Франции, приводила к тому, что дагомейцы нередко воспринимали радикальные взгляды и становились адептами левых групп и сект. Да и в самой Дагомее они могли встретить таких агитаторов — просоветских, прокитайских, проалбанских марксистов, анархистов и т.д. Это были французские специалисты по линии международного сотрудничества: на 1960 г. их насчитывалось полтысячи человек. К 1965 г. их число сократилось до 246 чел. вследствие отъезда врачей и среднего медицинского персонала. Зато увеличилось количество преподавателей (до 141 чел.), а именно они были наиболее политически активными ⁹. Неудивительно, поэтому, что студенты университета и старшекласники всегда первыми шли на митинги, демонстрации, начинали забастовки. Общение с гражданской молодежью, таким образом, также повышало политическую активность офицеров. Не последнюю роль в радикализации дагомейского общества в целом и молодежи в частности сыграла советская радиопропаганда на Африку.

Между тем, военный режим генерала Согло близился к своему бесславному концу. Президент взял кредиты во Франции, ФРГ, Швейцарии, Италии, у международных финансовых учреждений и разных

фондов на миллиардные суммы. Всего к концу 1964 г. общий долг Дагомеи зарубежным кредиторам достиг 6,5 млрд фр. и продолжал расти ¹⁰. Уже в конце 1966 г. министр финансов Нисефор Согло (однофамилец главы государства) в газетном интервью признал: «Финансовое состояние страны критическое, даже катастрофическое» ¹¹.

В середине декабря 1967 г. ситуация в Дагомее накалилась до предела. В стране была объявлена всеобщая забастовка, профсоюзы требовали сокращения налогов и улучшения продовольственного снабжения при снижении цен. Когда 16—17 декабря в столице шли непрерывные совещания высших чинов армии, капитан Кереку с группой младших офицеров и ротой парашютистов захватил виллы четырех высших офицеров, сторонников Согло. На следующий день по радио выступил главарь путчистов майор Куандете и объявил о свержении президента и роспуске правительства. Вскоре в победившей хунте произошли перестановки: президентом стал полковник Альфонс Аллей, а Куандете — главой правительства ¹². Рядом с премьером часто можно было видеть капитана Кереку, который стал председателем Военного комитета бдительности, впрочем, без особых возможностей контроля за правительством. Был создан чрезвычайный военный трибунал, прошла чистка чиновников-коррупционеров. Однако режим строгой экономии расхода государственного бюджета вызывал массовое недовольство. Началась проверка трудовой дисциплины — патрули следили за своевременным выходом госслужащих на работу. Нарушителей или штрафовали или подвергали 10-дневному аресту, а злостных — увольняли ¹³. Однако напряженность в стране не спадала.

Находясь в безвыходном положении, военная хунта летом 1968 г. решила самораспуститься и передать власть гражданскому президенту. Выбор пал на бывшего министра иностранных дел Зинсу. Ему удалось усидеть в высоком кресле лишь полтора года. В конце 1969 г. его свергла новая хунта во главе с неугомонным Куандете. Первым делом узурпатор расправился со своим недавним соперником — Аллей был осужден военным трибуналом на 10 лет заключения, но через два месяца амнистирован и назначен на высокий пост в Министерстве обороны. Подобного издевательства над правосудием трудно было себе представить, неудивительно, что Дагомея заслужила обидное название «больного человека Африка». Стало ясно, что практика военных переворотов и «чрезвычайки» изжила себя. Военные у власти показали себя плохими менеджерами; не обладая ни специальными знаниями, ни соответствующим опытом, они превращались в марионеток своих гражданских помощников и советников. Международные кредиторы требовали стабилизации политической обстановки и рационального использования получаемых займов. Местные профсоюзы бунтовали, протестуя против роста цен и налогов.

Хунта, пребывая в полной политической изоляции, нашла оригинальную формулу перехода к гражданскому правлению — создание президентской коллегии из трех наиболее авторитетных политиков — Мага, Апити, Ахомадегбе — каждый из которых правил бы страной в течение двух лет. Первым оказался Мага, и ему 4 мая 1970 г. была передана вся полнота власти, так как он исполнял одновременно функции главы государства и правительства ¹⁴. Одним из первых

декретов нового президента был арест и отдача под суд «хронического заговорщика» Куандете; он был осужден на 20 лет заключения. Другие меры касались нормализации экономической жизни Дагомеи. Был уменьшен с 25% до 5% налог на зарплату госслужащих, наполовину сокращен налог на пенсионеров, а также на крестьян¹⁵. Ситуация в стране на некоторое время нормализовалась.

Все эти драматические события происходили без участия капитана Кереку, который два года (1968—1970) находился на курсах штабных офицеров во Франции. Здесь было не менее интересно, чем на родине: в мае 1968 г. страну потрясли студенческие волнения в Сорбонне. Франция стояла на пороге гражданской войны — левые активисты атаковали как правительство генерала Ш. де Голля, так и коммунистическую партию. Кереку внимательно следил за событиями; не исключено, что он общался с молодыми офицерами, носителями левых взглядов. В скором времени все увиденное, прочитанное и услышанное во Франции послужит Кереку материалом для разработки программы переустройства родной страны.

После возвращения в Дагомею Кереку получил звание майора и был назначен командиром элитного десантного батальона, расквартированного в г. Вида, а с июля 1970 г. — еще и заместителем командующего сухопутными войсками. Страна, между тем, продолжала бунтовать при странном политическом режиме, названным «трехголовым чудовищем». Экономическое положение оставалось тяжелым, но не катастрофическим. Проведя положенные два года у кормила государства, Мага в мае 1972 г. благополучно передал власть очередному президенту Ахомадегбе. Впрочем, в печати появились сообщения о коррупции министра финансов, но наружу не выплыло ничего особенного. Кризиса в стране не было, тем более неожиданным прозвучало по радио Котону в три часа пополудни 26 октября 1972 г. выступление майора Кереку. Он сообщил, что власть в Дагомее переходит в руки армии. «Вооруженные силы отобрали назад то, что им принадлежало», — сказал он. Президентская коллегия, этот «настоящий монстр, раздирается внутренней борьбой, авторитет государства исчез». В заключении своей речи Кереку зачитал состав нового правительства — в него вошли 4 майора, 7 капитанов и один унтер-офицер¹⁶.

Первые решения новой хунты были продиктованы обстановкой, направлены на укрепление собственной власти и недопущение контрпереворота. Кереку, объявивший себя президентом и главой правительства, а также министром обороны и плана, вскоре заявил, что армия не делает политики; она занята лишь экономическим и социальным восстановлением страны. В правительственном вестнике печатались первые декреты: о составе нового правительства, задержании сановников прежнего режима (бывшие президенты Мага, Апити и Ахомадегбе без суда сидели в тюрьме до 1981 г.), о посылке комиссаров во все провинции. Из армии были удалены соперники Кереку — полковники Аллей и де Суза, майоры Хашеме, Сумару, Родригес и Джонсон¹⁷. В начале следующего года Аллей и Хашеме, а также 10 военных и гражданских лиц (среди них и французы) были арестованы за попытку переворота¹⁸.

Первые два года Кереку уделил наведению в стране элементарного порядка и одновременно поиску социально-политической мо-

дели на перспективу. Концентрация власти в его руках сопровождалась удалением из состава руководящей верхушки несогласных, потенциальных соперников и левых экстремистов. Первым потерял свой пост министра капитан Н. Бехетон, прославившийся марксистом и не скрывавший своих просоветских взглядов. За полтора года состав правительства менялся трижды, но свои посты сохраняла тройка левых радикалов из лагеря в Виде — майор Мишель Алладайе (министр иностранных дел), капитан Жанвье Асогба (министр гражданской службы) и капитан Мишель Аикпе (министр внутренних дел и безопасности). Первым ушел Асогба: в январе 1975 г. он поднял мятеж, был разбит и осужден, а летом того же года при невыясненных обстоятельствах погиб Аикпе. Долгое время в кабинете министров вторым лицом пребывал майор Бартелеми Оуэнс, министр юстиции, сторонник консервативной линии.

Поначалу казалось, что кроме националистической фразеологии, новая хунта не сможет предложить ничего нового и, в конце концов, будет сметена очередным дворцовым переворотом. Однако в закрытых кабинетах президентского дворца шел напряженный поиск социальной и политической модели на перспективу, сталкивались различные идеологические направления, рассматривались разные варианты развития страны. Персональный состав этого мозгового центра известен лишь приблизительно, но ясно одно — организатором и вдохновителем его был сам президент.

Наконец, 30 ноября 1974 г., Кереку закончил подготовительный этап и выступил на исторической площади Гохо в Абомее с программной речью, всколыхнувшей всю страну. Президент объявил о социалистическом выборе дальнейшего развития и добавил: «Философским фундаментом и путеводным ориентиром нашей революции является марксизм-ленинизм»¹⁹.

Подобный выбор многими в Бенине был принят с восторгом. Для подобной эйфории показательным мнением министра труда, лейтенанта Адольфа Биау, высказанное на международном профсоюзном форуме. Он раскритиковал пессимистический взгляд на возможность построения социализма в Африке: «... Наш континент богат, особенно сырьевыми материалами. Мы должны отбросить мысль, что Африка бедна, наша задача состоит в воспитании ради развития; эту цель мы можем достичь, лишь уничтожив колониальные и постколониальные структуры, которые сохраняются в наших странах... Этого можно добиться изменением менталитета. Поэтому моя страна желает создать нового гражданина, свободного от комплексов и от всех поверхностных атрибутов..., чтобы вести политику самообеспечения»²⁰.

Уже в декабре 1974 г. последовали указы о национализации некоторых секторов экономики: страхового дела, обеспечения нефтепродуктами. Была установлена монополия государства на транзит товаров через территорию страны. На всех предприятиях создавались комитеты защиты революции. В интервью бенинской газете во вторую годовщину провозглашения социалистического выбора Кереку заявил, что главная причина отсталости страны — контроль всех жизненных секторов со стороны иностранного монополистического капитала и международного империализма. «Что сделано?», — спросил президент и ответил: «Сейчас государство обеспечивает импорт-экс-

порт товаров широкого потребления, в частности, госкомпания Сонакон осуществляет монополию на ввоз, хранение, транспортировку и продажу нефтепродуктов. В финансовом секторе государство приняло на себя банковские институты и страховые общества. Под контроль государства перешли электро и водоснабжение по всей стране. Кроме того, установлена государственная монополия на реэкспорт продовольственных товаров — риса, сахара, зерна, сгущенного молока»²¹.

Следует, однако, учитывать, что экономика Бенина в течение всего революционного процесса оставалась многоукладной. Повышать удельный вес государственного сектора становилось все труднее из-за сопротивления прежних собственников, которых нередко поддерживали профсоюзы, и нехватки капиталов для выплаты компенсаций. В пик огосударствления госпредприятия давали лишь около 31% производимой в стране промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Строгие меры экономии поначалу дали положительный результат. Дефицит бюджета стал медленно уменьшаться: в 1971 г. он составлял 1,7 млрд фр., в 1972 — 845 млн, в 1973 — 1,6 млрд, в 1974 — 741 млн франков²². Темпы экономического роста, однако, отставали от прироста населения. Так что для экономического состояния НРБ в эти годы вполне подходит слово стагнация.

Как и требует социалистическое хозяйство, власти внедряли плановость на всех уровнях производства — от сельскохозяйственного кооператива и артели ремесленников, завода, фабрики, фирмы до всего государственного механизма. Первый госплан был сверстан на 3-летний период.

Кроме того формировалась новая вертикаль власти. Создавались революционные советы снизу доверху; высший совет получил название Национального совета революции (НСР), который стал играть роль предпарламента. В апреле 1974 г. был принят декрет о создании революционных советов в провинциях, округах, городах и местных коммунах²³.

Одним из этапных событий бенинской революции стало создание новой партии. Партия народной революции Бенина (ПНРБ) была создана 30 ноября 1975 г. волевым методом, по корпоративному принципу подбора членов в различных общественных организациях и группах населения и по произвольно выбранной квоте. В мае следующего года ПНРБ приняла программный документ «Заявление о генеральной линии партии и этапах бенинской революции»²⁴. В кратком предисловии были названы деятели, которые, по мнению бенинцев, положили основы революционной борьбы трудящихся масс. Это — Маркс, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун и Хо Ши Мин. Пленум ЦК образовал конституционную комиссию, которая подготовила проект основного закона для обсуждения; в него внесли 115 поправок²⁵.

После создания ПНРБ президент Кереку в предновогоднем обращении определил три главные задачи: «объединить наше сознание на базе нашей марксистско-ленинской идеологии»; «производить, чтобы обеспечить себя и создать резервы»; «революционизировать все наши государственные институты». Он дал подробный перечень заданий партии и государственной власти на новый 1976 год. Каждая крестьянская семья должна выращивать две продовольственные культуры и

одну — на экспорт или для нужд местной промышленности. Каждое учебное заведение обязано выращивать сельскохозяйственные продукты в таком количестве, чтобы в конце учебного года покрыть не менее 20% бюджетных расходов на свое содержание. Каждое предприятие и государственное учреждение, каждый воинский гарнизон должны иметь земельный участок или ферму и их обрабатывать. Кереку объявил также о мерах по улучшению жизни трудящихся: зарплата в государственных и смешанных предприятиях увеличивалась на 14%; кроме того планировалось выдать половину замороженных в январе 1973 г. авансов. Задача на 1977 г. была еще более трудной — удвоить производство, превратить Бенин в национальную строительную площадку, распространить на все слои населения революционное и патриотическое воспитание. По примеру Китая и Кубы вводилась обязательная трудовая повинность. Госслужащие должны были посылаться на низовую социальную практику на два-три месяца в одну из 300 сельских коммун изучать проблемы производства, воспитывать крестьян и т.п. Несколько позже была введена обязательная гражданская служба молодежи продолжительностью 12 месяцев²⁶. О результативности подобных мер, впрочем, нигде не сообщалось.

В январе 1977 г. нормальный ход законотворчества и строительства партии и государства внезапно был прерван нападением вооруженных наемников, прибывших рано утром на транспортном самолете и захвативших аэропорт Котону. Как установила позже специальная миссия Совета Безопасности ООН, общее количество нападавших превышало сто человек, среди них преобладали европейцы, но были также африканцы. Захватив автотранспорт, они тремя группами двинулись в город и атаковали президентский дворец с целью убийства Кереку и захвата власти. Однако в 150—200 м от дворца они были встречены плотным огнем сил безопасности. Поняв, что дело обречено на провал, они в панике вернулись на аэродром и улетели в неизвестном направлении. Вся операция длилась не более трех часов²⁷.

Победа над наемниками радикализовала революционный процесс и подняла политический авторитет ПНРБ и ее лидера. В условиях народного одобрения Кереку провел через предпарламент новую конституцию страны. В ее преамбуле говорилось: «Великое революционное движение национального освобождения, начатое 26 октября 1972 г., привело к победе... В ходе гармоничного развития исторического процесса достигнуты важные завоевания, которые позволят неуклонно вести наш народ к решающим победам во всех областях». Главная цель движения — построение нового, социалистического общества²⁸.

Революция стоит чего-нибудь лишь тогда, когда успешно отражает наступление врагов, внутренних и внешних. Этот афоризм вполне применим и к перипетиям бенинской революции. Проблема защиты нового строя остро стояла все время правления Кереку с 1972 по 1991 год. В его выступлениях, собранных в отдельную книгу «По пути строительства социализма» он назвал всех врагов страны. Особую ненависть Кереку вызывали «вчерашние военные — местные слуги кровавого империализма», а также феодалы, под которыми он понимал старейшин, вождей, сельских богатеев, знахарей и колдунов. Феодалы на селе, говорил он, «берут штурмом местные ревкомы, избираются делегатами и даже мэрами. Местные революционные власти почти пол-

ностью парализованы реакционными силами феодалов. Революция на деле не проникла в деревенскую массу... Под влиянием феодалов находятся представители старых партий, вся неокOLONиальная интеллигенция и часть молодых интеллектуалов, играющих под прогрессистов»²⁹.

Самыми опасными врагами Кереку, однако, считал молодых левых радикалов и латентных путчистов в своей армии. Уже в 1974 г. в Дагомее появилось несколько молодежных организаций, выдвинувших лозунги левее, чем Кереку.

Самой опасной среди левых групп оказалась подпольная Коммунистическая партия Дагомеи (КПД), выросшая из небольшого кружка под историческим названием Союз коммунистов. Это была сталинистская, проалбанская организация, считавшая Кереку карикатурой на марксиста-ленинца.

Что касается военных заговорщиков, то три наиболее опасные попытки свалить Кереку закончились провалом. Тюрьмы Бенина, впрочем, пополнялись не только за счет заговорщиков в мундирах, но, главным образом, молодежью за принадлежность к запрещенной КПД. Возникла парадоксальная ситуация: марксисты и ленинцы преследовали коммунистов, причем власть в стране находилась в руках социалистов. Из-за такой путаницы «Манифест Коммунистической партии» в партийной прессе не распространялся.

В своих выступлениях Кереку постоянно возвращался к вопросам идеологического воспитания как широких народных масс, так и подрастающего поколения. Красной нитью его выступлений проходила мысль — создать человека нового типа: патриота, революционера, трудолюбивого работника, готового служить народу и революции. В средней школе было введено изучение трех классических работ по обществоведению — Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре», «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса и «О государстве» В.В. Ленина³⁰.

К 1985 г. восходящая линия бенинской революции завершилась. Об этом свидетельствовали два события — майские выступления студентов и решения II съезда ПНРБ, принятые в ноябре. Перед этим, в 1984 г., Кереку был переизбран парламентом на второй 3-летний срок президентом и назначил новое правительство. 10 апреля 1985 г. правительство отменило обязательное трудоустройство выпускников университета и профтехнических училищ, что означало появление тысяч дипломированных безработных. Диплом, бывший прежде входным билетом в социальный лифт, превратился в пустую бумажку. Отпала мощная мотивировка молодежи к обучению, что вызвало бурю негодования у студентов, их родителей и педагогов. 5 мая в крупных городах Бенина прошли многочисленные демонстрации протеста, в столкновении с полицией двое молодых людей погибли. Кереку принял крутые меры: два министра, ректор и проректор университета, директора школ были уволены, чтобы успокоить общественное возмущение. Также из университета отчислили 18 анархо-гошистов³¹.

Большие проблемы возникли в партийном строительстве. Об этом говорилось на II съезде ПНРБ в ноябре 1985 года. Центральная тема дискуссии — создание сильной и влиятельной авангардной партии. В своем докладе Кереку осудил кампанию экономического саботажа внутренней и внешней реакции. От партийных органов он потребовал сделать выводы из событий апреля-мая, когда, по его сло-

вам, масса студентов пошла за кучкой анархистов и левых экстремистов, которыми манипулировала местная и международная реакция. Но главный упор председатель ЦК сделал на критику недостатков в партийном строительстве. «Мы создали, — признал он самокритично, — партию функционеров, а не масс». ПНРБ очень слаба количественно (сказано без цифр), распределена неравномерно по территории страны, во многих местах отсутствуют партийные ячейки. Как важнейшую задачу он назвал «...изучение марксистско-ленинской теории, великих классиков Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. В экономике следует сосредоточить основные усилия на стратегических направлениях — сельском хозяйстве, энергетике, строительстве путей сообщения».

Говоря на съезде о тяжелом экономическом положении, Кереку не погрешил против истины. «С 1980 г. по 1987 г. НРБ переживает замедление темпов экономического роста», — так начинался отчет Бенина на 2-й Конференции ООН по наименее развитым странам. ВВП рос на 1,7% в год, при замедлении до 1,1% в 1986 г. и падении на 3,6% в 1987 году. Государственный долг, внутренний и внешний, достиг колоссальной суммы в 324 млрд франков. Кооперация сельского хозяйства полностью провалилась³².

Внешняя политика НРБ была не более успешной, чем внутренняя. Приоритетными стали отношения с двумя странами: Франция давала деньги, СССР снабжал идеями и опытом социалистического строительства. До этого отношения между Дагомеей и СССР были на самом низком уровне. Они оживились только после провозглашения курса на строительство социализма. Первая миссия доброй воли во главе с министром иностранных дел Алладайе имела место в марте 1975 года. На секретариате ЦК КПСС регулярно обсуждались вопросы обмена с бенинскими товарищами партийными, государственными и общественными делегациями.

Кульминационным актом советско-бенинской дружбы — и в то же время ее заключительным аккордом — стал визит в Москву президента Кереку. После многих заграничных поездок в страны Европы, Азии и Америки, после встреч с Мао, Ким Ир Сенем, Кадафи, Мобуту и Чаушеску его беседы с М.С. Горбачёвым и А.А. Громыко не были чем-то экстраординарным. Но поездка в СССР приобрела особое значение как последняя надежда на получение существенной финансовой поддержки перед лицом надвигавшейся катастрофы. Увы, надежды Кереку не оправдались. Визит состоялся с 21 по 27 ноября 1986 г. и предполагал подписание как общего заявления, так и конкретных соглашений. В Москву Кереку прибыл в трех ипостасях — председателя партии, президента и главы правительства. В заключении визита была подписана «Декларация о дружбе и сотрудничестве между СССР и НРБ». В ней — ничего конкретного, затертые словесные штампы, характерные для такого рода дипломатических документов. В итоговом коммюнике подчеркивалось, что советская сторона «будет и впредь с учетом реальных возможностей оказывать помощь бенинскому народу». «Посильная помощь» с учетом «реальных возможностей» на обычном языке означала, что СССР финансировать бенинский социализм не будет в силу известных причин. И хотя Кереку в беседе с Громыко неосторожно сказал, что «СССР — глав-

ный партнер на пути к социализму», ничего существенного, кроме горячего одобрения, из Москвы он не привез³³. Визит, вне сомнения, развеял последние иллюзии бенинцев и показал им, что СССР занят собственными делами, и рассчитывать впредь на него нельзя. Как бы в противоположность этой бесплодной поездке можно привести поведение ФРГ, которая в 1977 г. списала Бенину все долги, а на текущий 1986—1987 финансовый год обещала 38 млн марок помощи и еще 25 млн марок технического содействия³⁴.

Ровно через три года после посещения Москвы председателем ПНРБ в стране начался демонтаж военного социализма. В декабре 1989 г. в авторитетном журнале «Уэст Африка» была опубликована статья под красноречивым заглавием «От Берлина до Бенина». Журнал писал, что волна перемен прокатилась по всему миру, везде терпят крах государства социалистической ориентации. Режим Кереку никогда не был подлинно марксистским; это была ловко состряпанная мимикрия. В том же номере публиковался репортаж о посещении Порто-Ново. Журналист был поражен — в правительственных кабинетах пусто, потому что чиновники, не получающие жалование несколько месяцев, ежедневно отправляются на демонстрации протеста. Университет и лицеи закрыты, молодежь бунтует. В городе грязь, запустение, разруха³⁵.

Спустя месяц после сноса Берлинской стены и за две недели до бесславного конца Чаушеску, 7 декабря 1989 г., на заседании политбюро ЦК ПНРБ ее председатель Кереку открыто признал, что марксизм-ленинизм отброшен как ошибочный выбор. Он обещал подготовить вскоре новую демократическую конституцию с политическим плюрализмом и гражданскими свободами. Он также высказался за освобождение всех политзаключенных и возвращение эмигрантов. Вскоре, как бы в награду за правильный поступок, Бенин получил от МВФ первый заем в 27 млн долларов³⁶.

Заявление Кереку было вызвано предреволюционной ситуацией в стране; она стояла на пороге гражданской войны. Армия колебалась, но все еще была готова выполнять приказы президента. Учреждения не работали, фабрики и заводы стояли, демонстрации и митинги шли ежедневно. Как выразился исследователь Дж. Джогансен, это было «революционное конструктивное сопротивление». В закрытом для печати режиме шли совещания членов правительства с авторитетными общественными деятелями. Роль главного миротворца пала на примаса католической церкви, архиепископа Изидоро да Сузу. Позже он вспоминал, что поведение Кереку в той взрывоопасной обстановке было достойно истинно верующего христианина: «Я должен сказать, что восхищаюсь Кереку не за его ошибки, творимые в течение 18-летнего правления, а за его поведение во время конца этого мрачного времени и в переходной период»³⁷. Кереку публично признал свои грехи и покаялся в них³⁸.

После многочисленных встреч и переговоров было решено собрать общенациональную конференцию для решения всех злободневных и перспективных вопросов. Она состоялась с 19 по 28 февраля 1990 года. На ней были представлены 52 политические партии (КПД бойкотировала совещание), социопрофессиональные корпорации, женщины, молодежь, старейшины, представители культов — всего около

500 человек. Вел заседания архиепископ И. де Суза. По итогам совещания была отменена конституция 1977 г., создан предпарламент — Высший совет — и образовано новое правительство. Кереку остался президентом, но лишился реальной власти³⁹.

Прежняя Партия народной революции Бенина, насчитывавшая всего 2 тыс. членов (на 2 млн трудоспособного населения) в мае 1990 г. трансформировалась в Союз сил прогресса (ЮФП), а ее руководителем стал никому не известный адвокат Мишуди Дисуди. Тогда же был опубликован проект новой конституции, по которой Бенин становился многопартийной президентской республикой. Основной закон утвердили на референдуме в декабре того же года⁴⁰.

Новая конституция означала конец военно-марксистской диктатуры и коренным образом отличалась от предыдущей. В преамбуле с большим пафосом провозглашены принципы и ценности либеральной плюралистической демократии. Она гласит: «Мы, бенинский народ,

— подтверждаем наше решительное неприятие любого политического режима, построенного на произволе, диктатуре, несправедливости, коррупции, взяточничестве, на регионализме, nepoтизме, узурпации власти и личной власти;

— выражаем наше твердое желание защищать и охранять наше достоинство в глазах всего мира и вновь найти свое место и роль пионера демократии и защиты прав человека, которые нам некогда принадлежали;

— торжественно провозглашаем нашу уверенность путём настоящей конституции создать государство права и плюралистической демократии, в котором основные права человека, политические свободы, достоинство человеческой личности и правосудие гарантированы, защищены и признаны в качестве необходимого условия подлинного и гарантированного развития каждого бенинца во временном, культурном и духовном измерениях;

— подтверждаем нашу приверженность принципам демократии и прав человека, как они определены в Уставе ООН 1945 г. Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г.».

20 февраля 1991 г. в Бенине прошли парламентские выборы, а спустя месяц, — президентские. Главная интрига состояла в том, выдвинет ли Кереку свою кандидатуру или нет, и разрешилась буквально в последнюю минуту. С умением выжидать и спокойствием, достойным тотемного Хамелеона, он выбрал наиболее удачный момент и нанес противнику удар. Впрочем, на этот раз его хитрость ему не помогла. Он проиграл во втором туре выборов премьер-министру Согло.

1 апреля 1991 г. Кереку передал президентские полномочия Согло и, казалось, навсегда распрощался с великолепным дворцом бывшего французского губернатора колонии. Но судьба решила иначе.

Президент Согло через полгода после вступления в должность в обширном интервью французскому журналу рассказал подробно о плачевном состоянии экономики после «милитаро-марксизма»: государственная казна пуста, общий долг достиг астрономической суммы в 600 млрд франков. В стране появилась невиданная прежде безработица — специалистов с дипломами, их уже три тысячи, в том числе

врачи и инженеры. Везде расточительство государственных средств, коррупция и контрабанда.

Ушедший 1 апреля 1990 г. с поста президента Кереку недолго наслаждался частной жизнью. Политик до мозга костей, он вскоре вернулся в оппозицию. Дело в том, что шокотерапия Согло постоянно теряла своих либеральных сторонников и все больше людей вспоминали беззаботную жизнь в годы «бенинского социализма». Силы оппозиции составляли большинство в северных провинциях, которые и прежде оставались верны земляку. Сформировался разношерстный оппозиционный блок, обвинявший Согло в прислужничестве международному империализму и предательстве национальных интересов. И когда наступили очередные президентские выборы 1996 г., Кереку неожиданно победил.

1 апреля 1996 г. он снова вошел в президентский дворец и стал его хозяином на 10-летний срок. Демократическое обновление общества и государства в переходный период (1989—1991) и в годы президентства Согло (1991—1996) дали плоды лишь в десятилетие президентства Кереку. Формировавшееся гражданское общество и новая власть смогли обеспечить устойчивое экономическое развитие страны. Давая общую характеристику бенинской экономики, аналитики Всемирного банка кратко охарактеризовали ее следующим образом: в 1990-е гг. — стагнация, начиная с 2000 г. — постоянный рост.

Достижения Бенина на пути демократизации несомненны, но на местном уровне создание правового государства лишь усложнило ситуацию. Объявленная еще в 1993 г. децентрализация долгое время не завершалась. Последствием стала фрагментация власти и неформальная практика, правила политической игры усложнились. В бенинской деревне установился полицентризм власти и ограниченная местная автономия. Отмечается также возрастание влияния неполитических факторов — католической церкви и традиционного культа водун⁴¹.

Что касается роли и места политических партий, то, прежде всего, бросается в глаза их численный рост; для небольшой страны в 7—8 млн жителей их количество превзошло все разумные пределы. В первых парламентских выборах эпохи «обновления» участвовало 49 партий, но только 18 из них провели хотя бы одного депутата. Против хаотического увеличения числа политических партий, наносившего вред политике демократизации, выступил президент Кереку. По его инициативе в 2003 г. Национальное собрание приняло специальный закон. Отныне партия, желавшая легализоваться, должна была представить подписи не менее 10 членов-учредителей по каждой из 12 провинций страны. Сначала зарегистрировалось 36 партий, а на начало 2007 г. их стало уже 106. Тем не менее, определились 4 ведущие: левоцентристские — Социал-демократическая (Б. Амусу) и Союз за демократию и солидарность (Сака Лафия); и две правоцентристские — Возрождение Бенина (Розина Согло, жена бывшего президента) и Партия демократического обновления (А. Хунгбеджи). Кереку ловко, как прирожденный бонапартист, лавировал между крупными политическими партиями, опираясь то на левых, то на правых, но зигзаги в конечном счете вели его к намеченной цели. На выборах он выступал, как беспартийный. Умение Кереку перевоплощаться и менять свой внешний образ достойно удивления, не случайно что не

только по тотему, но и по этой черте личности его называли Хамелеоном. На выборах в марте 1996 г. бенинцы с удивлением увидели незнакомого политика, одетого в строгий европейский костюм с белой рубашкой вместо привычной «гимнастерки Мао». И речь у него была иная — избиратели услышали рассудительного, смиренного человека, говорившего сплошными библейскими цитатами. К избирателям он обращался, как проповедник: «Дорогие братья и сестры». Все были поражены. Однако на выборах 2001 г. он снова сменил свой имидж — опять архаизмы в речи, заигрывание с традиционалистами, обращение к «духу предков»⁴².

Очевидно, Кереку в первом пятилетии правления решил, что он переоценил успехи модернизации, и решил теперь в какой-то мере перестраховаться. Нужно было отступить на шаг назад. В этом проявилась тормозящая сила социально-психологической инерции древних традиций рабства (в южном регионе) и феодализма (на севере). Архаичное мировосприятие значительной части общества не позволяло двигаться вперед слишком быстро. Бенинские политики старшего поколения — Апити (род. в 1913 г.), Согло (род. в 1912 г.), Аданде (род. в 1913 г.), еще застали порядки старой Дагомеи. Только 12 декабря 1905 г. последовал указ генерал-губернатора Французской Западной Африки о безусловном освобождении всех рабов и запрещении торговли людьми⁴³. Названные политики тогда были детьми рабовладельцев и купцов-компраторов (чаще всего) или рабов. А на севере феодальные отношения просуществовали еще несколько десятилетий.

Тем не менее, курс на демократическое обновление Кереку соблюдал неуклонно. Признанием его популярности в современной Африке является, среди прочего, большое количество публикаций о нем — как научных статей, публицистики, так и толстых книг. С каких бы позиций они ни писались — апологетических или разоблачительных — в них сквозит главная мысль: Кереку стал одним из выдающихся политических деятелей современности. Хотя Бенин — страна небольшая и не участвует в геополитических играх и комбинациях, благодаря ему она стала островком мира и демократии в бурном море современной Африки. В 2013 г. вышла книга со сказочным названием «Жил-был хамелеон когда-то, он звался Кереку». Ее автор, Морис Шаби, — бывший редактор партийной газеты «Эузу» — на протяжении многих лет общался с лидером бенинской революции и рассказал о нем много интересного.

Закончить рассказ о трех жизнях майора Кереку уместно выдержкой из этой замечательной книги⁴⁴. «Кереку не похож на других государственных деятелей, — пишет автор. — Не ангел и не демон. Это настоящий хамелеон, манипулятор людьми, ухищренный в парадоксах, которые делают из него человека архисложного, о личности которого трудно составить себе мнение... Эти постоянные смены цвета кожи, из-за чего он заслужил псевдоним Хамелеон, остаются его фабричной маркой. Способный раньше всех почувствовать направление ветра и составить такой политический метеобюллетень, который редко не сбывается. Никто не способен так, как он, обнять врага, чтобы легче его задушить. Для него в политике “нет друзей, нет врагов”; только обстоятельства могут предопределить соотношение сил в дан-

ный момент...» Ко всему этому — умение маневрировать, как неотъемлемое свойство бонапартистской тактики, циничное знание глубин человеческой природы, чувство меры и редкое бескорыстие, которое конвертируется в народную любовь. Действительно, Кереку неординарная личность, уникальная для Африканского континента.

Примечания

1. Народность сомба, проживающая в горной области Атакора на севере Дагомеи насчитывала 36 тыс. чел. из общего числа населения страны 2 млн человек. République du Dahomey. Données de base sur la situation démographique au Dahomey. Paris. 1962, p. 36.
2. Известия ЦК КПСС. 1989, №12, с. 75; DECALO S. Historical Dictionary of Dahomey (People's Republic of Benin). Metuchen. 1976, p. 75—76; The International Who's Who 1976—77. London. 1977, p. 879.
3. Мифы народов мира: Энциклопедия. Т.1. М. 1986, с. 442; CLAFFEY P. Kerekou, The Chameleon, Master of Myth. In: Staging Politics and Performance in Asia and Africa. New York. 2007, p. 91—110.
4. COMPTE F. Les grandes figures de la Bible. Paris. 1992, p. 178—180.
5. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 627, оп. 2, д. 10, л. 18—24.
6. Там же, оп. 11, д. 3, л. 36.
7. Там же, ф. 682, оп. 4, д. 6, л. 76, 99.
8. DECALO S. Coups and Army Rule in Africa: Studies in Military Style. New Haven-London. 1976, p. 53—57.
9. République du Dahomey. Direction de la statistique. Annuaire statistique. Cotonou. 1965, p. 146.
10. АВПРФ, ф. 627, оп. 5, д. 8, л. 1—2.
11. Aube nouvelle. 12.X.1966.
12. BEBLER A. Military Rule in Africa: Dahomey, Ghana, Sierra-Leone, Mali. New York. 1973, p. 10—27.
13. АВП РФ, ф. 627, оп. 9, д. 2, л. 8—37.
14. Там же, оп. 10, д. 2, л. 51—52.
15. Там же, оп. 11, д. 3, л. 11—23.
16. RONEN S. Dahomey between Tradition and Modernity. London. 1975, p. 27.
17. Journal officiel de la République du Dahomey (JORD). 1.XII.1972.
18. Ibid., 1.IV.1973.
19. Ibid., 15.XII.1974.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5451, оп. 71, д. 500, л. 100—101.
21. JORD. 1.X.1974.
22. ОДУНЛАНМИ М. Роль финансов в воспроизводстве рабочей силы в развивающихся странах (на примере НРБ). Дисс. канд. экон. наук. М. 1982, с. 22.
23. JORD. 1.VI.1974.
24. Полностью опубликовано в партийной газете лишь год спустя. См.: Ehuzu. 28.VIII.1977. Перевод на русский язык см.: Рабочий класс и современный мир. 1977, № 6, с. 160—163.
25. Правда. 18.VII.1977.
26. KÉREKOU M. Dans la voie de l'édification du socialisme: Recueil des discours. Cotonou. 1979, p. 141—160.
27. United Nations Security Council. Official Records. 32nd year. Special Supplement № 3. Report of the Security Council Special Mission to the People's Republic of Benin established under Resolution 404 (1977). New York. 1977, p. 38—39, 132—133.
28. Конституция Народной Республики Бенин. Принята 26 августа 1977. М. 1980.
29. KÉREKOU M. Op. cit., p. 61, 184, 149, 71, 179—185.

30. Правда. 15, 21.III.1977; Ehuzu. 8.I, 24.VIII, 7.IX.1978.
31. Africa Research Bulletin. 1985, № 7; Jeune Afrique. 22.V.1985.
32. Mémoire du Bénin; 2ème Conférence des Nations Unies sur les pays les moins avancés. Geneva. 1990, p. 1—14.
33. Правда. 26.XI.1986.
34. West Africa. 27.X.1986; Journal of Modern African Studies. 1986, № 4, p. 588.
35. West Africa. 18.XII.1989.
36. African Report. 1989, № 6, p. 6—10.
37. Правда. 13.XII.1989; Africa Report. 1991, № 3, p. 5.
38. MENSAH I. Isidore de Souza, figure fondatrice d'une démocratie en Afrique: La transition politique au Bénin (1989—1993). Paris. 2011, annexe 4.
39. GÉRADIN R. Le Bénin sort de l'impasse. — La revue nouvelle (Bruxelles). 1990, № 7—8, p. 75—88; GEELY J. Legacies of Transition Gouvernements in Africa: the Case of Benin and Togo. New York. 2009.
40. République du Bénin. Constitution du 11 décembre 1990. — mjp.univ.perp.fr/constit/bj1990.htm.
41. BADET G. Démocratie et participation à la vie politique: Une évaluation des 20 ans de "Renouveau démocratique". Dakar. 2010, annexe 2; WANTCHEKO L. Deliberative Electoral Strategies and Transition Clientelism: Experimental Evidence from Benin. New Haven. 2011.
42. Annuaire statistique du Gouvernement Général de l'AOF. 1911. Paris. 1911, p. 556.
43. STRANDBJERG C. Kerekou. God and the Ancestors: Religion and the Conception of the Political Power in Benin. — African Affairs. 2000, vol. 90, № 2, p. 395—414.
44. CHABI M. Il était une fois un caméléon appelé Kérékou. Paris. 2013.

«Маленький человек» против «больших» историков в эпоху «позднего сталинизма»

Е.Н. Дербин, В.В. Тихонов

Аннотация. Публикация посвящена рассмотрению феномена «маленького человека» и его роли в советской исторической науке в эпоху «позднего сталинизма». Феномен анализируется через призму случаев В.М. Подорова и М.Н. Перегудова, писавших разоблачительные письма в ЦК ВКП(б) против ведущих советских историков. Показывается, что «маленькие люди» играли заметную роль в играх сталинской бюрократии с научной средой в годы идеологических кампаний 1940-х годов.

Ключевые слова: советская историческая наука, идеологические кампании «позднего сталинизма», «маленький человек».

Abstract. The publication considers the phenomenon of the «little man» and his role in Soviet historical science era «of the late Stalinism.» The phenomenon is analyzed through the prism of cases V.M. Podorova and M.N. Peregudova who wrote incriminating letters to the Central Committee of the VKP(b) against the leading Soviet historians. It is shown that the «little people» played a prominent role in the games of the Stalinist bureaucracy with the scientific community in the years of ideological campaigns of the 1940s.

Key words: soviet historical science, ideological campaign «late Stalinism», «little man».

Феномен «маленького человека» занимает в социально-политической системе сталинской эпохи особое и очень важное место. По наблюдениям современного историка О.Л. Лейбовича, «маленький человек — это вовсе не рабочий или колхозник, или мелкий служащий, как это может на первый взгляд показаться. Нет, это гражданин, который, не занимая высоких постов, рискует, но разоблачает больших начальников, совершивших крупные преступления... Маленький человек — это человек, стучащий громко и самоотверженно. Даже если он и не всегда прав: что-то додумывает, о чем-то сочиняет, сообщает непроверенные слухи, тем не менее, к нему следует прислушиваться и оберегать от притеснений местных, или ведомственных начальников»¹. «Маленький человек» являлся социально значимым феноменом в сталинской империи. К

Дербин Евгений Николаевич — кандидат исторических наук. E-mail: tihonovvitaliy@list.ru; *Тихонов Виталий Витальевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: tihonovvitaliy@list.ru.

Derbin Evgeniy N. — candidate of historical sciences. E-mail: tihonovvitaliy@list.ru; *Tikhonov Vitaly V.* — PhD, senior researcher at the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tihonovvitaliy@list.ru.

его сигналам внимательно прислушивались. Это являлось своеобразной демонстрацией «демократичности» советского строя, где любой рядовой гражданин мог бороться против начальника.

Факты и слухи, которыми оперировали «маленькие люди», становились ценным материалом в руках контролирующих органов. Многочисленные разоблачители «из народа», «с самых низов» играли видную роль в партийных играх, борьбе номенклатурных кланов и т.д. На эту роль всегда находились желающие: карьеристы, стремившиеся выслужиться, а часто люди просто неуравновешенные, готовые видеть опасность для советского строя везде и всюду.

Особое значение «маленькие люди» играли в послевоенных идеологических кампаниях. Их сигналы, привычные для номенклатурных будней, стали элементом и академической жизни. Среди работников науки и культуры Советского Союза (ученые, вузовские преподаватели, писатели и т.д.) таких своеобразных «маленьких людей» оказалось предостаточно. Это были мало кому известные провинциальные преподаватели, молодые специалисты, вспомогательные работники в академических институтах. Они противопоставлялись авторитетным ученым, представителям столичной интеллектуальной элиты, обросших званиями, материальными благами и, как следствие, потерявших идейную бдительность и запутавшихся в паутине личных пристрастий.

1940—1950-е гг. подарили немало примеров деятельности «маленьких людей», оказавшихся в гуще идеологических кампаний и проработок, а затем благополучно (или не очень благополучно) исчезнувших². В данной публикации хотелось бы продемонстрировать особенности феномена «маленького человека» в исторической науке на примере малоизвестного историка В.М. Подорова и студента-заочника М.Н. Перегудова. Эпизоды, связанные с ними, самым причудливым образом отложились в истории советской исторической науки, став яркими примерами особенностей развития исторической науки в эпоху «позднего сталинизма».

Начнем с Подорова. Дело в том, что имя его встречается в историографии как бы в двух измерениях. В первом случае он известен как Василий Максимович Подоров³, исследователь истории народов СССР, в особенности народа коми, биография которого прослеживается до 1945 года⁴. Во втором случае мы знаем Подарова, доцента кафедры истории СССР из г. Мытищи (неизвестного вуза), как автора письма на имя секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Суслова, направленного не только против отдельных «историков-космополитов», но и с обвинениями в адрес Министерства высшего образования СССР и Министерства просвещения РСФСР. Автор письма, датированного 10 сентября 1950 г., утверждал, что они «не обеспечивают большевистского исторического образования в вузах», и приводит ряд фактов, призванных доказать это. Публикаторы данного письма вследствие возможно закравшейся опечатки⁵ или неправильного прочтения фамилии, конечно, не смогли дать о нем какой-либо информации. Однако в своей корреспонденции он упомянул о том, что в 1946 г. был снят с работы в Удмуртском педагогическом институте. Обнаруженные нами документы о его увольнении ясно свидетельствуют — никакого Подарова в институте не существовало, а был Подоров. Таким образом, можно констатировать, что автор письма и Подоров одно лицо. Двойственность ситуации привела к тому, что ни биографы Подорова не обращаются к данному письму, ни историографы идеологической борьбы не могут ничего сказать о Подарове⁶.

Для того, чтобы разобраться в обстоятельствах, приведших Подорова к громким обвинениям в адрес союзных министров, и проанализировать его точку зрения, необходимо познакомиться с немногочисленными фактами его биографии⁷. Он родился в 1893 г. в Усть-Сысольске (уездный город Вологодской губернии, ныне г. Сыктывкар, столица Республики Коми) в крестьянской

семье. Учился в Усть-Сысольске и Вологде, откуда был призван в армию и пехотинцем попал на фронт первой мировой войны⁸. Во время Гражданской войны служил в Красной армии. После демобилизации в 1921 г. некоторое время работал в Усть-Сысольске, заведовал Облполитпросветом, но вновь был мобилизован в армию. Затем учился в МГУ. В 1927 г. — аспирант НИИ этнических и национальных культур народов советского Востока РАНИОН, где занимался историей народа коми⁹. Участвовал в деятельности Московского отделения Общества изучения Коми края, а также, после реорганизации РАНИОН, вошел в состав исторического отряда Удмуртской комплексной экспедиции НИИ народов советского Востока при ЦИК СССР под общим руководством академика Н.Я. Марра. В связи с последней работой в 1930 г. занимался выявлением материалов по истории революционного движения в Удмуртии¹⁰. В 1931 г. он состоял научным сотрудником II разряда Института по изучению народов СССР АН СССР (ИПИН)¹¹ и преподавал в Институте народов Севера в Ленинграде.

В 1931 г. Подоров вернулся в Сыктывкар, где с 1932 г. преподавал в только что созданном местном Коми пединституте на филологическом (общественно-литературном) факультете¹². Опубликовал монографию «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)» (Сыктывкар. 1933). По верному замечанию А.И. Терюкова, «если рассматривать работу с методологической точки зрения, то В.М. Подоров был типичным представителем господствовавшей в то время марксистской формационной теории, согласно которой все народы проходят один эволюционный путь от первобытно-общинного строя до социализма. Поэтому он рассматривает историю коми народа сквозь призму смены этих формаций». После отъезда из Сыктывкара в 1935—1937 гг. Подоров работал в Институте национальностей, в 1937 г. — в Государственном издательстве социально-экономической литературы в Москве. С 1938 г. — был старшим научным сотрудником Казахстанского филиала АН СССР в Алма-Ате. В 1939 г. он вернулся в Москву и стал работать по договору в Институте истории АН СССР. В октябре 1941 г. он — научный сотрудник Коми научно-исследовательского института языка, литературы, фольклора и истории. В мае 1942 г. его призвали в армию, откуда он вернулся в 1944 г. и был зачислен в только что созданный сектор языка, письменности, литературы и истории Коми Базы АН СССР в республике Коми¹³.

На тот момент он имел ученое звание доцента. Тема его исследований обозначалась как «Народы Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Он разработал эту тему и предоставил рукопись объемом 20 авторских листов за один год. Быстрое по времени выполнение данной работы наводит на мысль об использовании автором своей прежней монографии.

В августе 1945 г. Подоров уволился из Коми Базы и уехал в Москву, а с 10 августа 1946 г. стал доцентом кафедры истории СССР Удмуртского пединститута¹⁴. Но его преподавательская карьера здесь оказалась короткой. Уже в сентябре того же года заведующий кафедрой написал докладную записку, в которой утверждал, что Подоровым «были допущены грубейшие ошибки методологического и методического характера». Спустя некоторое время Подоров указывал, что был уволен из-за несогласия с концепцией древнейшей истории России, предложенной Б.Д. Грековым. Согласно записке, увещевания со стороны коллег по кафедре не возымели действия, и Подоров был освобожден от должности и уволен из института с 17 сентября 1946 года¹⁵.

После этого следы Подорова на время теряются. Но череда погромных идеологических кампаний сначала по борьбе с «буржуазным объективизмом», а затем и «безродным космополитизмом», напрямую затронувших и историческую науку, стала хорошим стимулом для «пробуждения» активности Подорова,

а лозунги борьбы с авторитетами и клановостью, сопровождавшие кампании, были в данном случае ему на руку. Вновь он появился уже как автор упомянутого разгромного письма, предназначенного для Отдела науки ЦК, и направленного против директора Института истории АН СССР Грекова, а также Министерства высшего образования СССР и Министерства просвещения РСФСР. Уверенности ему придавало то, что в 1948 и 1949 гг. массовая и научная печать СССР наглядно вскрыла «ошибки» и «недостатки» в работе возглавляемого Грековым Института истории АН СССР.

В чем же состояли, по мнению Подорова, факты «вредительской» работы Министерства высшего образования и Министерства просвещения? В первую очередь, «работники этих министерств» допускали «антимарксистские концепции в учебниках, оказались во власти влияния этих концепций и внедряли их в жизнь во всех учебных заведениях страны путем допущения этих учебников в вузы и специальных циркулярных предписаний». Речь идет об учебниках по вопросам биологических наук, которые «были засорены буржуазными теориями морганов, вейсманов и других буржуазных ученых зарубежных стран», по филологическим наукам, которые «составлялись с точки зрения “новой языковой теории” академика Марра»¹⁶, объявленной Сталиным «идеалистической, буржуазной», и, наконец, по историческим наукам. Утверждалось, что «составление учебника по истории СССР для 1 курса было поручено академиком из быв[ших] кадетов, националистов. Этот учебник, выпущенный в 1939 г., был раскритикован. Авторский коллектив 2-го издания 1947 г. этого же учебника был оставлен старый. Теперь намечено 3-е издание этого же учебника и, как это ни странно, поручено это сделать старому же автору и редактору учебника издания 1939 и 1947 гг. акад. Грекову, который уже дважды давал антимарксистский учебник. Согласиться с этим решением значило бы в третий раз обмануть наших студентов и вместо ожидаемого ленинско-сталинского учебника по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века дать им грековский учебник, не имеющий ничего общего с марксизмом-ленинизмом, представляющий собой букет всяких вражеских теорий, вплоть до космополитических и фашистских». И далее: «Поддерживая Грекова и его антимарксистские взгляды на целый ряд вопросов истории СССР, Министерство высшего образования через него объективно поддерживает дворянско-буржуазных ученых, вплоть до космополитов и милюковых, теории которых бытуют в трудах Грекова, вызывая радость всех космополитов и в том числе космополита и главаря российской контрреволюции Милюкова, что если не он сам, то другие за него засоряют его, Милюкова, идеологией космополитизма мозги советских студентов»¹⁷.

Какие же теории академика Грекова, «направленные против учения Ленина и Сталина о закономерности исторического развития», поддерживало, по мнению Подорова, Министерство высшего образования? Это и пропаганда «на страницах учебника по истории СССР фашистской норманской теории, антимарксистских взглядов Покровского на целый ряд вопросов истории СССР, уже осужденных ЦК ВКП(б) под руководством товарища И.В. Сталина» и, самое главное, теории перехода славян от первобытнообщинной формации к феодальной минуя рабовладельческий строй.

Подоров акцентировал внимание на том, что «антимарксистские исторические взгляды акад. Грекова и его сторонников тщательно оберегаются от всякой критики». При этом он приводил личный пример: «Написанная мною рецензия на учебник по истории СССР, т. 1 под ред. Грекова не была напечатана в газете “Культура и жизнь”. Моя статья “Два шага назад в норманскую теорию”, в которой я вскрывал неблагополучие на историческом фронте и критиковал исторические труды Грекова, Панкратовой, Рубинштейна, Бахрушина, Базилевича, Мавродина и др., не была напечатана в “Вопросах истории”»¹⁸.

Ясно, что Подоров хотел разоблачить ненавистного ему Грекова и выбрал для этого печально известную газету «Культура и жизнь» (злые языки прозвали ее «Культура или жизнь»), игравшую ведущую роль в поиске идеологических ошибок в среде творческой и научной интеллигенции. Тот факт, что его рецензию не напечатали, говорит о том, что непосредственно Грекова, в силу его роли посредника между властью и исторической наукой, все же старались пока не трогать.

Наконец, автор письма подчеркнул следующий факт: «На все руководящие посты на фронте исторической науки назначаются сторонники Грекова. Едва ли где мы найдем какую-либо кафедру по истории СССР, где бы, скажем, во главе кафедры не стояли сторонники Грекова, или, наоборот, где бы стояли сторонники исторической концепции В.И. Ленина и И.В. Сталина. Всюду и везде в исторической науке Ленин и Сталин заменены Грековым. Теоретически обидеть этого божка — значит получить синяки и шишки». И опять Подоров привел, казалось бы, красноречивый личный пример: «В 1946 г. я был снят с работы из Удмуртского педаг[огического] ин[ститу]та только за то, что вопреки мнению Грекова утверждал и утверждаю ныне, что славяне, известные еще в VII—VI вв. до н. э. под именем ененсов, венедов, переживали рабовладельческий строй в скифский период, что Антское госуд[арство] IV в. и Волынское госуд[арство] VI в. являлись государствами рабовладельческими. Об этом свидетельствуют высокая культура славян, торговля их с греками, римлянами, классовая дифференциация, наличие рабов, городов, металлических орудий»¹⁹. Подоров не принимал теорию Грекова о переходе славян к феодализму, минуя рабовладение, наоборот видимо самостоятельно разрабатывал альтернативную точку зрения. Кажется, ни у одного историка того времени мы не находим подобных курьезных взглядов. Впрочем, сложно судить о том, насколько сам Греков был в курсе исследовательских поисков Подорова.

В итоге Подоров констатировал: «Все эти перечисленные выше факты показывают, что на фронте исторической науки неблагополучно. Такое неблагополучие — результат того, что учебники составляются людьми из быв[ших] кадетов, националистов и в прошлом связанных с антимарксистской школой Покровского, рецензии на учебники Грекова не печатались, кроме, конечно, хвалебных, а рецензии, отмечавшие отрицательные черты учебника, не допускались к печати, а кто выступал и выступает с критикой, тех снимают с работы. Если Министерству высшего образования все кажется благополучным и Греков является авторитетом для его руководящих работников, то это не означает, что в этом оно право. Скажу от души, что там работает часть людей, не имеющих специальностей (ученых степеней), что мы видели на примере издания учебников, перечисленных мною выше, способных только плестись в хвосте вражеских теорий, а не разоблачать их своевременно при составлении учебников»²⁰.

Гневное письмо Подорова, видимо, пришлось очень кстати. На его основе сотрудники Агипропа Ю.А. Жданов и В.С. Кружков составили докладную записку, которую отправили 14 декабря 1950 г. Суслову. Если Подорова не устраивало только отрицание Грековым рабовладельческой стадии в отечественной истории, то авторы записки пошли много дальше. Они обнаружили в учебнике массу других недостатков: не раскрыты закономерности исторического процесса; недостаточно показана роль масс, вместо этого основной акцент на князей и царей; не показано, что труды Ленина и Сталина являются теоретическим фундаментом советской исторической науки; нет критики «норманской теории»; обойдены исторические взгляды русских революционных демократов; не раскрыты исторические предпосылки сплочения многочисленных национальностей вокруг русского народа; взгляды Радищева освещены с позиций

космополитизма; не учтены многие археологические открытия и т.д. В связи с этим было рекомендовано опубликовать развернутую критическую рецензию на учебник и переработать его ²¹. Кроме того, по данным А.А. Формозова, «ЦК КПСС поручило Институту истории материальной культуры АН СССР дать заключение о доносе, поступившем ... от В.М. Подорова. ... Разумеется, ИИМК отверг эти обвинения. Заключение написал Б.А. Рыбаков (замеченный Грековым в ГАИМК еще в 1934 г.)» ²².

Представляется, что внимание Агитпропа к письму рядового борца с «прорывами исторического фронта» не случайно. Помимо общей атмосферы идеологических кампаний можно предположить и стремление контролирующих органов постепенно устранить с поста директора Института истории стареющего Грекова. На эту мысль наталкивает и тот факт, что в 1950 г. под руководством А.Л. Сидорова прошла проверка института, выявившая многочисленные факты ошибок в руководстве ²³. Кстати, именно Сидоров придет на смену Грекову в качестве директора. Таким образом, «маленький человек» Подоров сыграл свою роль в подготовленной Отделом естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК ВКП(б) постепенной смене руководителя Института истории. Его письмо должно было свидетельствовать о возмущении рядовых представителей научно-педагогической общественности деятельностью Грекова.

Но Подоров был не одинок в своем стремлении разоблачить авторитетных историков. Колоритной фигурой являлся студент-заочник М.Н. Перегудов (имя и отчество неизвестны), отличившийся своей непримиримой борьбой против влиятельнейших историков своего времени. Объемное дело, связанное с этим человеком, сохранилось в материалах Отдела агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б). В деле находятся письма самого Перегудова, разборы им исторических книг, а также письмо руководителя Отдела естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданова и его заместителя А.М. Румянцева на имя Г.М. Маленкова с кратким изложением всех перипетий дела и отчетом о проделанной работе.

Из материалов можно узнать, что Перегудов являлся членом ВКП(б), подполковником в отставке, студентом-заочником Московского педагогического института им. В.И. Ленина. Подробности его биографии не известны, но можно ее частично смоделировать. Скорее всего, перед нами бывший фронтовик, как и Подоров, после войны поступивший по льготному набору в вуз на исторический факультет, поскольку обучение на нем открывало перспективы работы в отвечающих за идеологию органах. Таким образом, Перегудов оказывался в советском обществе социально значимым элементом. Его необычайный энтузиазм в разоблачении крупнейших советских историков свидетельствует либо о его неумных амбициях, помноженных на большую социальную активность, либо о неуравновешенности. А, скорее всего, и о том и о другом. В этом он опять же схож с Подоровым, которого при увольнении из Удмуртского пединститута обвиняли, в том числе, в слабом владении устной русской речью, что отражалось на его лекциях и дискредитировало лектора среди студентов.

В течение 1948—1950 гг. Перегудов неоднократно писал письма о неблагоприятном положении в советской исторической науке. В частности, он обвинял академика Грекова в том, что тот «перенес в советскую историческую науку и старый груз буржуазных воззрений, которые он впитал в себя с молодых лет» ²⁴. Но особенно досталось обласканному властью крупнейшему специалисту по истории Древнего Рима Н.А. Машкину, который был обвинен в некритическом отношении к буржуазной историографии и ряде методологических ошибок, несовместимых с историческим материализмом. Обвинения, надо сказать, были вполне стандартными и вписывались в проходившие идеологические кампании борьбы против «объективистов» и «космополитов».

Такие письма не могли остаться без внимания, тем более, что Перегудов являлся бывшим военным и будущим педагогом, членом ВКП(б), то есть социально значимым элементом советского общества. Его несколько раз вызывали на собеседование, где обсуждались его претензии. Частично с его замечаниями соглашались. «Но, несмотря на то, что внешне эти беседы проходили в товарищеской обстановке, чувствовалось, что мои заявления... вызывали непонятное раздражение»²⁵, — жаловался студент. Особенно его обидело поведение историка П.Н. Третьякова, бывшего сотрудника Отдела науки при ЦК и главного редактора журнала «Вопросы истории». Раздражение сотрудников объяснить легко. Поднимать новую волну и без того бесконечных проработок, проходивших в годы борьбы с «буржуазным объективизмом» а затем и «безродным космополитизмом», никто не хотел. Цели достигались и без помощи Перегудова. Никто не хотел и конфликтовать с Грековым и Машкиным, людьми чрезвычайно влиятельными.

Все же совсем без внимания такие заявления оставить было нельзя. Перегудову разрешено было опубликовать статью под названием «Вопросы исторического материализма в учебниках по истории» в журнале «Вестник высшей школы». Более того, «в связи с поступившими критическими замечаниями Отдел науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б) рекомендовал дирекции Института истории, редакциям журналов “Вестник древней истории” и “Вестник высшей школы” обсудить учебники по истории древней Греции и Рима»²⁶.

«Правдоискатель» этим не удовлетворился и написал новое письмо в Отдел агитации и пропаганды, датированное 28 августа 1952 года. В нем он возмущался тем, что активно критикуемый им Машкин получил (правда, посмертно) Сталинскую премию за монографию «Принципат Августа». На этот раз досталось и Третьякову, который, как выяснилось, «остается неразоруженным марристом»²⁷.

Чем закончилась активность «маленького человека» Перегудова документы не сообщают. Скорее всего, смерть Машкина (1950) и Грекова (1953) охладила его пыл. Может быть, случилось что-то еще.

Итак, два примера деятельности «маленьких людей» наглядно демонстрируют сразу несколько особенностей функционирования исторической науки эпохи «позднего сталинизма». Во-первых, то, что к сигналам, идущим от них, вынуждены были прислушиваться контролирующие органы, даже если (как в случае с Перегудовым) этого не хотелось. Во-вторых, именно «маленький человек» играл роль идеологического саморегулирования системы, когда даже рядовой «боец исторического фронта» мог указать ученому-мэтру на его ошибки, а высшие инстанции должны были разобраться, кто прав, а кто виноват. Ясно, что такие «маленькие люди» и их доносы только добавляли нервозности в жизнь сообщества профессиональных советских историков, и без того крайне напряженную. В-третьих, идеологические обвинения активно использовались для продвижения собственной концепции. Пусть «маленькие люди» здесь не самый показательный момент, но даже на низовом уровне идеологические кампании использовались для борьбы с конкурентами.

Активность «маленьких людей» в исторической науке была разбужена непрекращающимися идеологическими кампаниями, одним из главных лозунгов которых были призывы к смелой критике вышестоящего начальства и борьбе с клановостью и семейственностью. Отнюдь не случайно, что именно в последние годы правления Сталина описанный типаж «разоблачителей» проявился наиболее ярко и активно.

Примечания

1. ЛЕЙБОВИЧ О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М. 2009, с. 148. См. также: САХАРОВ А.Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории. В кн.: САХАРОВ А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М. 2004, с. 843—848.
2. См.: ТИХОНОВ В.В. Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке. В кн.: История и историки: историографический вестник. 2011—2012. М. 2013, с. 108—124.
3. В каталогах Российской национальной библиотеки В.М. Подоров почему-то фигурирует как Василий Максимилианович, хотя во всех известных нам источниках его отчество однозначно Максимович.
4. ТЕРЮКОВ А.И. История этнографического изучения народов коми. СПб. 2011, с. 394.
5. Вероятнее всего, произошла опечатка, поскольку использовавшая те же фонды Н.А. Горская в своей книге упоминает фамилию Подорова правильно. См.: ГОРСКАЯ Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М. 1999, с. 175.
6. ДУБРОВСКИЙ А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск. 2005, с. 655; ФОРМОЗОВ А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М. 2006, с. 177; ГОРСКАЯ Н.А. Ук. соч., с. 175.
7. Основные биографические сведения взяты из книги А.И. Терюкова, с некоторыми дополнениями.
8. Эти сведения взяты из картотеки «Побежденные, но незабытые», посвященной вологжанам — участникам первой мировой войны: <http://vologda-1914.ru/>.
9. ПОДОРОВ В.М. Наказы крестьян коми по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии 1767 года. Записки Общества изучения Коми края. Усть-Сысольск. 1929, № 2, с. 35—47.
10. ЧУРАКОВ В.С. Фольклорно-лингвистические и археолого-этнографические экспедиции, работавшие среди Удмуртов в 20-е — 30-е годы XX века. — ИДНАКАР. 2014, № 2 (19).
11. Личное дело В.М. Подорова. Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал, ф. 4, оп. 004, д. 1708.
12. МАЛКОВА Т.А. М.А. Сахарова и Н.А. Колегова: начало пути в науку. — Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы: Сб. научных статей международной научной конференции. Сыктывкар. 2013, с. 20.
13. Там же, с. 14, 21.
14. Архив Удмуртского государственного университета. Книга приказов Удмуртского государственного педагогического института за 1946 г., л. 55.
15. Там же, л. 91—92.
16. Докладная записка Агитпропа ЦК М.А. Сулову об учебнике для вузов «История СССР» (т. 1). 14 декабря 1950 г. В кн.: Сталин и космополитизм 1945—1953: Документы. М. 2005, с. 613.
17. Там же, с. 613—614.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же, с. 614—615.
21. Там же, с. 612—613.
22. ФОРМОЗОВ А.А. Ук. соч., с. 177.
23. Отчет о проверке: Научно-исследовательский Отдел рукописей РГБ (НИОР РГБ), ф. 632 (Сидоров А.Л.), к. 80, ед.хр. 5.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 133, ед. хр. 295, л. 6.
25. Там же, л. 3.
26. Там же, л. 13.
27. Там же, л. 8.

Роль Советского Союза в создании системы здравоохранения Монголии

Д. Лувсанцэрэнгин, С.А. Филин

Аннотация. Целью публикации является выявление характера становления и развития в Монголии современной системы здравоохранения. Новизной работы является выявление механизма спиралевидного развития монгольской и тибетской медицины в Монголии посредством перехода государственной системы здравоохранения на европейский тип развития с последующим возвращением к использованию достижений народной медицины на новом уровне, как в СССР, так и в Монголии.

Ключевые слова: здравоохранение, история оздоровления населения Монголии и Бурятии, тибетская медицина, инфекционные заболевания, подготовка врачей.

Abstract. The purpose of publication is formation and development in Mongolia of modern health system. Novelty of article is identification of the mechanism of spiral development by means of transition of its state health system to the European type of development with the subsequent return to use of achievements of the Mongolian and Tibetan medicine at the new level in the USSR and Mongolia.

Key words: health care, history of improvement of the population of Mongolia and Buryatia, Tibetan medicine, infectious diseases, training of doctors.

Взаимодействие Руси и Монголии в оказании врачебной помощи восходит еще к XIII в., когда хан Золотой Орды (1255—1266) ¹ Берке ² позвал епископа Ростовского Кирилла исцелить его заболевшего сына. Епископ перед отъездом из Ростова отпел молебен у раки святого Леонтия и, освятив воду, взял ее с собой в Орду. Окропив святой водой ханского сына и прочитав молитву, епископ, обратившись к хану, сказал: «Выживет твой сын и станет таким же сильным, как ты». Ребенок выздоровел, а Берке распорядился, чтобы с этой поры вся дань, собираемая с Ростова, шла в Ростовский Успенский собор ³.

Лувсанцэрэнгин Дугаржав — доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Улан-Баторского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Монголия. E-mail: pl.dugar@yahoo.com; *Филин Сергей Александрович* — доктор экономических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: safilin@mail.ru.

Luvtsantserengiyn Dugarzhav — doctor of historical sciences, professor, deputy director at the Ulan Bator branch of the Russian Economic University named after G.V. Plehanov. Mongolia. E-mail: pl.dugar@yahoo.com; *Filin Sergey A.* — doctor of economics, professor at the Russian Economic University named after G.V. Plehanov. E-mail: safilin@mail.ru.

Специальных медицинских школ в Монголии не было, но в отдельных крупных монастырских институтах ламы кроме богословия изучали астрологию (включала религиозное учение о миротворении, искусство составления календаря и вычисления сроков затмений, способов гадания и определения прошлого и будущего) и медицину. На 1-й ступени лекарское дело учащиеся изучали параллельно с богословием. Однако на 2-й ступени ⁴ происходила специализация: для будущего эмч (лекаря) курс общего богослужения становился необязательным предметом. Преподавали тибетскую медицину по книгам и на основании личного опыта «учителя».

Дацаны в Бурятии стали своеобразными университетами, в которых была принята система обучения, основанная на классификации средневековых знаний на «пять больших наук» (религиозная философия, грамматика, тибетская и монгольская медицина и технология искусств и ремесел) и «пять малых наук» (поэтика, стилистика, метрика, танцы с музыкой и астрология). В Цугольском дацане под руководством монгольского ламы Чой-манрамбы в 1869 г. началось изучение индо-тибетской медицины, которое затем распространилось и в других местах России. Были открыты специальные школы с манба (медицинским), цаннидским (философским) и чжуд (мистическим) факультетами. Наиболее способные и отличившиеся выпускники защищали ученые степени гэбши и габжжу ⁵.

Монголия к 1911 г. являлась крайне отсталой провинцией китайской империи Цин, находившейся на грани полного обнищания и разорения. Более чем 220-летнее господство манчжуро-китайской, а впоследствии китайской империи губительно отразилось не только на материальных условиях жизни монгольского народа, но и на его физическом состоянии. В 1920-х гг. о монголах писали как о вымирающей нации, испытывая при этом скрытое удовлетворение от того, что Монгольская империя, 700 лет назад завоевавшая половину мира, так бесславно заканчивает свою историю. В 1915 г. в Монголии проживало 542 504 чел. ⁶, не было системы здравоохранения и светской школы, большинство населения и скот (13 млн голов) страдали инфекционными заболеваниями.

4 февраля 1921 г. Урга была освобождена 1-й конной бригадой российско-го генерала Р.Ф. Унгерна от китайских войск. Была провозглашена независимость Монголии. Унгерн организовал очистку Урги, установил в городе дисциплину и порядок. Торжественная церемония повторного возведения Богдо-гэгэна VIII на трон великого хана Монголии состоялась 22 февраля, а в начале марта 1921 г. Богдо-хан сформировал правительство Автономной Внешней Монголии. Несмотря на фактическую изоляцию, в этот период в Монголии были предприняты попытки осуществления ряда прогрессивных мер: открыты военная школа в Урге, национальный банк, наблюдалось развитие здравоохранения, административной системы, промышленности, связи, сельского хозяйства, торговли ⁷.

Однако предпринятые меры по улучшению здравоохранения были явно недостаточными. Так, в городах больные венерическими заболеваниями составляли около 90%. В Бурят-Монгольской АССР в 1924—1925 гг. сифилис составлял около четверти всех зарегистрированных случаев инфекционных заболеваний. Собранные к 1925 г. советскими венерологическими отрядами данные о масштабах распространения инфекции свидетельствовали о ситуации, близкой к катастрофе. В докладе представителя Бурнаркомздрава В.Н. Жинкина указывалось, что количество больных сифилисом в Бурят-Монгольской АССР, возможно, превышало 200 тыс. чел. (почти половина населения) ⁸.

Вырождение и исчезновение монголов и бурят принципиально противоречило целям политики СССР. Народные комиссариаты здравоохранения (Наркомздрав) и просвещения, агитаторы разных уровней и специалисты-медики

вели среди местных жителей активную пропаганду здорового образа жизни, личной и общественной гигиены, говорили о вреде употребления спиртного и т.д.⁹ Агитационные материалы переводились на бурятский и монгольский языки, а для неграмотных, составлявших в то время основную часть населения, информация представлялась в наглядном виде — через привычные лубки и красочные плакаты. В газетах, средствах наглядной агитации и печатных материалах европейская медицина представлялась в виде единственного спасения от инфекционных болезней¹⁰.

Советское правительство прибегло к помощи ведущих мировых специалистов. Так, в начале июня 1928 г. советско-германская экспедиция в с. Кульск Хоринского аймака выявила большое количество больных. Работа продолжалась в течение 3 мес., медицинский персонал был обеспечен приобретенной за золото современной германской медицинской техникой, в том числе новейшей рентгеновской установкой. В день принималось и осматривалось 150—200 чел., подавляющее большинство которых составляли буряты. Больные быстро шли на поправку. Возвращаясь в улусы, они разносили молву о чудодейственном лечении европейских врачей, и больные прибывали в Кульск с надеждой на излечение даже из улусов, находившихся на расстоянии 500 верст¹¹.

В военный госпиталь в Монголии в 1923 г. приехал работать П.Н. Шаштин — первый российский врач, которого официально пригласило Правительство Монголии. Для оздоровления населения Наркомздрав посылал в МНР экспедиции в 1926—1929, 1933 и 1936—1937 годах. В г. Улан-Баторе в 1926 г. начали функционировать небольшая больница и амбулатория, в которой прием вели два врача. Постоянные европейские медицинские пункты (ЕМП) были организованы в 1928 г. в Баин-Тумен-Хан-Уле (Самбейсе) и Алтан-Булаке. Число подобных пунктов к 1930 г. достигло 8, а к началу 1931 г. — 25. С 1929 г. Министерство здравоохранения МНР пригласило советника по вопросам организации дела охраны здоровья населения. Число амбулаторных посещений (округлено) в Улан-Баторе составило: 1925 г. — 2500 чел.; 1926 — 18 000; 1927 — 20 000; 1928 — 50 000; 1929 — 82 000; 1930 г. — 135 000 чел.; число лиц, находившихся на излечении в больнице: 1925 г. — 26 чел., 1926 — 564, 1927 — 39, 1928 — 791, 1929 — 2316, 1930 г. — 5000 человек. Среднемесячная посещаемость ЕМП в 1930 г. была: в Алтан-Булаке — 1800 чел., Баин-Тумен-Хан-Уле — 2500, Ундурхане — 1500, Цецерлике — 2000 человек.

В Монголии регистрация инфекционных заболеваний в этот период проводилась только в Улан-Баторе. Здесь было зарегистрировано (за март 1928 — октябрь 1929 г.) на 60 000 населения: скарлатины — 164; свинки — 144; оспы ветряной — 131; дизентерии — 98; крупозного воспаления легких — 97; кори — 70; оспы натуральной — 46; тифа брюшного — 41; коклюша — 39; рожи — 28; дифтерии — 4; чумы — 2; краснухи — 2; сибирской язвы — 1 случай. В 1930 г. имели место эпидемии кори и ветряной оспы среди школьников.

Особое место занимали вспышки чумных эндемий. Например, в 1926 г. в районе Ундурхана погибло 23 чел., в 1928 г. в районах Ундурхана, Мишиг-Гуна и в самом Улан-Баторе — 2, в 1929 г. в районе Ундурхана — более 20 человек.

На организацию новой психиатрической больницы, ремонт стационара в Улан-Баторе и строительство больниц во всей МНР в 1930 г. было израсходовано около полумиллиона тугриков¹². К концу 1930 г. в МНР функционировали 2 больницы в Улан-Баторе (общая на 300 коек с отделениями: хирургическим, терапевтическим, инфекционным, детским, родильным, глазным и туберкулезным, а также психиатрической на 80—100 коек); в Баин-Тумен-Хан-Уле — общая участковая на 30 коек, в Ундурхане — на 15, в Алтан-Булаке — на 30, в Цецерлике — на 30, в Улясутае — на 15, в Кобдо — на 15, в Уланкоме — на 10, в Ван-Курене — на 5 коек.

В Улан-Баторе были организованы: дом ребенка на 25 детей, детская консультация, молочная кухня и ясли. В крупных ЕМП появились детские консультации, в Алтан-Булаке — ясли.

Было введено также обязательное оспопрививание. Так, в 1930 г. около 20 прививочных отрядов работали в центральных районах Монголии, были созданы: санитарный надзор (1 врач) в Улан-Баторе, санитарные городские, районные и поселковые советы, работавшие под руководством врачей; были приняты правительственные санитарные законоположения и обязательные постановления.

Возрастание численности населения МНР в 1925—1926 гг. объяснялось улучшением статистического учета, в 1927—1928 гг. — проводимыми мероприятиями по оздоровлению монгольского населения. Оно увеличивалось следующими темпами: 1924 г. — 546 тыс. чел., 1925 — 651,7, 1926 — 683,9, 1927 — 698,7, 1928 — 710,5 тыс. человек ¹³.

Также необходимо отметить помощь СССР в этот период в защите скота в Монголии от инфекционных заболеваний. Ветеринарный надзор в стране начал осуществляться с 1923 г., когда от чумы погибали целые стада крупного рогатого скота. Была организована Сангинская противочумная станция (в 18 км от Улан-Батора), преобразованная к 1930 г. в Научно-исследовательский и практический институт. По всей МНР в 1930 г. функционировало 32 ветеринарных пункта (из них — 8 врачебных, 15 фельдшерских и 9 карантинных). Выработка прививочных материалов в Сангине в 1930 г. достигла 600 тыс. доз вакцины против оспы овец, 400 тыс. доз против сибирской язвы, 50 тыс. доз противочумной сыворотки, 20 тыс. доз сыворотки против сибирской язвы и 1500 доз антирабической эмульсии ¹⁴. К 1935 г. планировалось организовать по всей МНР: по медицинской сети — 46 врачебных и 16 фельдшерских пунктов; по ветеринарной сети — 18 врачебных и 52 фельдшерских пункта ¹⁵.

С помощью российских врачей в 1940 г. Монголия стала первой страной в Азии, где удалось победить оспу. Одно из последних сражений с чумой произошло в Монголии в августе 1945 г. во время войны с Японией. Начальник советского противочумного отряда в г. Дзапхин, врач Любовь Сергеевна Соболева, 10 дней одна с риском для жизни спасала от чумы оставшегося сиротой маленького монгольского мальчика... ¹⁶

Из 8 членов семьи скотовода-арата Бабу в результате заболевания чумой от тарбагана ¹⁷ («Тарбагун Тахлым») в живых остались 19-летний Наянта и 3-летний Увгун Бургут («Степной орел»). Их изолировали друг от друга и немедленно приступили к лечению. Однако Наянта был уже безнадежен и вскоре умер, а малыш исчез. Когда Соболева нашла его, он спал, закрывшись дели (национальный монгольский костюм), на трупе Наянты. Видимо, он замерз и прокрался к нему, когда у того еще был жар. Кроме Соболевой, все члены отряда были убеждены в неизбежной гибели ребенка. Но Любовь Сергеевна, за свою 3-летнюю противоэпидемическую работу в Монголии в 1944 г. награжденная высшей монгольской наградой для иностранцев — орденом «Полярная звезда», приказала построить 2 юрты (для мальчика и для себя) и осталась с ребенком в изоляции.

Мальчик был в ужасе от «белого чудовища» (так он воспринимал Соболеву, которая не могла нарушить противочумный режим и закрывала лицо маской и очками) и отчаянно сопротивлялся, когда врач купала его в растворе сулемы или делала уколы. К тому же Соболева не знала монгольского языка и не могла успокоить ребенка. Вскоре мальчик заболел легочной чумой, но врач продолжала усиленное лечение.

С каждым новым днем в ее душе росла надежда на спасение ребенка, и на 6-й день его состояние стало улучшаться. Когда мальчику стало настолько

хорошо, что он мог сидеть, Соболева у входа в юрту сняла с лица маску. Мальчик обрадовался, хохотал и хлопал в ладоши. «Я — Соболева», — говорила она, указывая на себя пальцем. — «Я — Соболева!». Он смеялся, повторяя ее имя. Так они познакомились.

В течение карантина Соболева держала связь со своим отрядом через лежащий в 100 м от ее юрты огромный камень, под который она клала записки и рецепты, смоченные сулемой. Два раза в день монголы приходили к камню, натыкали на ружья записки и отвозили их в отряд, а утром все, что она просила, уже лежало на камне. На этот камень два раза в день ей привозили пищу, лекарства и сладости для малыша.

Когда мальчик стал поправляться, Соболева написала записку с просьбой заказать для Увгуна на ее деньги дели из светло-синего шелка, желтый шелковый кушак, ичиги и лисью шапку. Ей хотелось, чтобы мальчик, победивший чуму, предстал перед людьми нарядным и красивым. На 10-й день им принесли одежду. Соболева, держа мальчика за руку, поднялись на гору, Там их ожидали медперсонал и монголы. Она с каждым здоровалась по монгольскому обычаю: клала свои руки на протянутые руки монголов и говорила: «Байэрла». Некоторые целовали край ее одежды. Все радовались чудесному исцелению мальчика. Соболева отдала его в бездетную семью Чарга. По монгольским законам к фамилии спасенного человека прибавляется фамилия его спасителя, и фамилия маленького Увгуна стала Увгун Бургут-Соболев.

За спасение монгольского ребенка Любовь Сергеевна была награждена орденом Сухэ-Батора. На торжественном приеме 9 января 1964 г. в Монгольском посольстве в Москве, устроенном в ее честь, присутствовал и ее монгольский сын Увгун Бургут-Соболев¹⁸ (в то время уже врач, заведующий больницей в Халхин-Голе).

Во всех аймаках в 1952—1956 гг. работали отряды советских врачей по лечению венерических заболеваний. Второй отряд — по лечению туберкулеза — действовал в 1958—1960 годах. Эти отряды фактически полностью вылечили монголов.

Монголия в 1920-е гг. крайне нуждалась в профессиональных и образованных кадрах, в первую очередь нужны были руководящие работники, учителя, врачи и военные. В учебных заведениях СССР была начата работа по подготовке национальных кадров для партийного и государственного аппарата, армии, отраслей народного хозяйства, здравоохранения и культуры, которая с каждым годом расширялась. В подготовке специалистов для МНР большую роль сыграл открытый в 1930 г. Улан-Удэнский рабочий факультет для обучения молодежи из Монголии. Поступавшие на рабфак набирались из числа учащихся начальных и неполных средних школ Монголии и прошедших курс Улан-Баторской подготовительной школы. Учебный план рабфака был составлен с таким расчетом, чтобы учащиеся по окончании двух курсов могли поступить в советские техникумы, а затем — в вузы. Курс обучения длился четыре года. Монголрабфак располагал хорошей материальной базой: учебным корпусом, общежитием и другими необходимыми помещениями. Студенты бесплатно получали пособия, учебники и литературу. Занятия вели хорошо подготовленные преподаватели, такие, как С.А. Хамаганова, Д.А. Абашеев, А. Аюрзанав, Н.Ц. Дабжаев, К.А. Олзоев, А.П. Чайванэ, Б.Б. Шагдыров и многие др. В 1930—1940 гг. рабфак окончили свыше 400 человек. Многие из них получили высшее образование в вузах СССР и работали врачами, инженерами, учителями, занимали видные партийные и государственные посты в МНР.

Знаменательным событием в истории монгольского народа явилось открытие 5 октября 1942 г. в Улан-Баторе с помощью СССР Монгольского государственного университета — первого национального вуза. В нем начали

обучение около 100 студентов на трех факультетах: педагогическом, медицинском и сельскохозяйственном.

Тибетская медицина до 1930 г. имела в МНР статус государственной и субсидировалась из государственного бюджета. Врачебные обязанности выполнялись ламами («эмчи»), часть из которых окончила особые «медицинские» школы при крупнейших монастырях, часть вела лечебную деятельность без специальной подготовки на основе личного опыта. В основе тибетской медицинской науки лежит учение о пульсе, исследование которого является основным объективным критерием в постановке диагноза. Лечение сводится к лекарственному воздействию, гигиеническим и диетическим советам. Лекарства (так называемые «задачки») представляют собой измельченные в ступе корни, листья, ягоды, цветы, плоды, кору, древесину, раковины, камни, отдельные органы животных, птиц, насекомых и пресмыкающихся и т.п. Лечение носит схоластически-симптоматический характер. Однако методы и лекарства, используемые в Тибетской медицине, оказались неэффективными при лечении опасных инфекционных заболеваний. Поэтому Постановлением 6-го Великого Хурала (начало 1930 г.) все тибетские медицинские пункты были сняты с государственного бюджетного финансирования, и бюджетные средства расходовались только на ЕМП.

Тем не менее, тибетская медицина была и остается эффективной при лечении многих заболеваний. Так, однажды Г.К. Жуков попросил у монгольских товарищей помощь в лечении инсульта: «У вас ведь хорошо развита тибетская медицина». В то время в Москве находился известный монгольский врач Хайдов, защищавший докторскую диссертацию. На даче Жукова Хайдов внимательно выслушал его и сказал, что «стопроцентной гарантии нет», но подобрать лекарство можно. Хайдов передал в Монголию заказ на изготовление лекарства, которое вскоре доставили вместе с переведенной на русский язык инструкцией. Каждый раз, встречаясь впоследствии с военным дипломатом, участником Великой Отечественной войны, гражданином Монголии Ц. Содномдаржаа¹⁹, Георгий Константинович с улыбкой говорил: «Помогает...». По поручению Ю. Цеденбала в Москву в 1971 г. отправили народного целителя Р. Биханза. Тот не просто помог Жукову, он полностью победил недуг, а затем еще целое лето проводил лечение родственников членов Политбюро ЦК КПСС. В настоящее время семья Биханза живет в Улан-Баторе.

В последние годы сотрудничество России и Монголии развивается по многим направлениям. В частности, в Санкт-Петербурге, Новосибирске и Улан-Удэ начали работу филиалы монгольского центра традиционной монгольской медицины²⁰. Между Российской академией медицинских наук и Академией медицинских наук Монголии подписан меморандум о научном сотрудничестве. В соответствии с соглашением между Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Министерством образования, культуры и науки Монголии, в 2012 г. был проведен конкурс 11 исследовательских проектов, в том числе в области генетики.

Известный писатель Монголии Л. Тудэв, размышляя о монголо-российском сотрудничестве, писал: «При помощи России за короткий исторический срок монголы стали управлять паровозом, самолетом, электричеством, создали отечественную промышленность, внедрили земледелие, освободились от заразных болезней, оздоровили нацию. Создали национальное профессиональное искусство — музыку, кино, литературу. Положительные результаты этого сотрудничества подтверждают как сегодняшнее развитие монголов, так и состояние страны в целом»²¹. В свою очередь, тибетская медицина была и остается востребованной в России.

Примечания

1. Улус Джучи (Улу Улус) — «Великое государство».
2. В русских летописях — Беркай (1209—1266), 3-й сын Джучи, внук Чингисхана, брат хана Батыея. Советская историческая энциклопедия. М. 1973—1982.
3. Жития святых. Преподобный Пётр, царевич Ордынский. <http://www.zhitija.ru/index.php?x=wiwod&t=stat&y=909>.
4. Обучение в монастырской школе в Монголии можно разделить на 3 ступени: низшую, среднюю и высшую. На начальной ступени обучение длилось 7—8 лет. В течение первых 3-х лет учеников обучали чтению молитв на тибетском языке, в последующие 3—4 года — богослужению. Занятия велись индивидуально, учитель-лама занимался с каждым учеником в отдельности. Заучивание наизусть текста молитвы было единственным методом обучения. Продолжительность обучения на 2-й ступени составляла 10 лет. На этом этапе расширялся объем и количество изучаемых дисциплин. Вводилось толкование молитв, изучение простейших религиозных догматов, начала философии. Обычно применялся групповой метод обучения. Учащиеся делились на группы по 10—20 человек. Группу обучали 1 или несколько учителей. В конце каждого учебного года проходили экзамены. Хотя основным методом обучения оставалось заучивание текстов, на занятиях часто велись диспуты и споры. Срок обучения на высшей ступени составлял 20 лет. В круг учебных дисциплин входили поведенческая мораль, богословие, философия, история религии и т.д. Слушатели должны были знать наизусть 5 томов по 700 стр. каждый. Ламы вели между собой диспуты на богословские темы. По окончании курса лама сдавал экзамен и получал звание гаджи (религиозная степень). Наиболее одаренные продолжали совершенствоваться в различных специальных направлениях, изучая отдельные вопросы теологии, философии, и, завершив курс, получали титул агримба (религиозная степень).
5. Приравняются к ученым званиям кандидатов и докторов наук. Буддизм. <http://www.baikaltravel.ru/about/religion/buddhism>.
6. МАЙСКИЙ И.М. Монголия накануне революции. М. 1959.
7. Легендарный барон. Известные страницы Гражданской войны. М. 2005, с. 67—69.
8. К вопросу о распространении сифилиса в Бурятии. Доклад доктора В.Н. Жинкина. Национальный архив Республики Бурятия (НА РБ). ф. Р-661, оп. 16, д. 1, с. 150, 153.
9. Доклад представителя БМАССР при Президиуме ВЦИК Ченкирова и заместителя наркома здравоохранения БМАССР Жинкина. 10.03.1926. НА РБ, ф. Р.-665, оп. 16, д. 1, л. 154—154об.; Бурят-монгольская правда. 2.02.1928.
10. Там же. 4.02.1928.
11. Доклад доктора В.Н. Жинкина. НА РБ, ф. Р-661, оп. 16, д. 1, с. 218.
12. 1 тугрик равен 1 рублю.
13. БАЕВСКИЙ И. О пятилетнем плане развития народного хозяйства и культуры МНР. — Хозяйство Монголии. 1929, № 5(18); БАРЕНБОЙМ С., ТУРИНА А. К вопросу об Охматмладе в МНР. — Там же. 1928, № 4(11); БОТВИННИК Е. К вопросу о путях развития народного хозяйства МНР. — Там же. 1929, № 4(17); ХАЙН-Х, БАЕВСКИЙ И. Вопросы организации здравоохранения в МНР. — Там же. 1930, № 1(19).
14. НАНЗАТ ОТУЛОВ К. Предварительные итоги учета населения и скота за 1927 и 28 годы. — Там же. 1930, № 1(19).
15. БАЕВСКИЙ И. Пятилетний план развития здравоохранения МНР. — Там же. 1930, № 2(20).
16. Доктор Соболева. <http://tamza.com/abrab/Auerbach/Auerbach22.htm>.
17. Причина чумных заболеваний — степные грызуны, так называемые тарбаганы, являющиеся носителями чумных палочек.
18. Авторы данной работы встречались накануне дня Великой Победы над фашистской Германией в мае 2013 г. в Улан-Баторском филиале ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» с Увгун Бургут-Соболевым, где он рассказывал студентам об этой истории, а также российско-монгольском братстве, взаимопомощи и взаимовыручке.
19. ИВАНОВА О. Ц. СОДНОМДАРЖАА: «Мои встречи с Г.К. Жуковым незабываемы». — Международная жизнь. 6.05.2011.
20. Протокол XIV заседания Российско-Монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Улан-Батор. 20.07.2010.
21. БАЛХААЖАВ Ц. Соседи и дружба. — Новости Монголии. 15.10.2010.

События 20 августа 1914 г. под Гумбинненом — бой или сражение?

Г.В. Кретинин

Аннотация. В публикации рассмотрен концептуальный вопрос о тактическом, оперативном и стратегическом значении боев под Гумбинненом 20 августа 1914 г., а также оценка их политической и военной роли для первой мировой войны, данная российскими генералами-современниками.

Ключевые слова: первая мировая война, Восточная Пруссия, Н.А. Епанчин, А.П. Будберг, Н.Н. Головин, бой, сражение, операция.

Abstract. The publication deals with the issue of tactical, operational and strategic significance of fights near Gumbinnen on the 20th of august 1914, estimation of their political and military role for the First World War by the Russian generals-contemporaries.

Key words: First World War, East Prussia, Gumbinnen, N.A. Epanchin, A.P. Budberg, N.N. Golovin, fight, battle, operation.

Первые упоминания о том, что под Гумбинненом 20 августа 1914 г. (даты приводятся по новому, а в сочинениях Н.А. Епанчина и А.П. Будберга — по старому стилю) произошло сражение между российскими и немецкими войсками, в российской историографии появились в начале 20-х гг. XX в. в работах Л.А. Радуса-Зенковича и в «Стратегическом очерке войны 1914—1918 гг.»¹. И если Радус-Зенкович, по сути, вводя в оборот термин «сражение», все же иногда допускает его подмену термином «бой», то составитель «Стратегического очерка» Я.К. Цихович дает однозначное определение происшедшему 20 августа под Гумбинненом — «сражение».

Это противоречие более рельефно оформилось в работах Епанчина и Будберга — известных генералов русской армии, после гражданской войны оказавшихся в эмиграции. Судьба свела их в начальный период первой мировой войны, во время второго наступления русской армии в Восточную Пруссию 1914—1915 годов.

Генерал от инфантерии Николай Алексеевич Епанчин (1857—1940) получил блестящее военное образование: его фамилия была занесена на мраморную

Кретинин Геннадий Викторович — доктор исторических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград. E-mail: gvkretinin@gmail.com.

Kretinin Gennady V. — doctor of historical sciences, professor of the Baltic Federal University named after I. Kant. Kaliningrad. E-mail: gvkretinin@gmail.com.

доску выпускников 1-го военного Павловского училища, закончил академию Генерального штаба по первому разряду (по нынешним меркам — диплом с отличием), проявил склонность к научным исследованиям. Занимался подготовкой военных кадров для российской армии ².

Следует отметить, что Епанчин принял участие в боевых действиях лишь однажды: воевал с турками в 1877—1878 годах. Незадолго до войны он был назначен командиром дивизии, а в 1913 г. получил под свое начало III армейский корпус, с которым в августе 1914 г. участвовал во вторжении в Восточную Пруссию. После неудачных боев в феврале 1915 г. попал в опалу, был уволен из армии, в 1917 г. возвращен на военную службу, но в боевых действиях участия уже не принял. Написал объемные мемуары о своей жизни и военной службе ³.

Епанчин в своих воспоминаниях, естественно, отмечает свою ведущую роль, особенно в принятии решения о переходе в наступление, а затем и о преследовании отступающего противника 7 августа 1914 г. под Гумбинненом.

Симптоматично, что в тексте, относящемся к описанию событий начального периода войны, автор ни разу не употребил термин «сражение».

«7 августа разыгрался второй бой с пруссаками» — писал командир III русского корпуса. Далее он привел мнение немецкого генерала Макензена о «Гумбинненском бое», и его слова «в бою у Гумбиннена». Кроме того, русский генерал неоднократно упоминает термин «контратака» ⁴, который относится к категории тактического плана, равно, как и «бой».

Генерал-майор (затем — генерал-лейтенант) Алексей Павлович Будберг (1869—1945) — один из способнейших генералов Российской императорской армии, выпускник Академии Генерального штаба (как и Епанчин — по первому разряду). Участвовал в походе в Китай в самом начале XX в., а в русско-японской войне 1904—1905 гг. руководил штабом Владивостокской крепости. Перед первой мировой войной был генерал-квартирмейстером Амурского военного округа, с октября 1914 г. — генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии Северо-Западного фронта.

Будберг не принял участия в августовских боях 1-й и 2-й русских армий с немцами. Но, впоследствии, в своих воспоминаниях о войне он подробно о них рассказал. Незаурядные аналитические способности позволили генералу критически реконструировать события начального периода войны в Восточной Пруссии. Его перу принадлежит известный очерк «Гумбиннен. Забытый день русской славы» ⁵, в котором события под Гумбинненом называются сражением.

Возникает вопрос: что же произошло 20 августа 1914 г. под Гумбинненом: бой или сражение?

Вначале небольшой теоретический комментарий.

Большую часть XIX в. военное искусство делилось на две составляющих — стратегию и тактику.

В частности, стратегию Наполеона называли стратегией генерального сражения. С появлением массовых армий, их перевооружений генеральное сражение утратило свою актуальность. Однако стратегия как составляющая военного искусства сохранилась, но видоизменилась. Все большую роль стала приобретать взаимосвязь военной стратегии с политикой ⁶. Данное обстоятельство впоследствии сказалось на определении судьбы боев в Восточной Пруссии в 1914 году.

В последней трети XIX в. военное искусство распалось на три составных части: стратегия, оперативное искусство и тактика.

Предметом оперативного искусства стала подготовка и проведение фронтовых и армейских операций, что наглядно продемонстрировала Восточно-Прусская операция 1914 года. Северо-Западный фронт Российской армии в августе

1914 г. проводил на этом направлении фронтovou операцию, включавшую в себя две армейских операции: 1-й и 2-й армий.

В начале XX в. операциями стали называть совокупность сражений и боев, проводимых по единому плану оперативными объединениями (армией или несколькими армиями), направленных на достижение оперативной или стратегической цели. В свою очередь, под термином «сражение» подразумевалась совокупность боевых действий и ударов, направленных на достижение целей операции или решение ее частных задач. В то же время, следует учитывать, что понятия «сражение», «битва» и «операция» постепенно стали пониматься как синонимы ⁷.

В современной военной науке бой — это «основная форма тактических действий войск; организованное вооруженное столкновение соединений, частей... и подразделений воюющих сторон, представляющее согласованные по цели, месту и времени удары, огонь и маневр» ⁸.

Практически весь XX в. прошел под эгидой такой, перед первой мировой войной несколько упрощенной, формулы боя.

Следует отметить, что Восточно-Прусская операция русских армий в августе и первой половине сентября 1914 г. имеет обширную историографию, значима мемуарная составляющая ее источников, в последнее время появились исследования, связанные с повседневной историей войны и операции в восточной провинции Германии, которая с подачи А.И. Солженицына получила кодовое название «Август четырнадцатого». Появляются работы, раскрывающие особенности военно-психологических отношений, взаимоотношений командиров и военачальников.

В связи с этим, нет необходимости подробно описывать начало, ход и исход операции. Но для понимания логики излагаемого материала конспективно приведем ее основные характеристики.

17 августа 1914 г. русские войска на фронте 70 км пересекли границу Германии в районе Восточной Пруссии в общем направлении на Гумбиннен — Инстербург. На правом фланге армии действовал XX корпус генерала Смирнова, в центре боевого построения — III корпус генерала Епанчина, на левом фланге — IV корпус генерала Эрис-хан-Алиева. Правее XX корпуса должен был наступать сводный кавалерийский корпус генерала Хана Нахичеванского. Левее IV корпуса находилась 1-я кавалерийская дивизия генерала Гурко. Охрана правого фланга армии (XX корпуса) была поручена отдельной кавалерийской бригаде генерала Орановского ⁹. В этот день 1-я армия провела первый бой с противником в районе Шталлупенена.

19 августа конница Нахичеванского ввязалась в бой с ландверной бригадой немцев, усиленной артиллерией, отклонилась от намеченного направления наступления на Инстербург, израсходовала материальные и боевые средства и ресурсы конного состава и была вынуждена отойти в глубокий тыл. Трагичнее всего было то, что Хан Нахичеванский не сообщил командованию армии о своем отходе. Точно так же поступил и командир кавалерийской бригады Орановский ¹⁰. Правый фланг армии остался открытым. Так как командир XX корпуса об этом не знал, на следующий день корпус понес большие потери.

Утром 20 августа 1914 г. немецкие войска начали наступление на правом фланге русской армии, пытаясь обойти боевые порядки XX корпуса. Правифланговая 28-я пехотная дивизия понесла большие потери и была вынуждена отступить. Но 29-я пехотная дивизия выстояла, и положение стабилизировалось, хотя немецкая конница прорвалась в тыл русских войск.

В центре боевого порядка 1-й русской армии бой продолжался значительно дольше: с утра и до 2 час. дня на всем фронте III армейского корпуса. Во встречном бою столкнулись 25-я и 27-я пехотные дивизии русских с двумя

дивизиями одного из лучших на тот момент немецких корпусов — XVII армейского корпуса генерала, впоследствии — фельдмаршала, Макензена. Стойкость русских солдат, блестящая работа русской артиллерии практически не просто обесценили наступательный порыв немцев, но и нанесли им большой ущерб: паника охватила наиболее дисциплинированные восточно-пруссские полки корпуса Макензена. Немцы вынуждены были отказаться от своих наступательных намерений и ретировались ¹¹.

По словам Будберга, успех на фронте III армейского корпуса был настолько велик, что Епанчин принял решение о переходе в атаку (контратаку). Командование армии неоднозначно отнеслось к такому решению, но Епанчин настоял на своем. Русские войска восстановили положение, даже продвинулись до р. Роминта, но вскоре были вынуждены остановить наступление.

Дело в том, что на правом фланге сохранялась сложная обстановка при инициативе немцев. На левом фланге армии (ближе к Голдапу), по словам Будберга, боевые действия весь день носили осторожный, выжидательный характер, но к вечеру немецкое превосходство в силах обозначилось вполне отчетливо, что вызывало опасения русского командования. Будберг делал вполне обоснованный вывод, с которым почему-то мало кто из современных исследователей, кроме разве что С.Г. Нелиповича, считается: «... наше там положение было настолько же тревожно, как и на правом фланге» ¹².

«В центре, — признает генерал Будберг, — дневной бой 7 августа оканчивается для нас весьма серьезным тактическим успехом...». И далее: «В общем, несомненно, что общий материальный успех Гумбинненского сражения был полностью на стороне нашего неприятеля и что к вечеру 7 августа положение нашей 1-й армии, понесшей очень серьезные потери, израсходовавшей значительную часть боевых артиллерийских припасов и не имевшей никаких резервов, должно было внушать... весьма серьезные и вполне основательные опасения» ¹³.

Говоря о соотношении «бой — сражение» под Гумбинненом, следует привести высказывание на эту тему генерала российского Генерального штаба Н.Н. Головина. Хороший штабной работник, Головин после Гражданской войны оказался в эмиграции, долгое время проживал в Париже, в годы второй мировой войны поддержал немцев, умер в 1944 году. В 1926 г. в Праге вышло его исследование операций в Восточной Пруссии, до сего времени остающееся весьма авторитетным изданием ¹⁴.

В этой работе Головин отмечал, что «7 (20) августа — день главного столкновения 1-й русской армии с 8-й германской... обыкновенно называется Гумбинненским сражением». Чувствуется, что русский генерал не согласен с таким определением. Он считает, что «бои у Сталупенена, у Каушена, бои XX русского корпуса, а также столкновения на левом фланге русской армии составляют одно непосредственное целое с так называемым Гумбинненским сражением. Все эти бои представляют собой период завязки армейского сражения...» ¹⁵. И далее, уже характеризуя действия 30-й пехотной дивизии IV корпуса, Головин подчеркивает, что дивизия, вместе с 5-й стрелковой бригадой, обеспечивала «фланги разыгрывающегося к северу от Роминтенского леса армейского боя» ¹⁶. Другими словами, по мнению Головина, 1-я русская армия в период с 17 по 20 августа 1914 г. провела ряд локальных боев в рамках приграничного, Гумбинненского, сражения. Все, что произошло до 20 августа включительно, было не чем иным как частью, этапом армейской операции, армейского сражения, растянутого по времени, по фронту, по глубине наступления. Непосредственно под Гумбинненом произошло всего лишь боевое столкновение двух армий, бой, но не сражение. Бой под Гумбинненом, по оценке Головина, стал финалом общего приграничного сражения.

Собственно говоря, приграничное сражение на Гумбинненском направлении завершилось безрезультатно, обе армии понесли значительные людские и материальные потери, при этом немцы были вынуждены оставить противнику часть своей территории, не только сохранив свою боеспособность, но и вынужденным образом приступив к перегруппировке своих войск. Так или иначе, паника в немецких войсках прекратилась в тот же день, а отступили немцы к местам погрузки войск на подвижной железнодорожный состав. Остальное было делом техники: войска, получившие, пусть и неудачный, боевой опыт, в кратчайший срок были переброшены на другое направление (против 2-й армии Самсонова), где по-иному проявили себя.

Русская армия, захватив инициативу в приграничном сражении, развить успех не смогла. Это произошло по объективным причинам — армия оказалась обескровленной, без необходимого вооружения и материальных средств, не способной организовать преследование отступающего противника, а также по субъективным — так как начала боевые действия неподготовленной в угоду интересам союзников. Францию в начале первой мировой войны спасла не победа русской армии под Гумбинненем — это был только повод для создания мифа о «чуде на Марне», а согласие правящих военных кругов России изначально принести в заклад свою военную группировку в Восточной Пруссии.

Рассматриваемая дилемма «бой — сражение» по сути имеет в своей основе фразу У. Черчилля «о военной мощи России» в 1914 году¹⁷. Характеризуя наступление русских войск в Восточной Пруссии, он отметил, что «очень немногие слышали о Гумбиннене и едва ли кто-нибудь оценил удивительную роль, которую он сыграл»¹⁸.

Будберг в своей работе о Гумбиннене перевел эту цитату так: «Очень мало людей слышали о Гумбиннене и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа»¹⁹.

Действительно, у Черчилля в тексте нет слова «победа», однако дальнейшие его слова: «Отпор и тяжелые потери корпуса Макензена привели в панику немецкую армию. Они знали, что они разбиты»²⁰ — Будберг расценил, как упоминание о «победе».

Представляется, что в данном случае Будберг, переводя английский текст на русский, не особо погрешил против истины. Но нас здесь интересует, прежде всего, оценка русским генералом боевого столкновения под Гумбинненом.

Будберг прекрасно разбирался в оперативной ситуации, сложившейся в начале вторжения 1-й армии в Восточную Пруссию. Он, конечно же, хорошо понимал разницу в терминах «бой» и «сражение». Соглашаясь с тем, что боевое столкновение 20 августа 1914 г. получило нарицательную формулировку «сражение», он в то же время замечает: «Квалификация Черчилля “победа” должна быть принята в смысле стратегической победы... (именно успех в приграничном сражении. — Г.К.). В чисто тактическом смысле Гумбиннен не может быть назван победой; победа тактическая была только на фронте III корпуса»²¹.

Отсюда становится понятно, почему Будберг ведет речь о сражении, а не о бое: такой расстановки акцентов, равно, как и обращения к авторитету Черчилля, требовала политическая ситуация: приближалась двадцатипятилетняя годовщина начала первой мировой войны. С подачи Черчилля, Гумбиннен должен был звучать как можно громче. Поэтому в историографии Гумбинненский бой стал сражением.

Представляет интерес и тот факт, что высказанные Будбергом соображения по поводу приграничного сражения в августе 1914 г. в Восточной Пруссии, долгое время не вызвали особого интереса у исследователей. Это было связано в значительной степени с закрытием для россиян самого источника. По ряду

обстоятельств, работа Будберга (машинописный экземпляр) оказалась в спецхране и только в конце 80-х гг. прошлого века была открыта для широкого доступа. В региональной историографии ее цитирование состоялось в 2002 г. и послужило не только поводом для последующих научных дискуссий, но и важным источником для формирования исторической памяти калининградцев о первой мировой войне, в частности, об операции русской армии в Восточной Пруссии в 1914 году.

Политическая составляющая оценки гумбинненских событий Будбергом способствовала расширению исследований о Восточно-Прусской операции 1914 г. и изменению ландшафта памяти о Гумбиннене, особенно в восточных районах западной области России и в самом Калининграде (проведение научных конференций, реконструкции сражения, сооружение памятников и памятных знаков участникам войны скульпторами С. Щербаковым, М. Шемякиным, Б. Суровцевым, Д. Лындиным и др.).

Примечания

1. РАДУС-ЗЕНКОВИЧ Л.А. Очерк встречного боя. По опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. М. 1920; Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. I. М. 1922.
2. Послужной список генерала от инфантерии Н.А. Епанчина от 29 января 1908 г. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 409, оп. 1, д. 145—039, л. 17—22.
3. ЕПАНЧИН Н. На службе трех императоров. Воспоминания. М. 1996.
4. Там же, с. 406—409.
5. БУДБЕРГ А.П. Гумбиннен. Забытый день русской славы. Сан-Франциско. 1937.
6. История военного искусства. М. 1963, с. 264—265.
7. Там же, с. 265—266.
8. Военный энциклопедический словарь. Т. 1. М. 2001, с. 205.
9. БУДБЕРГ А.П. Ук. соч., с. 2.
10. Там же, с. 5.
11. Там же, с. 6.
12. Цит. по: НЕЛИПОВИЧ С.Г. Восточно-Прусская операция 4(17) августа — 2(15) сентября 1914. В кн.: Доклады академии военных наук № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов. 2006, с. 125.
13. Цит. по: БУДБЕРГ А.П. Ук. соч., с. 6—7.
14. ГОЛОВИН Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага. 1926.
15. Там же, с. 132.
16. Там же, с. 153.
17. Об этом см.: ДЕМЕНТЬЕВ И.О. Черчилль о Гумбиннене: к истории одной цитаты. — Вестник БФУ им. И. Канта. Вып. 12. Калининград. 2011, с. 93—99; ЕГО ЖЕ. Что всё-таки Уинстон Черчилль сказал о Гумбиннене? — Там же. Вып. 12. Калининград. 2012, с. 155—157.
18. Цит. по: ДЕМЕНТЬЕВ И.О. Что всё-таки..., с. 156.
19. Цит. по: БУДБЕРГ А.П. Ук. соч., с. 12.
20. Цит. по: ДЕМЕНТЬЕВ И.О. Что всё-таки..., с. 156.
21. Цит. по: БУДБЕРГ А.П. Ук. соч., с. 12.

Кумыкские феодальные владельцы и российская военная администрация на Кавказе в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в.

М.-П.Б. Абдусаламов, Н.Д. Чекулаев

Аннотация. В публикации на основе анализа и использования разнообразных источников рассматриваются взаимоотношения кумыкских феодальных владельцев с военной администрацией на Кавказе в 20-х — начале 30-х гг. XVIII века. Авторы показывают методы осуществления кавказской политики Российской империи, роль ее военной администрации на Кавказе во взаимоотношениях с кумыкскими князьями.

Ключевые слова: Россия, кавказская политика, императорская администрация, комендант, Святой Крест, Персидский поход, Петр I, Кумыкия, шамхальство Тарковское, Засулакские владения.

Abstract. In this publication on the basis of the analysis and use of various sources and literature relationship of the Kumyk feudal possessors with military authorities in the Caucasus in the 20th — the beginning of the 30th of the XVIII century is considered. Authors of article from objective positions consider methods of implementation of the Caucasian policy of the Russian Empire, a place and a role of its military authorities in the Caucasus in relationship with the Kumyk princes.

Key words: Russia, Caucasian policy, imperial administration, commandant. Sacred Cross, Persian campaign, Peter I, Kumykiya, Tarkovskoye's shamkhalstvo, Zaslulaksky possession.

В результате Персидского похода Петра I 1722—1723 гг. Приморский Дагестан был присоединен к Российской империи. В числе земель, отошедших под юрисдикцию России, оказались кумыкские феодальные владения — шамхальство Тарковское и Засулакские княжества (Эндиреевское, Аксаевское и Костековское). Для упрочения российского владычества Пётр I отдал приказ расквартировать в Приморском Дагестане военные гарнизоны.

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович — кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного института народного хозяйства. E-mail: vikingpasha@mail.ru; *Чекулаев Николай Дмитриевич* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. E-mail: bratzikow1974@mail.ru.

Abdusalomov Mahomed-Pasha B. — PhD, associate professor at the Dagestan State Institute of National Economy. E-mail: vikingpasha@mail.ru; *Chekulaev Nikolai D.* — PhD, researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography. Dagestan Scientific Center of the RAS. E-mail: bratzikow1974@mail.ru.

Императорская администрация, управлявшая Приморским Дагестаном, состояла исключительно из военных чинов Низового Корпуса — генералитета, штаб- и унтер-штаб-офицеров. В компетенцию российских властей входило: назначение чиновников, сбор налогов, непосредственное управление гражданскими и военными делами данной территории.

Но кумыкские феодальные владения в полном объеме сохранили все свои территории и собственную внутреннюю политику. Российские власти довольствовались поддержкой и лояльностью кумыкских политических образований. С момента установления российской власти над Приморским Дагестаном внешняя политика каждого кумыкского владетеля ставилась под контроль военной администрации. Пресекались контакты кумыкских владетелей с Турцией и Ираном, а в случае нарушения данного запрета Россия применяла целый набор мер воздействия вплоть до организации карательной экспедиции. Режим власти России над кумыкскими феодальными единицами характеризовался как протекторат. Кумыкские владетели иногда отказывались от российского подданства, выступая против императорской военной администрации на Кавказе с оружием в руках. Эти факты объясняются опасениями полного подчинения империи и стремлением восстановить собственную независимость.

В кавказской политике России в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. различаются два аспекта: политика империи в отношении дагестанских народов и использование Дагестана как стратегического региона во внешней политике России. В первом случае правительство стремилось всеми способами укрепить свое влияние на Кавказе, особенно в экономически и стратегически значимых регионах (к их числу относился и Дагестан), причем здесь на первый план выдвигались мирные способы поддержания отношений. Во втором случае, когда Россия противостояла Ирану, Турции и Крыму, отстаивая свои внешнеполитические интересы и добиваясь приоритета на Кавказе, дипломатия весьма часто подкреплялась военными средствами. Укреплению экономических и политических позиций России на Кавказе содействовала пророссийская ориентация многих кавказских народов, а с начала XVIII в. и их антииранская борьба¹.

С 20-х гг. XVIII в. доминирующим в кавказской политике России стал Приморский Дагестан, занимавший важное стратегическое положение на побережье Каспия. В условиях Дагестана, при его феодальной раздробленности, непрерывных междоусобицах, этнической пестроте и сравнительно отсталой экономике, войска кумыкских политических образований были хуже вооружены и представляли собой симбиоз дружин феодалов и ополчения. Поэтому единственной реальной политикой кумыкских владетелей было лавирование между сопредельными великими державами, стремившимися к господству на Кавказе. Русская дипломатия не хотела допустить превращения Кавказа в иранский или, особенно, турецкий плацдарм. Именно поэтому в 1724 г. Пётр I подписал новое соглашение с Портой, признав власть Крыма над Кабардой.

Политика России оказалась более успешной, чем политика Ирана и Турции, основанная преимущественно на применении силы. Свой поход в Дагестан Пётр I считал лишь началом реализации Кавказской программы. Однако необходимо смотреть на эту военную акцию и с точки зрения предыдущих и последующих шагов России на Кавказе. Это было одно из самых серьезных и масштабных действий по продвижению на юг. Для реализации своих планов Россия использовала меры как военно-политического, так и дипломатического характера, предпочитая политику экономического, политического и военного покровительства местным владетелям и старшинам, не пренебрегая, однако, крутыми мерами в экстремальной ситуации.

Отметим, что Россия, довольствуясь в первые два десятилетия XVIII в. номинальным подданством кумыкских феодальных владетелей, решала следу-

ющие задачи: обеспечение безопасного транзита товаров через территорию Прикаспийского Дагестана, а также проезда дипломатических представителей; создание юридической базы для будущих претензий империи на земли Дагестана с помощью присяги кумыкских князей.

Для обеспечения лояльности «российской» части Дагестана императорская военная администрация на Кавказе использовала весь арсенал средств: выплата жалованья, взятие заложников, торговые льготы, карательные экспедиции, противодействие сплочению кумыкских князей. При этом российские власти старались пресекать междоусобицы среди своих подданных.

За верноподданническую службу шамхал Тарковский и другие кумыкские владетели получали от императорского двора денежное жалованье². В 1731 г. было выдано 13 870 рублей³.

Так, например, за то, что Айдемир Эндиреевский не присоединился в 1733 г. к крымскому войску калги Фетхи-Гирея во время его прохода через Дагестан и сохранил верность России, указами от 6 и 7 ноября 1733 г. он был награжден жалованьем в 300 руб., а его брат Алибек — в 100 рублей. Бойнакскому владетелю было определено давать в год денежное жалованье 100 руб., а его братьям — Сурхай-шамхалу и Солтан-Мураду — по 25 рублей⁴.

18 февраля 1735 г. генерал-аншеф В.Я. Левашов предписал выдать за сентябрьскую треть 1734 г. жалованье Бойнакскому владетелю Мехти-беку и его братьям по прежнему окладу: «Мегдию 100 руб., а двум братьям по 25 руб. в год». Сверх того Мехти-бек Бойнакский получил 50 руб. за 1734 г. и 34 руб., то есть всего 84 рубля. Его братьям было выплачено по 9 руб., а общая сумма составила 102 рубля. В 1735 г. на жаловании состояли следующие кумыкские владетели (они получали его еще с 1722 г. — *М.-П.А., Н.Ч.*): аксаевский владетель Али-бек, сын Султан-Махмуда, который получал 250 руб. в год; теперь же, когда от него требовалась только верность, а не служба, жалованье было урезано до 180 рублей. Костиковский владетель Алиш Хамзин получал оклад 100 руб., а по вышеуказанной причине стал получать 60 рублей.

Кроме того, кумыкским владетелям из императорской казны выплачивались так называемые «кормовые деньги». Так, прибывавшим в крепость Святого Креста, Дербент и в другие места кумыкским князьям полагались кормовые деньги из средств гарнизонной казны в течение всего времени их пребывания. Прибывшим 30 апреля 1728 г. в крепость Святого Креста бойнакским владетелям Эльдару и Мехти Муртазалиевым с 22 по 26 апреля выдавались кормовые деньги по полтине; их 15 узденям — каждому по 2 алтына в день. Итого за 4 дня — 5 руб. 80 копеек⁵.

Кроме того, императорское правительство выплачивало местным владетелям за оказанные России услуги разного рода денежное вознаграждение. Так, 18 июля 1722 г. «Его Императорское Величество в присутствии своем в Тарках изволил пожаловать буйнакского владетеля Муртазалия сыну, который поднес Его Величеству трость 3 червонца. 8 августа дано аксайскому владельцу Султан-Махмуду на покупку скотины 400 руб. 15 августа... 10 тарковцев, которые несли подарки от жен шамхала Адиль-Гирея императрице, получили 5 червонных. 24 августа... числа, дано присланным от шамхала Адиль-Гирея Тарковского узденям его Амбату Алепачю с товарищи трем человекам, за 370 быков, которых забрал с поля и деревень Тарковских генерал-майор Кропотов, по 2 руб. с полтиною за каждого быка, итого 925 рублей. 16 сентябрь 1722 г. Тарковский шамхал Адиль-Гирей в награду за услуги получил 2500 червонных. 19 сентября, дано присланному от шамхала Адиль-Гирея Магметсали, за принятые по вступлении в марш от Аграхани присланных от оногo шамхала в армию 616 волов и тож арб, по 3 руб. за вола. 25 октября дано лейб-гвардии Преображенского полка капитану-лейтенанту Родину Кошелеву за покупного у него сокола (которого

Его Величество от Сулаку в день прошедшего сентября изволил послать к Адиль-Гирею шамхалу), 10 червонных»⁶.

В общей политике, проводимой правительством России на Кавказе, немаловажную роль играло заложничество — так называемая система аманатов. В аманаты брался, как правило, кто-либо из членов шамхальского дома, а в районах вольных обществ — влиятельный представитель общинной знати. Система аманатов была в руках кавказской администрации надежным средством политического воздействия и подчинения кумыкских владельцев той внешней политике, которая проводилась вплоть до покорения Кавказа в XIX веке.

Содержавшимся в крепости Святого Креста аманатам в апреле 1729 г. денежное жалование выплачивалось из средств шемахинских доходов на сумму 186 руб. 48 копеек⁷. По имеющимся сведениям, в качестве аманата в 1723 г. в Дербенте был сын Айдемира Эндиреевского⁸. Султан утамышский принял российское подданство и в качестве гарантии своей верности дал аманатов в Дербент, в числе которых был его полуторагодовалый единственный сын.

Вплоть до 1729 г. в крепости Святого Креста содержался владелец Бойнака Мехти Муртазалиев, а до этого в аманатах был его брат Будай. В 1734—1735 гг. бойнакскому владельцу Мехти-беку и его братьям Сурхай-шамхалу и Солтан-Мураду выдавалось жалованье: первому — 150 руб., остальным по 25 руб. на год⁹.

Следует отметить, что наиболее опытные в кавказских делах имперские администраторы (например, генерал-аншеф Левашов) понимали, что наилучший способ удерживать кумыкских владельцев в российском подданстве — это милостивое отношение к ним. По мнению Левашова, в случае усиления Ирана и последующего его вторжения в Прикаспий существовала опасность перехода под его протекцию ряда кумыкских владельцев. Генерал-аншеф Левашов объяснял это тем, что шах в свое время платил им огромное жалованье. Добавим, что кумыкские князья опасались полного подчинения России, имевшей в Дагестане опорные пункты. Именно эти причины и вызывали к жизни так называемую политику «ласкания», выражавшуюся «в покровительстве по отношению к наиболее влиятельным представителям феодальной знати, с которыми выгодно поддерживать добрососедские отношения»¹⁰.

Такая политика представляла собой целую систему экономических и политических мероприятий, используемых российскими властями в отношении дагестанских народов. Стремясь завоевать расположение и доверие феодальных владельцев, российские власти в Дагестане проявляли внимание к их просьбам и стремились удовлетворить их, предоставляя некоторые льготы.

В многочисленных инструкциях Коллегии иностранных дел, посылаемых кавказским комендантам, было указано: с кумыкскими владельцами иметь «ласковое обхождение»: «Особливо владельцем и их детям показывать всяческую учтивость и приласкание». Это проявлялось в виде различных поощрений (денежное и хлебное жалованье, подарки, награждение медалями, саблями и прочим)¹¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники и монографии позволяют узнать о методах привлечения кумыкских владельцев в российское подданство. Со времени правления Петра I наблюдалось новое возвышение тарковских шамхалов. Еще Пётр I в «жалованной грамоте» Тарковскому от 1722 г. по существу признавал его шамхалом дагестанским. «Известно и ведомо будет всем, — говорится в «грамоте», — что понеже как пред сим, так и при настоящем времени Благородный шамхал Адиль-Гирей к нашему императорскому величеству показывал верные свои услуги... Того ради за оные обнадеживаем мы его, Адиль-Гирея — шамхала, в нашей императорского величестве непременной высокой милости и защищении, и в знак оной нашей... милости повелели ему дать сих нашу милостивую жалованную грамоту и через оную опреде-

ляем ему по-прежнему над дагестанцами шамхалом. Также даем ему полную силу и власть владеть всеми землями и местами и жилищами владения Султан-Мамута Утамышского». Кроме того, шамхалу было установлено жалованье и выданы подарки, среди которых была и «одна зрительная труба»¹². Также комендант Терки удовлетворил его просьбу и отправил к Адиль-Гирею команду, состоящую из унтер-офицера с барабанщиком и 12 рядовых. Эти сведения И.-Г. Гербера подтверждают и дополняют архивные материалы. Шамхалу Адиль-Гирею в Тарки посланец Алыпкач Магометов привез «от коменданта 15 человек солдат с 3 пушками»¹³.

Не были забыты военной администрацией и услуги, оказанные аксаевским владельцем Султан-Махмудом Петру I во время его похода в Дагестан. 8 сентября 1722 г., по повелению императора Петра I, был выдан охранный лист владельцу Султан-Махмуда Аксаевскому за подписью генерал-адмирала графа Апраксина — «дабы не дерзали в его владения чинить обид, налогов и наездов». Затем было удовлетворено его требование, чтобы в случае неприятельского нападения на него ему на помощь были высланы донские и терские казаки. Также ему было назначено денежное жалование (указ Петра I от 22 сентября 1722 г.). 24—25 августа 1725 г. за подписью генерал-лейтенанта М.А. Матюшкина, вышел указ, в котором засвидетельствована верная служба аксаевского владельца Султан-Махмуда, а также предписано, в силу императорского указа, «не чинить обид и разорения ни ему самому, ни деревням и подвластным улусам и жителям в оных и о свободном пропуске, как его, так и людей его владения».

Военная администрация на Кавказе стремилась не допустить сплочения кумыкских владельцев против России¹⁴. Засулакские беки предпринимали попытки к объединению, как это было в 1723 г., когда они просили российское правительство поставить над «всеми ими главным» Султан-Махмуда Аксаевского, как старшего по возрасту (то есть попытки восстановить Эндиреевское ханство). Но российскому правительству было невыгодно объединение трех владений, и этого не произошло¹⁵.

В начале 30-х гг. XVIII в. среди кумыкских владельцев продолжало царить брожение. Наибольшую активность проявили уцмий Ахмед-хан и старший сын Адиль-Гирея Хасбулат, пытавшийся перехватить инициативу у Сурхай-хана Казикумухского и усилить свое влияние. В разгар ирано-турецкой войны они стремились к независимости во внешней политике, часто советовались между собой, планируя совместное выступление против Сурхая. Дело дошло до того, что Хасбулат тайно попытался объявить себя шамхалом, надеясь восстановить этот титул, уничтоженный после ссылки его отца Адиль-Гирея.

Российское командование, опасаясь ослабления своего влияния, приняло необходимые меры. Усмотрев в действиях местных владельцев стремление к независимости, генерал-майор Д.Ф. Еропкин «под страхом разорения» учинил им выговор, запретил частные сношения между собой, а «к Хасбулату о написании себя без позволения шамхалом также выговорил с надлежащим к тому резонном, — на что он с повинною писал якобы то писарь ево без приказу своевольно написал, а после того ныне уже не называется». Этими мерами удалось не только удержать на своей стороне кумыкских владельцев, но и предотвратить междоусобную борьбу.

Важное место в кавказской политике России в Дагестане занимала проблема беглых. Побегии являлись одной из распространенных форм социальной борьбы крестьянства средневекового Дагестана в целом. Архивные источники свидетельствуют об усилении в XVIII в. потока убежавших из кумыкских владений в пределы расположения российских гарнизонов. Российская администрация покровительствовала им, что, в свою очередь, способствовало рос-

ту крестьянских побегов. Социальный состав беглых был неоднородным, в основном это были зависимые категории населения, что свидетельствует об антифеодальном характере побегов. Разнородным был и этнический состав беглых из Дагестана¹⁶. В XVIII в., согласно архивным данным, особенно усилились побег из Эндиреевского, Аксаевского и Костековского владений в пределы России.

Традиционная политика русского правительства невозврата беглых при принятии ими христианства продолжала действовать и в XVIII веке. Российское правительство давало указание комендантам гарнизонов Низового Корпуса беглых христиан не возвращать их хозяевам, от которых они убежали, а «чинить за плату за каждую душу без разбора пола и возраста кумыкам, по 25 руб.». Однако это не всегда ими строго соблюдалось, что вызывало определенное недовольство «пострадавших» местных феодальных владетелей¹⁷.

Не желая ссориться с кумыкскими владетелями, Российские власти в этот период возвращали бежавших в пограничные русские крепости рабов-нехристиан, но не выдавали ясырей-христиан. Кроме того, Пётр I, находясь в Тарках, взял у шамхальского визиря 27 ясырей-христиан.

Имеются сведения и о бегстве русских (казаков, солдат) в пределы Кумыкии, отраженные в архивных материалах¹⁸.

Стремясь утвердить свою власть и создать опору в присоединенных провинциях, императорское правительство решило осуществить так называемую «демографическую политику», целью которой было выселение из Прикаспия мусульман-суннитов, и привлечение на их место закавказских христиан — армян и грузин.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно констатировать, что в осуществлении кавказской политики Россия использовала разнообразные приемы. В ее основу были положены методы политического характера. В отличие от России Порты и Иран основным инструментом своей политики на Кавказе считали грубую силу и карательные походы против непокорных. Управление Приморским Дагестаном российская военная администрация на Кавказе строила с учетом сложившейся ситуации: в мирное время — широко используя политику «ласкания» и политического покровительства кумыкских владетелей, а в экстремальных условиях прибегала к карательным мерам. Такая политика «кнута и пряника» дала свои положительные результаты, способствуя росту симпатий кумыкских владетелей к России.

Политика Петра I в отношении Дагестана, как и кумыкских феодальных владений в целом, носила наступательный характер, хотя истинные цели ее прикрывались заявлениями, что Россия идет на помощь персидскому шаху, оказавшемуся в тяжелом положении и т.д.

В целом политика царской России в отношении Дагестана в XVI—XVIII вв. носила эволюционный характер, не была однозначно агрессивной или однозначно мирной.

Находясь в составе России, приморская часть Дагестана, включая кумыкские владения, оставалась под полным контролем российской военной администрации. Главную опору в управлении этим краем российская администрация имела в лице русских гарнизонов крепости Святого Креста. Императорская администрация на Кавказе полностью состояла из военных чинов (комендантов, генералитета), во главе с командующим Низовым Корпусом. В их руках была сосредоточена вся власть на данной территории.

Кавказская военная администрация полностью контролировала внешнюю политику кумыкских феодальных владетелей, стремясь воспрепятствовать их контактам с Турцией и Ираном. Залогом того, чтобы кавказская политика России успешно претворялась в жизнь, являлись ее исполнители — командую-

ший Низовым Корпусом и коменданты русских гарнизонов в Дагестане. Большинство из них были не только талантливыми военачальниками, но и опытнейшими дипломатами, политиками, которые чутко улавливали все изменения ситуации в Дагестане и, если было необходимо, корректировали российскую политику. Непосредственно осуществлял кавказскую политику России в Дагестане комендант русского гарнизона, а комендант крепости Святого Креста был не только главой военного гарнизона, но и представителем императорского правительства для кумыкских владетелей и узденей.

Примечания

1. МАГОМЕДОВ Р.М. Россия и Дагестан: Страницы истории. Махачкала. 1987, с. 36.
2. ГАДЖИЕВА С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М. 1961, с. 59.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 382, оп. 1, д. 35, л. 29—30.
4. Там же, д. 133, л. 70—73об.
5. Там же, д. 14, л. 27; д. 23, л. 121.
6. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М. 1872, с. 112—115, 117, 155.
7. ЦГА РД, ф. 382, оп. 1, д. 21, л. 16.
8. Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы. Махачкала. 1958, с. 280.
9. БУТКОВ П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб. 1869, с. 83—84.
10. АПОЛЛОВА Н.Г. К вопросу о политике абсолютизма в национальных окраинах России в XVIII в. В кн.: Абсолютизм в России в XVIII вв.: сборник статей. М. 1964, с. 384.
11. Там же, с. 384.
12. ГАДЖИЕВ В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965, с. 113.
13. Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX вв.: Сб. документов. М. 1988, с. 43—44.
14. Там же, с. 65.
15. АКБИЕВ А.С. Кумыки. Вторая половина XVII — первая половина XVIII века. Махачкала. 1998, с. 109.
16. ИНОЗЕМЦЕВА Е.И. К вопросу о торговле «живым товаром» во взаимоотношениях Дагестана с народами Кавказа и Россией в XVII—XIX в. В кн.: Кавказ, Балканы, Передняя Азия: Сб. научных трудов Северо-Кавказского регионального отделения МНАБ. Вып. 2(9). Махачкала. 2004, с. 115—122.
17. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН), ф. 1, оп. 1, д. 454, л. 159—160, 181, 207.
18. ЦГА РД, ф. 18, оп. 1, д. 8, л. 28—29; д. 14, л. 1—14.

Нацизм в Японской империи в 1868—1947 гг.

В.И. Балакин

Аннотация. В данной публикации автором предпринята попытка рассмотреть природу японского нацизма. Большинство международных исследователей убеждено в древних языческих корнях нацистских идеологов Японии, которые основываются на культовых мифах синтоизма в его трактовке «сокровенного знания» о происхождении японского императора (тэнно хэйка) и японского народа. Запад практически полностью заимствовал нацистскую идеологию Востока, что особенно ярко проявилось в содержании учения Кальвина.

Ключевые слова: японский нацизм, языческий культ Синто, кальвинизм.

Abstract. In this work by the author has been undertaken an attempt to examine the nature of Japanese Nazism. The most of international researchers has been convinced in ancient pagan roots of Japanese Nazis ideology which had been based on the Shinto cult myth in its interpretation of “sacred knowledge” about the origin of Japanese Emperor (Tenno Heika) and Japanese People. The West in reality borrowed Nazis ideology of the East practically in full volume that especially brightly became apparent in the contents of Calvin teaching.

Key words: Japanese nazism, pagan cult of Shinto, Calvinism.

Мировую историю можно разделить на три фундаментальных вида цивилизаций: языческие, монотеистские, материалистические. С культурологической точки зрения нацизм встречается во всех видах цивилизаций. В то же время монотеистические религиозные мировоззрения имеют в своей основе идеологию мира и равенства, стремятся научить людей жить с любовью и состраданием, жертвенностью и гуманностью. Это полная антитеза нацизма. Любая языческая вера является политеистической (многобожие). Последователи язычества поклоняются разным богам, главными из которых являются боги войны. Все язычники всегда были воинами и жили в перманентной атмосфере войны. Убивать или проливать кровь во имя богов виделось им священным долгом перед памятью предков. Нацизм — это социальный дарвинизм, когда слабый

Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru.

Balakin Viacheslav I. — candidate of juridical sciences, leading researcher at the Centre of the strategic problems NEA and SHOC of the Institute of Far East RAS. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru.

не имеет права на существование и должен быть уничтожен¹. Нацизм видит недостойных людей животными и представляет собой фанатичный расизм.

В данной связи самой загадочной страной в мире является Япония. На протяжении более 2 тыс. лет она была изолирована от окружающего мира. Открывшись в период Реставрации Мэйдзи (1868 г.), Япония превратилась в могучее государство, разгромившее в 1895 г. огромный Китай и нанесшее существенное поражение России в войне 1904—1905 годов. Основой религиозно-мировоззрения японцев можно назвать языческий культ Синто или «путь богов»². Это национальные верования исключительно японцев. В пантеоне насчитывается более 8 млн богов (ками), к которым относятся духи умерших, духи рек, гор, озер и покровители ремесел. Для синтоизма характерна формула: «человек — это часть природы, но не лучшая ее часть». Отсюда проистекает тезис о том, что человеческая жизнь ничего не стоит, особенно, когда эта жизнь принадлежит не японцу. В 702 г. был создан свод законов «Тайхорё», согласно которому синтоизм приобрел особый статус единственного государственного культа³. Там же была обоснована божественная природа императорской власти в Японии, поскольку император является порождением богини солнца Аматэрасу, а значит — сыном Неба — Тэннохэйка. В этом природа непрерывности императорской власти в Японии. Синтоизм провозглашает идеологию под названием «кокутай» (тело государства), согласно которой божества живут в каждом японце и осуществляют через него свою волю. Провозглашается особый божественный дух японского народа и его особая роль в мире, где Япония должна занимать центральное место. Перед Японией обязаны склониться все остальные страны, если не добровольно, то под воздействием военной силы⁴. Налицо все составные части классического нацизма, то есть этнической диктатуры. По сути дела, Италия и Германия лишь повторили древнейший опыт Японии.

Теперь обратимся на Запад, который полностью перенял восточную, языческую, идеологию нацизма и, в свою очередь, стал примером воплощения этой идеологии на государственном уровне. Возьмем «пуританские идеи» кальвинизма в англо-саксонском мире, которые реализуются еще со времени вхождения на престол Елизаветы I в 1558 году. Кальвинизм — это весьма специфический вид нацизма. Суть кальвинистской доктрины — главенство национального Государства над христианской Церковью⁵. Это вылилось в формирование крайне жесткого материалистического подхода. В американском варианте — это богоизбранность американского народа, что очень похоже на японский вариант. Американская республика стала синтезом швейцарского прагматизма, британской пуританской этики и воинственности французских гугенотов.

На чем же сошлись американские кальвинисты и японские синтоисты? Это, прежде всего, идеология богоизбранности⁶. Каждая сторона пыталась использовать другую, при этом обе люто ненавидели друг друга. Однако, США в XX в. проявили больше прагматизма, сделав ставку на финансовый капитал и энергетические ресурсы, в которых всегда остро нуждалась Япония. Война за испанское наследство во второй половине XIX в., упорные попытки монополизировать китайский и корейский рынки вынудили США использовать Японию в качестве мощного «тарана» против Российской империи на Дальнем Востоке⁷. Существует расхожее мнение, никем еще не опровергнутое, что революция 1905 г. в России организовывалась на японские деньги американского происхождения. Развязав войну с Россией, Япония якобы отработывала американские деньги. Портсмутский мирный договор 1907 г. является апофеозом использования американцами Японии. Из-за фактической измены графа С.Ю. Витте, Япония, будучи на краю гибели, неожиданно для себя получила Далянь, ЮМЖД, Корею, все Курильские острова и половину Сахалина. А ведь осенью

1905 г. русский Генштаб готовил крупную десантную операцию на Японские острова, и война могла бы закончиться совершенно иначе — то есть полной победой России.

Японский нацизм является не просто политической идеологией, он круто замешан на языческих мифах и оккультизме⁸. Это теория совершенно новой, а правильнее сказать древней санскритской цивилизации, которую силой хотят вернуть в нынешний «неправильный мир». Японский нацизм имеет эзотерическое происхождение. Его целью всегда являлось и является до сих пор не формирование «расы господ», а создание по древним рецептам «нового оккультного человечества». Провозглашается необходимость видеть современный мир через призму древнего «сокровенного знания».

Идею японского нацизма в данной связи можно сформулировать следующим образом: «нацизм — это ностальгия современного мира по язычеству, это тотальный жестокий бунт автономной древней культуры против современного глобального единобожия»⁹. Жестокие гонения на христиан в первой половине XVII в. со стороны военных правителей клана Токугава стали первым осознанным опытом идеологии нацизма в Японии.

Во второй половине XIX в. обоснование нацизма мы находим уже в трехтомнике Елены Блаватской «Тайная доктрина»¹⁰, где сформулированы три главных принципа нацизма периода новейшей истории, а именно: прямая связь между духом и материей в виде космической энергии, избранности «посвященных»; абсолютная универсальность избранной нации, объективно противопоставляющей себя всем остальным народам; полное погружение в объективную материю с целью утилитарного использования человеческого материала в интересах восхождения к новому гармоничному духовному миру.

Это практически абсолютное совпадение с «гармоничным духовным миром» японской синтоистской доктрины¹¹. Языческий культ Синто видит гармонию в дикой природе, а цель человеческой жизни — в гармоничном сосуществовании с дикой природой. Именно поэтому японцы, отправляясь на верную смерть и неся смерть «чужим», верят, что они становятся богами, то есть составной частью «гармоничного духовного мира», куда никогда не попадет ни один «гайдзин» — чужой (не японец). Японский народ — это Идея Великой Японии, которая будет владеть миром, освобожденным от не покорившихся «варваров». Из «варвара» невозможно сделать японца, количество «варваров» должно регулироваться потребностями обеспечения гармоничной жизни «расы Ямато» (арийской расы). Иными словами, японская цивилизация провозглашается внеземным божественным совершенством.

Некоторыми экспертами постановка вопроса о японском нацизме часто оспаривается в связи с тем, что в научной литературе давно утвердился термин «японский милитаризм». Как представляется, данный термин не отражает реальной действительности и практически не объясняет общественные процессы, развивавшиеся в Японии после реставрации императорской власти. Мировой опыт свидетельствует, что нацистская идеология, как правило, формируется в интересах мобилизации людских и материальных ресурсов для подготовки внешней военной экспансии. Особенностью японского нацизма всегда являлась его цивилизационная основа в виде идеи национальной исключительности и преклонения перед древними языческими культами¹². Этическим символом японского нацизма была и остается не политическая партия, а Император — живое воплощение Божественного на Земле.

Вызревание нацизма в Японии оказалось достаточно растянутым во времени и продолжалось от Реставрации Мэйдзи до 1937 г., когда началась японская агрессия в Китае (инцидент у моста Лугоцяо или Марко Поло, как принято называть это историческое место на Западе). Идеологически военные дей-

ствия на китайской территории обосновывались стремлением правительства Японии ликвидировать неравноправные договоры с западными странами и обеспечить японской империи внешние владения в Азии, на которые тогда еще не особенно претендовали другие государства. Главным центром «научного» обоснования нацизма в Японии значительно ранее стал Императорский университет в древней столице страны Киото¹³. В 1907 г. руководитель кафедры регионоведения данного университета С. Комаки опубликовал знаменитую книгу «Манифест японской геополитики», в которой детально рассматривался синтоизм как некий катехизис «сокровенного знания» японской нации, обосновавший легитимность древней императорской власти — «тэнноизма» (тэнно — это небесный государь или микадо).

По сути дела можно уверенно констатировать, что «тэнноизм» и есть специфическое проявление японского нацизма. Под видом возрождения верований древности происходило и происходит до сих пор конструирование японской нации. Император Японии является священным символом и сочетает в себе всю полноту светской духовности и религиозной власти. Японский нацизм и сегодня опирается на принципы традиционной социальной психологии, такие как конформизм, групповая лояльность, приоритет общественных интересов над личными. В отличие от других азиатских стран националистическую подоплеку имеет и достаточно активное в Японии евразийское движение, которое всегда противопоставляло себя Западу и требовало полной ликвидации на азиатском материке колониализма и расовой дискриминации, но при этом выступало за создание «Восточноазиатской сферы процветания» под эгидой Великой японской империи¹⁴.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что японский нацизм уже был полностью готов к применению еще до того, как в нем возникла реальная потребность у американской кальвинистской элиты, пытавшейся отыскать уже существующие политические силы в любой стране мира, для которых собственная корысть важнее интересов их народа. Сегодняшние нацистские идеологии, в том числе и в Японии, практически полностью укладываются в синтологическую доктрину Р. Хабарда, включая ее адептов из стана американских кальвинистов.

Примечания

1. МЕШЕРЯКОВ А.Н. Открытие Японии и реформа «японского тела». Вторая половина XIX — начало XX вв. — Новое литературное обозрение. 2009, № 100, с. 256.
2. СИЛА-НОВИЦКАЯ Т.Г. «Дух Ямато» в прошлом и настоящем. М. 1989, с. 54.
3. ЗИБОЛЬД Ф. Описание японской империи. Т.1. СПб. 1854, с. 24.
4. КУРИХАРА С. Сэнсотю но Нихон (Япония в войнах). Токё. 1980, с. 167.
5. CRAIG W.L. The Only Wise God. Baker Book House. New York. 1987, p. 28.
6. GANSSLE G. God and Time. New York. 2012, p. 25.
7. АБЛОВА Н.Е. История КВЖД и российская эмиграция в Китае. Минск. 1999, с. 214.
8. KEVIN M. A History of Nationalism in Japan. Boston. 2007, p. 147.
9. BERND M. Deutschland und Zweiten Weltkrieg. Hamburg. 2001, S. 128.
10. БЛАВАТСКАЯ Е.П. Комментарии к «Тайной Доктрине». М. 1998, с. 136.
11. DEEG M. Aryan National Religions. Oxford University Press. 2006, p. 61.
12. OUCHI T. Japanese Nazism. Princeton University Press. 1971, p. 201.
13. SUZUKI T. Japanese Culture. Eastern Society. Kyoto. 1983, p. 411.
14. MCGORMACK G. Japan in Nineteen-Thirties. Boston. 1982, p. 12.

Сотрудничество Азербайджана с тюркоязычными странами Средней Азии

Г.А. Бахтияров

Аннотация. Одним из актуальных направлений внешней политики Азербайджана является сотрудничество с тюркоязычными странами Средней Азии и Казахстаном. Проведенные переговоры, подписанные договоры и соглашения играют важную роль в укреплении и углублении уже существующих исторических отношений между народами наших стран.

Ключевые слова: международное сотрудничество, развитие отношений, переговоры.

Abstract. One of the actual direction of the Azerbaijan foreign politics le is the cooperation with Turkic-speaking states of Middle Asia and Kazakhstan. The negotiations, contracts and understandings plays a grate part in the consolidation of the historical relations between our states.

Key words: international cooperation, development of relations, negotiations.

Связи между бывшими тюркоязычными республиками СССР имеют глубокие исторические корни. Еще 10 февраля 1828 г. Туркменчайский договор, заключенный между царской Россией и Ираном, послужил причиной серьезных изменений в общественно-политической жизни Азербайджана ¹. Начиная с этого периода, Азербайджан, входивший в состав Российской империи, получил возможность для укрепления отношений с другими народами. В 1822—1866 гг. Россия заняла территорию Казахстана. В 1869 г. в состав империи был включен Туркменистан. А в 1865—1867 гг. Ташкент, как столица Туркестана, перешел в подчинение царской администрации. Кыргызстан признал власть русского монарха в 1864 году. Вхождение в состав единой империи способствовало формированию связей, охватывавших различные сферы жизни, между Азербайджаном и другими народами, в том числе, и народами Средней Азии ².

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. и октябрьский переворот положили начало новому этапу в развитии этих отношений. Однако в период Сталинского режима связи между различными народами попали под сильное идеологическое влияние, создававшее серьезные препятствия

Бахтияров Гусейн А. — доцент Государственного университета г. Гянджа. Республика Азербайджан. E-mail: bexhtiyarov.huseyn@box.az.

Bakhtiyarov H.A. — associate professor at the State University of Ganja. Republic Azerbaijan. E-mail: bexhtiyarov.huseyn@box.az.

на пути их свободного развития³. Совместная борьба с общим врагом во время Великой Отечественной войны соединила все народы в единое целое. В начале 1950-х гг. в идейно-политическом и военном отношении мир был поделен на два лагеря. Каждая из сторон считала себя защитником народов всего мира⁴. Именно в этих условиях начался процесс интеграции между народами, захватывающий различные сферы деятельности.

Одним из важных направлений в сотрудничестве стала культурная интеграция, включавшая в себя обмен в области национальной литературы, театра, кинематографа. С 50-х гг. XX в. началось проведение кинофестивалей и творческих вечеров, снимались совместные фильмы, открывались различные выставки. Многие картины производства «Азербайджанфильм» были популярны во всем Советском Союзе. В августе 1958 г. на фестивале стран Азии и Африки, проходившем в Ташкенте, такие фильмы, как «На дальних берегах», «Не та, так эта» имели огромный успех⁵.

Если говорить о связях Азербайджана с тюркоязычными народами, то следует отметить, что их сближают не только культурные ценности, но и этнические и религиозные корни. Кроме того, эти народы в царской империи и в советский период управлялись из одного центра и не отличались высокими достижениями в экономическом развитии. С другой стороны, в годы Сталинского режима тысячи азербайджанцев были сосланы правительством в Казахстан и республики Средней Азии, где жили и работали вдали от родины. Азербайджанцы, проживавшие в Казахстане, трудились в сфере науки, искусства, сельского хозяйства, бизнеса и т.д. Они активно участвовали в общественно-политической жизни.

Самыми близкими азербайджанскому народу среди народов Средней Азии по этническому принципу считались туркмены. Корни обоих народов берут свое начало от племен Огузов. В 1930 г. азербайджанский национальный поэт Алмас Ильдырым был сослан правительством в Туркменистан, где прожил долгое время, работая директором школы.

Что касается взаимосвязи азербайджанского и узбекского народов, то их объединяют национальные традиции и обычаи, общность языковой группы, культурные и религиозные корни. Долгие годы оба государства являлись республиками Советского государства. В 30-е гг. прошлого столетия в период массовых репрессий десятки тысяч азербайджанцев нашли пристанище на узбекской земле. В апреле 1966 г. азербайджанцы принимали активное участие в восстановлении Ташкента после разрушительного землетрясения.

Азербайджанский и киргизский народы крепко связаны общими историческими, религиозными и культурными ценностями. Большинство азербайджанцев, проживающих в Кыргызстане, это те, кто был сослан в эти края в 1930-е гг., и их потомки. Следует отметить, что представители Азербайджанской диаспоры в Кыргызстане активно работают в сфере экономики, бизнеса и т.д. Среди них много известных хирургов и специалистов других областей. Они живут и трудятся в основном в Бишкеке, Таласе, Карабалте. При этом сумели сохранить родной язык и свои национальные обычаи.

После восстановления государственной независимости нашей страны наступил качественно новый этап в сотрудничестве Азербайджана с тюркоязычными странами. Повысилось внимание к укреплению двусторонних связей между государствами. Были установлены дипломатические отношения. В Баку открылись посольства Казахстана и стран Средней Азии. Соответствующие дипломатические представительства Азербайджана появились в столицах данных государств.

Между республикой Казахстан и Азербайджаном было подписано более 70 межгосударственных и правительственных соглашений и договоров. Среди них

особую важность представляет двусторонний договор по разграничению дна Каспийского моря, а также «Договор о стратегическом партнерстве и союзнических отношениях», подписанный 24 мая 2005 года. Ежегодно проводится обмен мнениями между казахстанскими и азербайджанскими экспертами по широкому кругу вопросов, касающихся регионального и международного сотрудничества. Двусторонние связи развиваются в духе добрососедского партнерства, взаимовыгодного сотрудничества, близости позиций по актуальным вопросам регионального и международного сотрудничества. Фундаментом подобных отношений является понимание того, что собственно национальные задачи суверенные государства могут решать, только усиливая региональное сотрудничество. Регулярные контакты осуществляются как на высшем уровне, так и на уровне государственных структур обеих стран.

Немаловажное значение имеют двусторонние дипломатические отношения между Азербайджаном и Туркменистаном, установленные 9 июня 1992 года. 17 января 2008 г. впервые в Ашхабаде было проведено заседание Межправительственной комиссии по взаимному экономическому сотрудничеству между двумя странами. В настоящее время самым актуальным вопросом в двусторонних отношениях является вопрос об определении стыка линий в разграничении сопредельных участков Каспийского моря. Туркменистан является самым активным сторонником долгосрочного развития сотрудничества и взаимосвязей между нашими государствами.

Важно отметить и сотрудничество с Узбекистаном. Дипломатические отношения между двумя государствами были установлены 2 октября 1995 года. В середине 1996 г. в Азербайджане, а в мае 1998 г. в Узбекистане приступили к работе посольства обоих государств. Между странами заключен договор «О дружбе и сотрудничестве». Азербайджанская сторона поддержала инициативу Узбекистана об организации на территории Центральной Азии стратегически безопасной зоны. На основе уже существующего «Протокола о создании Совместной Межправительственной Комиссии по сотрудничеству» 18 июня 1997 г. была создана совместная межправительственная комиссия.

Что касается официальных дипломатических отношений с Кыргызстаном, то они начались 19 января 1993 года. Можно сказать, что между государствами не существует проблем в области политических взаимоотношений, а сотрудничество в экономической и культурной областях успешно развивается.

Таким образом, после установления независимости в Азербайджане вопрос о сотрудничестве с тюркоязычными странами стал одним из приоритетных. Эта политическая линия успешно продолжается и сегодня.

Примечания

1. История Азербайджана. Баку. 1994, с. 578.
2. Мировые страны. Баку. 2008, с. 201, 205, 222, 246.
3. РОДРИГЕС А.М. Новейшая история стран Азии и Африки. XX в, ч. I, с. 36.
4. МУСТАФАЕВА С. Самая новейшая история стран Европы и Америки. 1945—2007 годы. Баку. 2011, с. 413.
5. ОМАРОВ В. Международные культурные связи Азербайджана: 70—80-е годы XX века. — Голос. 1.XI.2013.

Участие Русской Православной церкви в развитии кооперации в России во второй половине XIX в.

Л.В. Печалова

Аннотация. В публикации рассматривается тема, которая практически не освещается в научной литературе. Автором описывается исторический опыт участия Русской Православной церкви в одном из достаточно успешных социальных проектов дореволюционной России. Это внедрение кредитной кооперации. В исследовании приводятся примеры деятельности священнослужителей по организации ссудо-сберегательных товариществ в Ставропольской губернии. Работа основана на широком спектре источников и литературы.

Ключевые слова: кооперативное движение, кредитная кооперация, ссудо-сберегательные товарищества, Русская Православная церковь.

Abstract. The subject of this work has not been covered in the literature. The author describes the historical experience of Russian Orthodox Church participation in a quite successful project in pre-revolutionary Russia — implantation of credit cooperation. The study is demonstrated with the examples of clerics' activity in organization of loan and savings cooperation in pre-revolutionary Russia. The investigation is based on various sources and materials.

Key words: cooperative movement, credit cooperation, loan and savings cooperation, Russian Orthodox Church.

Тема участия Русской Православной церкви в процессе зарождения и развития кооперативного движения в России мало изучена и практически не освещается в научной литературе.

В 2015 г. исполнилось 150 лет с момента, когда 22 октября 1865 г. в селе Рождественском Костромской губернии был утвержден первый в России Устав ссудо-сберегательного товарищества. Именно это событие принято считать судьбоносным для зарождения кредитной кооперации в России. Ссудо-сберегательные товарищества, основанные на принципах кооперации, появились в России благодаря преимущественно не государственной, а частной инициативе. В этом особая роль принадлежит Русской Православной церкви.

Более чем тысячелетняя православная история России является ярким примером того, как священнослужители приносили в нелегкую жизнь населения

Печалова Лариса Викторовна — кандидат исторических наук, преподаватель Ставропольского строительного техникума. E-mail: 254896@mail.ru.

Pechalova Larisa V. — candidate of historical sciences, lecturer at the Stavropol Building College. E-mail: 254896@mail.ru.

душевное спокойствие и чувство защищенности. Единая вера объединяла людей в решении многих сложнейших проблем. Церковь занималась благотворительностью и просветительной деятельностью, заботилась о нищих и обездоленных.

В современных условиях, когда в российском обществе идет процесс социальной дифференциации, актуальной остается необходимость решения материальных проблем малоимущих слоев населения. В этой связи исторический опыт участия священнослужителей в одном из достаточно успешных социальных проектов дореволюционной России представляет большой интерес. Речь идет о внедрении кредитной кооперации.

Священнослужители объективно оценивали значение крестьянства для аграрной России, хорошо понимали необходимость его поддержки. Кооперативные объединения могли сыграть в этом положительную роль.

Среди православных священников дореволюционной России было много тех, кто считал, что заботы об улучшении экономического положения верующих входят в круг обязанностей духовных наставников, поэтому духовенство должно было, по их мнению, принимать активное участие в создании таких объединений как кредитные товарищества. Испытывая острую потребность в кредите, крестьяне не могли получить его, так как не имели возможности выполнить требования коммерческих банков. А ссудо-сберегательные товарищества, как разновидность кооперативного объединения, могли сами выдавать крестьянам, а также ремесленникам и мелким торговцам краткосрочный кредит.

Считается, что началом истории кредитной кооперации России, которая в основном была крестьянской, стало утверждение 22 октября 1865 г. Устава ссудо-сберегательного товарищества в селе Рождественском Костромской губернии. Основателями Рождественского ссудо-сберегательного товарищества были либеральные помещики братья Лугинины — Святослав и Владимир. Святослав Фёдорович (1838—1866 гг.), проживая за границей, познакомился с работой кооперативов Шульце-Делича и решил воплотить их опыт в имени своего отца. Весной 1864 г. он написал Устав, который подписал 21 чел.: 7 служащих имения, 12 крестьян, священник и унтер-офицер. Как видим, среди первых членов товарищества имелся и священник, авторитет которого значительно повышал доверие крестьян к кооперативам.

Устав был утвержден 22 октября 1865 года. Однако увидеть практическую работу своего кооператива Святославу Лугинину было не суждено: 1 апреля 1866 г. он умер в Ницце. Его брат, Владимир Фёдорович (1834—1911 гг.), 17 июля 1866 г. провел первое общее собрание членов товарищества. Общество начало действовать. Отец Лугининых дал 1000 руб., члены товарищества должны были вносить по 15 коп. за счет паев. Изменение Устава и прочее в товариществе не могло быть произведено без согласия Лугининых. Дела первое время шли неважно, паи вносились плохо, взятые в ссуду деньги поступали неисправно. Однако к концу второго года удалось получить незначительную прибыль.

Ставропольская губерния входила в число тех регионов страны, где кооперативное движение развивалось наиболее успешно. Она опережала подавляющее большинство других российских регионов. Священнослужители Ставрополя внесли заметный вклад в развитие кредитной кооперации дореволюционной России.

Первоначальной формой кредитной кооперации в губернии являлись сельские банки, созданные на основе общероссийского закона от 25 января 1883 года. Они носили сословный характер. Согласно Уставу, сельские банки были призваны предоставлять возможность получить денежные ссуды, а также доходы на внесенный крестьянами капитал.

В Ставропольской губернии первые сельские банки открылись в 1887 г. в селах Прасковейском и Урожайном. В дальнейшем их число систематически возрастало. В 1892 г. было уже 3 сельских банка, в 1893 — 4, 1894 — 7, 1895 — 11, 1896 — 17, а в 1897 г. — 18. Капиталы сельских банков губернии первоначально были невелики, но они быстро росли. В 1887 г. они составили 3000 руб., в 1890 — 4000, в 1895 — 20 600., в 1900 — 200 000, в 1905 г. — 571 000 рублей¹. Вклады в сельские банки увеличивались по мере расширения их сети и приобретения ими авторитета среди крестьян.

Принятый в 1894 г. новый Устав Государственного банка Российской империи стал своеобразным стартом для модернизации всей кредитной системы страны, одним из направлений деятельности которой стала кредитная кооперация.

Новое Положение об учреждениях мелкого кредита, принятое 1 июня 1895 г., установило три типа подобных кантор: ссудо-сберегательные товарищества и кассы (кооперативные учреждения с паевыми взносами), кредитные товарищества (вновь введенный тип кооперативных учреждений, без паевых взносов) и сельские (волостные) банки (учреждения сословные).

В 1896 г. был принят образцовый Устав ссудо-сберегательного товарищества. В 1904 г. вступило в действие новое Положение об учреждениях мелкого кредита. В соответствии с данным Положением было образовано Управление по делам мелкого кредита, в ведение которого было передано осуществление надзора за ссудо-сберегательными товариществами.

Первое такое товарищество в г. Ставрополе возникло в ноябре 1876 года. Его основателем стал ставропольский мещанин А.А. Рябцев, занявший пост его первого председателя. Начальный капитал товарищества составил 500 руб. 92 копейки. Кассы и товарищества являлись учреждениями мелкого кредита, задачей которых было осуществление оборота капитала, сложенного из паевых взносов с привлечением кредита Госбанка, с целью получения прибыли. Учреждения мелкого кредита действовали до 1919 г. и входили в систему министерства финансов².

Организатором первого в губернии кредитного товарищества в с. Кугульта был местный земский начальник И.В. Введенский. Устав этого товарищества был утвержден 30 апреля 1898 г. решением министра финансов. Однако из-за перевода Введенского в другое место деятельность Кугультинского товарищества началась только в 1905 году.

Первым действующим в Ставропольской губернии кооперативом стало кредитное товарищество в с. Малые Ягуры, организованное в 1902 году. Затем кредитные товарищества были образованы в селах Вознесенском, Митрофановском, Винодельном, Благодатном и других. К началу 1905 г. в губернии насчитывалось уже 12 кредитных товариществ (10 — в Благодаренском и 2 — в Ставропольском уездах). По общему количеству кредитных товариществ Ставропольская губерния находилась на 14 месте в стране. На Северном Кавказе в это время насчитывалось всего 35 товариществ³.

Устав кредитных товариществ, предоставляя населению возможность пользоваться дешевым кредитом, в то же время требовал неукоснительного выполнения взятых на себя обязательств. Именно поэтому финансовое положение таких товариществ было достаточно устойчивым. Постепенно рос их авторитет среди частных лиц и торговых фирм, увеличивались размеры вкладов и ссуд.

Процесс создания кооперативных объединений в Ставропольской губернии во многом активизировался благодаря просветительской деятельности священнослужителей. Так, в с. Янкуль Александровского уезда Ставропольской губернии организатором кредитного товарищества стал священнослужитель Виктор Васильевич Филиппов, который приехал в село 22 октября 1907 г. на

место священнослужителя церкви Преображения Господня. В.В. Филиппов, познакомившись с жизнью своих прихожан, понял, что многие живут очень бедно, и им нужна не только духовная, но и материальная поддержка.

После того, как Виктор Васильевич посетил хутора Терновыи-1 и Терновыи-2, он убедился в правильности своих мыслей. Будучи человеком грамотным, Филиппов начал изучать кредитную и потребительскую кооперацию. В своих воспоминаниях он писал: «В газете “Свет” я прочитал, что один господин рекомендовал в селах организовывать кредитные товарищества и так называемые потребительские общества бедных и середняков»⁴. Однако окончательное решение о необходимости оказать содействие в создании кооператива священник принял после обращения к нему односельчанина, который в 1906 г. уже «делал попытку» организовать кредитное товарищество и «Потребиловку».

Начать создание товарищества было решено с объяснения крестьянам «всей полезности данного предприятия». Филиппов уделял много времени проведению просветительных бесед, объясняя беднякам и середнякам, что именно кооперативы помогут крестьянам улучшить свое материальное положение. После большого количества бесед с крестьянами было решено созвать собрание, на котором постановили: «Организовать Кредитное товарищество, а часть взносов потратить на постройку конторы, приобретение мебели и нескороаемой кассы». Протокол послали в Ставропольский банк на утверждение и выдачу ссуды. Банк утвердил организованное Янкульское кредитное товарищество и выделил ссуду в размере 3000 рублей⁵.

Общее собрание выбрало правление кредитного товарищества в составе: Филиппова Виктора Васильевича, председателя товарищества; Браилко Тараса Ивановича, заместителя председателя; Акименко Трофима Фёдоровича, казначея; Лоб Герасима Андреевича, ответственного за решение хозяйственных вопросов.

В первый год деятельности ни председатель товарищества, ни члены правления не получали заработной платы. При командировке им выдавались суточные в размере 5 рублей. Эта сумма могла быть увеличена в зависимости от стоимости билета на железную дорогу, питания и нанимаемых подвод.

К началу 1912 г. число пайщиков в кредитном товариществе уже составило 1200 чел., а запасный капитал — около миллиона рублей. Членами кредитного товарищества были крестьяне села Янкуль, хуторов: Кианкиз, Дубовая Балка, Дворцовый, Полтавский и Терновыи-1⁶.

Янкульское кредитное товарищество на выданную ссуду закупило: сенокосилки, жатки, сеновязалки, грабли, плуги, подводы. Лес кредитное товарищество получало из Царицына.

Из воспоминаний Филиппова следует, что «все перечисленное раздавалось членам Товарищества в кредит на период от 6 месяцев до одного года. Члены товарищества использовали данный им инвентарь в работе на помещика Филиберта. Крестьяне косили ему сено, убирали хлеб. За сезон зарабатывали “хорошие” деньги, рассчитывались с Кредитным товариществом за сельскохозяйственный инвентарь, и еще оставалось достаточное количество денег для расходов в личном хозяйстве»⁷.

В 1912 г., на годовом отчетном собрании, были высказаны мнения о необходимости дальнейшего существования кредитного товарищества, а также отмечены руководители товарищества. В протоколе № 5 от 30 января 1912 г. было записано: «За умелое руководство товариществом и отеческую заботу о крестьянах собрание постановило: 1). Наградить Филиппова Виктора Васильевича золотым крестом с украшениями, стоимостью 300 руб.⁸; 2). Наградить Браилко Тараса Ивановича, заместителя Председателя, золотыми именными часами, стоимостью 200 руб.»⁹.

Благодаря активной деятельности священника Филиппова и членов правления, организованное в с. Янкуль кредитное товарищество не только успешно функционировало, но и оказало влияние на укрепление материального положения крестьян, улучшение технического оснащения хозяйств. Это далеко не один из наиболее ярких примеров.

Из сохранившихся документов и воспоминаний участников событий следует, что священнослужители принимали активное участие в организации и повседневной деятельности кредитных товариществ. Это оказало положительное влияние на развитие кооперативного движения в Ставропольской губернии.

Показателем высокого уровня развития кредитной кооперации на Ставрополье являлось также создание кооперативных союзов. Для организации деятельности кредитной кооперации был проведен губернский съезд представителей кредитных учреждений губернии (5—8 декабря 1908 г.). На нем присутствовало 114 делегатов от 55 кредитных кооперативов.

Первым же кооперативным объединением в губернии стал союз кредитных учреждений Благодаренского уезда (его правление находилось в Ставрополе), учрежденный в 1908 году. Он был одним из 10 кооперативных союзов, существовавших в стране. В последующий период союз расширил географию своей деятельности, охватил большинство уездов Ставропольской губернии. В 1911 г. он был переименован в Ставропольский губернский союз (штаб-квартира в Ставрополе). В это же время шла работа по созданию Московского Народного банка, стремившегося стать центром кооперативных учреждений.

К началу 1914 г. Ставропольская губерния занимала одно из ведущих мест в России по уровню развития кредитной кооперации.

В количественном и качественном отношении кредитная кооперация играла заметную роль в жизни деревни. Ее деятельность способствовала более интенсивному втягиванию крестьянства в товарно-денежные отношения, ускорила превращение простого мелкотоварного производства в товарно-капиталистическое производство.

Так, на 1 января 1914 г. на Ставрополье было открыто 164 кредитных кооператива различных форм (53 кредитных товарищества, 6 ссудно-сберегательных, 105 сословных учреждений мелкого кредита). Они оказывали населению значительную помощь предоставлением ссуд, занимались посредническими операциями при приобретении сельскохозяйственных машин и орудий труда. В некоторых ссудно-сберегательных товариществах в качестве председателей правления и счетоводов были местные священники.

Кредитные товарищества явились и первыми культурными центрами в деревне, работа которых воспитывала у крестьян стремление к самостоятельному улучшению жизни.

Дать объективную оценку событий невозможно без того, чтобы не рассмотреть решение Святейшего Синода о запрете священникам участвовать в работе ссудно-сберегательных товариществ. По мнению исследователя А.Л. Вычугжанина, «причиной такого решения было нежелание церковного руководства давать повод для нападков на Церковь в то смутное время»¹⁰. Это решение привело к некоторому оттоку священнослужителей из кооперативов.

После принятия в 1904 г. нового Закона о кредитной кооперации, целью которого было создание массовой сети кредитных кооперативов в форме кредитных товариществ, остро встал вопрос об их организаторах. Силой, которая реально могла организовать такую деятельность на селе, были священнослужители. Именно они имели авторитет, достаточный уровень грамотности и обладали организаторскими способностями.

Об актуальности их участия в организации кооперативных объединений говорит факт обращения министра финансов В.Н. Кокковцова в Святейший

Синод с просьбой отменить запрет на участие священников в организации и работе кооперативов. Отказ Синода стал предметом обсуждения не только на государственном уровне, но и в среде служителей церкви.

Так, в 1907 г. в Хронике учреждений мелкого кредита было опубликовано письмо священника Л., который сам на протяжении нескольких лет возглавлял кредитное товарищество, а после запрета Святейшего Синода отошел от дел. Это значительно осложнило материальное положение членов товарищества. В статье «Подобает ли священнику устраивать кредитное товарищество и вести его дела» священнослужитель писал о том, что к нему неоднократно обращались крестьяне с просьбой о помощи: «Не дай нам умереть с голоду, все заложено, а больше не дают, дай денег на хлеб...». По мнению священника, отказ крестьянам в такое тяжелое время — это безнравственный поступок¹¹.

Анализируя процессы, происходившие в России, председатель совета Вейделевского кредитного товарищества священнослужитель Феодор Алфёров в 1908 г. высказал мнение о том, что «недалеко то время, когда все наше Отечество покроется густой сетью кооперативных учреждений — естественных рычагов народной культуры — и нашему пастырскому сословию предстоит, по моему разумению, огромная впереди задача, не отгораживаясь от интересов государства, не закупориваясь все глубже и глубже в свою кастовую скорлупу, поспешить навстречу народной нужде со своей посильной помощью и с Христовой закваской...»¹²

Священники Алфёров, Филиппов и многие другие священнослужители — созидатели кооперативов — отнеслись к Указу Синода с большим прискорбием. Они искренне считали, что священники могут успешно совмещать проповедь христианского учения и хозяйственную деятельность.

Известно, что священнослужители на селе сами находились в непростом материальном положении и при этом делали все, чтобы повысить материальный уровень крестьян. С позиции сегодняшнего дня необходимо рассматривать их деятельность как подвижничество. Сельские батюшки полностью жили интересами своих прихожан, именно это обеспечивало им высокий уровень авторитета среди крестьян.

Поэтому, когда в 1909 г. Коковцову все же удалось убедить Святейший Синод и получить его согласие, сотни священников с большим энтузиазмом приняли участие в создании и непосредственном руководстве кредитными товариществами.

Современное российское кооперативное движение, к сожалению, не может в полном объеме опереться на Русскую Православную церковь, как это было в дореволюционной России. При этом влияние церкви на развитие международного кооперативного движения сохранилось и сегодня. Католические и протестантские кооперативы создаются и в современном мире — в Бельгии, Голландии, Швейцарии и других странах.

Как показало исследование, в конце XIX — начале XX в. представители Русской Православной церкви выступили в необычном для себя качестве — организаторов кредитных товариществ, которые достаточно успешно справлялись с возникавшими проблемами. Продемонстрировав высокий уровень духовности, образованности и трудолюбия, священники внесли свой вклад в зарождение и развитие кредитной кооперации в России.

Исторический опыт показал, что кооперативные принципы и религиозные заповеди созвучны и могут способствовать выполнению высокой социальной миссии — повышению благосостояния малоимущих слоев населения, поднятию их культурного уровня.

Примечания

1. КУЩЕТЕРОВ Р.М., КРАВЧЕНКО И.Н. Кредитная кооперация. Ставрополь. 2006, с. 50.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК), ф. 150, оп. 1, д. 24, л. 3.
3. КРАВЧЕНКО И.Н. Кредитная кооперация: история развития и современное состояние. Ставрополь. 2006, с. 34.
4. Личный архив автора. Из воспоминаний В.В. Филиппова. Тетрадь 1, с. 30.
5. АЛТУХОВ А.А. История сберегательного дела на Северном Кавказе. Ставрополь. 2006, с. 57.
6. Личный архив автора, с. 32.
7. Там же, с. 33.
8. В годы Великой Отечественной войны священник В.В. Филиппов отдал все личные золотые изделия, в том числе и этот золотой крест, на нужды фронта.
9. Личный архив автора, с. 39.
10. ВЫЧУГЖАНИН А.Л. Участие русской православной церкви в развитии кредитной кооперации. — Экономические стратегии. 2010, № 11, с. 107.
11. Там же, с. 108.
12. Там же, с. 109.

Северо-западные владения Азербайджана в русской историографии XIX — начала XX в.

Э.М. Летифо́ва

Аннотация. К началу XIX в. на северо-западе Азербайджана имелись государственные образования, представлявшие важное военно-стратегическое и экономическое значение. Этим и был вызван огромный интерес представителей русской историографии XIX в. к исследованию разных аспектов данного региона.

В представленной работе проведен анализ трудов русских авторов, освещавших историю северо-западных территорий Азербайджана. Указанные материалы по своему характеру и времени появления распределены по трем периодам: первая треть XIX в., 40–70-е гг. XIX в. и 80-е гг. XIX — начала XX века. Несмотря на определенные недостатки, данные труды содержат богатый фактический материал по истории исследуемого региона.

Ключевые слова: Джаро-Белоканские джамааты, Шекинское ханство, Илисуийское султанство, историография, Азербайджан.

Abstract. By the beginning of the XIX century in the north-west of Azerbaijan there were states, which had important military-strategic and economic importance. That's why there a great interest of representatives of Russian historiography of the XIX century to the study of the region in various aspects.

In the present article we analyze the works of Russian authors, covering the history of the north-western territories of Azerbaijan. The materials on the nature and time of appearance in the article distributed in three periods: the first third of the XIX century, 40-70 years of XIX century and the 80-ies XIX-early XX century. Despite certain shortcomings, these works contain a rich of factual material on the history of this region.

Key words: Jaro-Belokany societies, Sheki khanate and Ilisu sultanate, Historiography, Azerbaijan.

XIX в. явился переломным периодом в истории народов Кавказа. С этого времени начался новый этап активизации политики Российской империи в регионе.

После 1801 г. российские владения на Кавказе стали быстро расширяться к востоку и расти за счет азербайджанских ханств, захватывая Гянджу, Карабах, Шеки, Ширван и т.д. Однако для укрепления своих позиций на Южном Кавказе царское правительство должно было подчинить северо-западные территории Азербайджана, имевшие весьма выгодное военно-стратегическое положение и создававшие постоянную угрозу для дальнейших планов царского правительства в регионе. После подписания Манифеста 12 сентября 1801 г. о присоединении Восточной Грузии (Кахетии) к Российской империи создавались благоприятные условия для

Летифо́ва Эльвира Магомед гызы — кандидат исторических наук, доцент Бакинского государственного университета. E-mail: eletifova@mail.ru.

Letifova Elvira Muhammed qizi — PhD, associate professor of the Baku State University. E-mail: eletifova@mail.ru.

дальнейшего завоевания земель Южного Кавказа. В частности, территория Кахетии могла послужить удобным плацдармом для наступления русских войск на азербайджанские земли.

Покорение азербайджанских ханств планировалось начать с граничащих с Кахетией северо-западных территорий, где в то время существовали Джаро-Белоканские джамааты, Шекинское ханство и Илисуйское султанство.

Особое беспокойство у царского правительства вызывали соседние с Кахетией Джаро-Белоканские джамааты, которые могли препятствовать утверждению в регионе царской власти. Экспансия Российской империи в Джарскую область обосновывалась благородной миссией — «защитой обывателей грузинских от хищников»¹. В действительности Российской империю больше интересовало приобретение новых земель и закрепление на них. Истинные цели этой политики раскрываются при ознакомлении с содержанием одного из рапортов П.Д. Цицианова Александру I: «Занятие сих постов и вкупе водворение оружия в Джарской области, для подлежащих видов нужного сообщения Грузии с Бакою, доставить могут способнейший путь через Нуху и Шемаху без затруднительных через реки переправ»². Таким образом, речь шла об экономических и стратегических преимуществах края для Российской империи. Военная экспедиция в Джар после тщательной подготовки была предпринята 2 марта 1803 г. под командованием генерала В.С. Гулякова³. Несмотря на героическое сопротивление джаро-белоканцев, которым помогали и илисуйские отряды, Гулякову удалось взять Белокан. Мир был заключен на следующих условиях: принятие Джарскими обществами и Илисуйским султанством российского подданства; отказа от предоставления убежища грузинскому царевичу Александру, выступавшему против утверждения в Грузии русской власти; выплаты ежегодной дани в два срока⁴. Однако, несмотря на заключенный мир, ни одно из его условий не выполнялось ни Джаро-Белоканскими джамаатами, ни Илисуйским султанством. Обращает на себя внимание и тот факт, что Али султан Илисуйский не принимал личного участия в заключении мира с П.Д. Цициановым, а лишь отправил туда трех юзбашей. В январе 1804 г. царское правительство, с целью наказания джарцев за невыполнение условий договора, отправило против них карательную экспедицию во главе с генералом Гуляковым⁵. В результате провала второй экспедиции генерала в Джар, стоившей ему жизни, позиции Российской империи в северо-западных регионах Азербайджана значительно ослабели. Илисуйскому султанству и Джаро-Белоканским вольным джамаатам суждено было стать одним из форпостов активной освободительной борьбы против завоевательной политики Российской империи на Кавказе.

Покорение владений, существовавших на Кавказе до прихода сюда русской армии, проводилось различными методами — путем переговоров, заключения договоров (примером может служить Шекинское ханство, с которым был заключен договор в мае 1805 г. — Э.Л.), военным вторжением. Ответом на эту политику явилось мощное освободительное движение в разных частях Кавказа.

Джаро-Белоканские джамааты, Шекинское ханство и Илисуйское султанство, расположенные на северо-западе Азербайджана, и после покорения оставались беспокойными территориями для царского правительства.

Наряду с покорением владений на Кавказе шел процесс изучения новых территорий, преследовавший экономические и политические цели: содействовать наиболее выгодному экономическому освоению новоприобретенных земель, а также помочь царскому правительству выявить наиболее приемлемые и эффективные методы укрепления своей власти на новых территориях.

Постепенно в российской печати и научных кругах стал возрастать интерес к истории, этнографии, экономике новоприобретенных земель. Уже в первой четверти XIX в. появились труды русских историков по истории и культуре населения Джаро-Белоканских джамаатов, Илисуйского султанства и Шекинского ханства в периодической печати, различных сборниках, а также в форме отдельных трудов.

Указанные материалы по своему характеру и времени появления можно распределить по трем периодам.

Первый охватывает начало XIX века. Здесь следует отметить статьи М.А. Коцебу «Сведения о Джарских владениях. 1826 г.»⁶ и Т.Н. Яишникова «Описание владения Илисуйского султана 1831 г.»⁷. В 1829 г. на страницах газеты «Русский инвалид или Военные ведомости» появилась статья автора с инициалами «Т.В.» под названием «О Чарских и Белоканских лезгинах»⁸. Одним из первых русских авторов, осветивших историю исследуемого региона можно считать и П. Зубова. В третьей части его «Картины Кавказского края», вышедшей в 1835 г., уделено место этнографическому описанию населения Джаро-Белоканской области⁹.

Среди трудов, вышедших в рассматриваемый период и посвященных изучению Кавказа, в том числе и Азербайджана, следует отметить также книгу «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях»¹⁰. Хотя исследуемой теме в указанном труде уделено незначительное место, тем не менее, весьма ценными для нас являются имеющиеся в нем первые статистические данные об Илисуйском султанстве¹¹.

Для авторов почти всех вышеперечисленных трудов характерно стремление к статистическому и экономическому описанию феодальных владений Азербайджана. Подобное стремление объясняется тем, что в тот период эти описания были необходимы для определения размеров дани в пользу царской казны с каждого из завоеванных владений, а также для их дальнейшего экономического освоения.

Второй период появления публикаций русских авторов о Кавказе охватывает 40—70-е гг. XIX века. В это время вышел в свет ряд публикаций, освещающих историю и этнографию северо-западных владений Азербайджана. Так, в 1841 г. была издана статья Д.Е. Зубарева «Поездка в Кахетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область»¹². Большое значение имеют описание на основе личных наблюдений Зубарева нравов и обычаев местного населения, а также толкование этимологии названия с. Илису¹³.

Ряд публикаций, посвященных изучению общественного строя Джаро-Белоканских джамаатов и Илисуйского султанства, появился в этот период на страницах газеты «Кавказ». Среди них следует отметить статьи О.И. Константинова «Джаро-Белоканцы до XIX столетия»¹⁴, Н. Колюбакина «Об отношениях поселенцев к владельцам земли в Белоканском округе»¹⁵, К. Никитина «Очерк Илисуйского ущелья»¹⁶.

Сведения этнографического характера содержатся также в статье А. Посербского «Очерк Закатальского округа», напечатанной в «Кавказском календаре»¹⁷. В ней помещены статистические данные об экономике и вероисповедании населения Закатальского округа (был создан в 1860 г. в результате объединения территорий бывших Джаро-Белоканских джамаатов и части Илисуйского султанства). Автор дает описание каждого из живущих здесь этносов с разделением их на «коренных» и «пришлых», характерным для великодержавной историографии.

Совершенно особое место среди трудов XIX в. по истории Кавказа занимают материалы, собранные в «Актах Кавказской Археографической Комиссии». Они были изданы в 12-ти томах под редакцией выдающегося русского востоковеда А.П. Берже (два последних тома после смерти Берже в 1886 г. вышли под редакцией Д.А. Кобякова)¹⁸. Акты представляют собой официальное издание документов, извлеченных из архива Главного управления наместника Кавказского. Туда вошли такие ценнейшие источники по истории Илисуйского султанства, как фирманы сефевидских шахов и турецких султанов на имя илисуйских султанов, позволяющие исследовать исторические условия, в которых закладывались основы указанного владения. По ним можно проследить также некоторые аспекты этнополитической истории исследуемых территорий в период со второй половины XVI до первой половины XVIII века.

В целом, в АКАК собрано большое количество писем, отношений, рапортов, проектов и предписаний русских военачальников и представителей царской администрации, проливающих свет на методы, применявшиеся при покорении Российской империей Кавказа, в том числе и северо-западных владений Азербайджана. Следует отметить, что подавляющее большинство восточных документов, вошедших в АКАК, было переведено известным азербайджанским писателем и мыслителем М.Ф. Ахундовым, которого привлек к сотрудничеству Берже.

Весьма ценными для исследования хронологии и характера правления в Илисуйском султанстве, а также некоторых других вопросов, являются генеалогические таблицы, содержащиеся в третьем и пятом томах АКАК¹⁹. В них приводятся имена всех правителей Илису и их потомков, начиная с основоположника султанства Ади Куркулу бека (1562—1607) до последнего его правителя Даниял султана Илисуйского (1831—1844).

В 70-х гг. XIX в. на страницах «Сборника сведений о кавказских горцах» появился ряд обширных статей, содержавших богатый фактический материал по Джаро-Белоканским джамаатам и Илисуйскому султанству. Так, статья А. Фон-Плотто «Природа и люди Закатальского округа», изданная в 1870 г. в IV выпуске вышеуказанного «Сборника», представляет большой интерес для этнографического изучения населения Закатальского округа, включавшего бывшие Джаро-Белоканские джамааты и большую часть Илисуйского султанства²⁰. Автор впервые дает подробное описание свадебных и похоронных обрядов населения Закатальского округа, а также приводит образцы различных жанров устного народного творчества местных этносов, записанных им лично²¹. В указанной статье также освещены некоторые стороны материальной и духовной культуры аваров, ингилоев, мугалов и цахуров, составлявших основные этносы округа²².

Однако Фон-Плотто, следуя традиции других русских историков XIX в., писал, что якобы коренными жителями Закатальского округа являлись лишь грузины, имея в виду ингилоев²³. Остальные этносы, проживавшие здесь, он ошибочно считал «пришлыми».

Следует отметить, что указанная тенденция разделения населения региона, отличавшегося этнической пестротой, а также проводившаяся здесь политика христианизации ингилоевского населения, вносила раздор в отношения местных этносов, на протяжении многих веков проживавшего рядом и не знавшего конфликтов на этнической и религиозной почве.

Богатый фактический материал содержится в статье И.П. Линевича «Бывшее Илисуйское султанство», опубликованной в VII выпуске «Сборника»²⁴. Ценность указанной статьи заключается в том, что при ее написании автор использовал материалы из АКАК и журналов Закатальской сословно-поземельной комиссии, работавшей здесь с 60-х гг. XIX в. с целью подготовки аграрной реформы. Определенные сведения почерпнуты Линевичем из вышеуказанной статьи Фон-Плотто.

Однако, касаясь вопроса о возникновении Илисуйского султанства, Линевич, как и другие его современники, пытался доказать, что якобы оно возникло на исконной территории Восточной Кахетии вследствие ее завоевания «лезгинами»²⁵.

Следует отметить, что подобное искаженное представление истории не только Илисуйского султанства, но и остальных мусульманских владений Кавказа было характерно практически для всех историков того периода. В целом, оно соответствовало политической линии царского правительства, не доверявшего мусульманскому населению покоренных земель и видевшего своей надежной опорой христианское население. В частности, именно для этого правительство шло на уступки и сговор с духовенством и аристократией Грузии, обещая им прилежащие к ней территории Джаро-Белоканских джамаатов и Илисуйского султанства.

В статье «Несколько данных для определения экономического быта жителей Илисуйского наибства Закатальского округа», помещенной в VII выпуске «Сборника» имеются ценные сведения о таких важных отраслях хозяйства султанства, как земледелие и скотоводство²⁶.

Для определения динамики численности населения султанства, а также его этнического и религиозного состава, важное значение имеют камеральные описания, производившиеся в 1859, 1871 и 1873 годах²⁷. При их изучении нельзя не заметить одну особенность: в первых описаниях ингилоевское население Закатальского округа значится как «ингилои-мусульмане» и «ингилои-христиане», а уже в последующих списках они зафиксированы как «грузины-магометане» и «грузины-христиане». Подобная тенденция на фоне изменения вероисповедания в результате религиозной политики имела целью искусственное изменение самоназвания и самосознания ингилоев с их последующим причислением к грузинам.

В трудах рассматриваемого периода наибольшее место отводилось изучению нравов и обычаев, экономики и сословно-поземельных отношений на территории Илисуйского султанства и в Закатальском округе в целом. Материалы указанного характера требовались для подготовки и проведения аграрной реформы в Азербайджане, в частности и на исследуемой территории.

Третий период появления публикаций по истории и этнографии населения Кавказа, в том числе и северо-западных владений Азербайджана, охватывает 80-е гг. XIX — начало XX века. Подавляющее большинство их составляют статьи, опубликованные на страницах «Трудов Кавказского Общества Сельского хозяйства (КОСХ)», «Известий» и «Записок КОИРГО», «СМОМПК», «Свода», «Кавказского календаря» и т.д. Примечательно, что в указанных сборниках стали появляться публикации местных авторов (М. Джанашвили, А. Байрамов и др.). Так, уроженец села Ках Джанашвили опубликовал статьи, содержащие определенные сведения этнографического характера. В его статье «Краткий очерк Кахского участка» дается описание хозяйственного и общественного быта, материальной культуры населения бывшего Илисуйского султанства²⁸. Весьма полезные материалы этнографического характера имеются и в других статьях автора²⁹.

Из остальных авторов рассматриваемого периода наиболее значительные сведения историко-этнографического характера об исследуемом регионе имеются в статье Д. Бахрадзе «Заметки о Закатальском округе», изданной в 1890 г.³⁰, И. Степанова «Закатальский округ», опубликованной в 1891 г. и посвященной особенностям шерстяного производства на исследуемой территории³¹, К. Гана «Путешествие в Хахетию и Дагестан летом 1898 года»³² и др.

Для изучения состояния народного образования, основных занятий и религиозного состава местного населения очень ценным является «Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Закатальский округ»³³.

Среди крупных монографий начала XX в., содержащих определенные сведения по исследуемой теме, можно выделить первый том труда С. Эсадзе «Историческая записка об управлении Кавказом»³⁴, а также второй том книги П.И. Ковалевского «Кавказ. История завоевания Кавказа»³⁵.

Здесь же следует отметить статью В. Линдена «Закатальский округ», увидевшую свет в 1916 году³⁶. В ней имеются подробные сведения об образовании, общественно-политическом и поземельном устройстве исследуемого региона, а также об обстоятельствах его завоевания Российской империей, заимствованные в основном у авторов XIX века. Однако в отличие от них у Линдена имеется свой взгляд по ряду вопросов. Так, говоря об изначальной принадлежности исследуемой территории Кавказской Албании, автор рассматривает мугалов в качестве коренного населения.

Сведения о «тохуме» у цахурцев имеются в книге М.М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе»³⁷.

В данной работе мы попытались охватить исследования авторов XIX в., наиболее обстоятельно осветивших вопросы истории, быта, нравов и обычаев населения исследуемого стратегически важного региона Кавказа. Почти во всех работах того времени авторы отводили значительное место вопросам возникновения, а также общественного строя как Джаро-Белоканских джамаатов, так и Шекинского ханства и Илисуйского султанства, не интересуясь при этом особенностями материальной и духовной культуры местных этносов. Большинство авторов не являлись по специальности историками или этнографами (в основном это были военные и представители царской администрации), чем и объясняется некоторая поверхностность их этнографических наблюдений. Авторы же крупных монографий по истории Кавказа являлись, в первую очередь, военными историками, и поэтому в их трудах центральное место уделялось военным событиям. Тем не менее, нельзя отрицать огромное значение богатого фактического материала, собранного авторами того времени путем собственных наблюдений.

Примечания

1. ПЕТРУШЕВСКИЙ И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX века. Махачкала. 1993, с. 89.
2. Рапорт кн. Цицианова Александру I от 17-го апреля 1803 года. АКАК. Т. II. Тифлис. 1868, д. 1387, с. 918.
3. БАКРАДЗЕ Д. Заметки о Закатальском округе. ЗКОИРГО. 1890, кн. XVI, с. 260.
4. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 12-го марта 1803 года. АКАК. Т. IX. Тифлис. 1883, д. 3, с. 686.
5. ARZU ƏSRƏF qızı. Car-Balakən camaatlıǵı (XVII əsrin sonu — XIX əsrin 30-cu illəri). Bakı. 2009, s. 121—122.
6. КОЦЕБУ М.А. Сведения о Джарских владениях. ИГЭД. М. 1958, с. 304—305.
7. Там же.
8. О Чарских и Белоканских лезгинах. — Русский инвалид или военные ведомости. 29.I.1829, № 19.
9. ЗУБОВ П. Картина Кавказского края. Ч. III. СПб. 1835.
10. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношении. Ч. I. СПб. 1836.
11. Там же, с. 24.
12. ЗУБАРЕВ Д.Е. Поездка в Кахетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область. — Русский вестник. 1841, т. II, вып. VI, с. 509—678.
13. Там же, с. 556.
14. КОНСТАНТИНОВ О.И. Джаро-Белоканцы до XIX столетия. Сборник газеты «Кавказ». Тифлис. 1847.
15. КОЛЮБАКИН Н. Об отношениях поселян к владельцам земли в Белоканском округе. — Кавказ. 1848, № 52.
16. НИКИТИН К. Очерк Елисуйского ущелья. — Кавказ. 1866, № 67.
17. ПОСЕРБСКИЙ А. Очерк Закатальского округа. Кавказский календарь на 1866 год. Тифлис. 1865.
18. АКАК. Тифлис. 1866—1904.
19. Генеалогическая таблица Елисуйских султанов. АКАК. Т. III. Тифлис. 1869, с. 326; Генеалогия Елисуйских султанов. АКАК. Т. V. Тифлис. 1873, с. 1121.
20. ФОН-ПЛОТТО А. Природа и люди Закатальского округа. ССКГ. Тифлис. 1870, вып. 4., с. 1—62.
21. Там же, с. 28—62.
22. Там же, с. 19—28.
23. Там же, с. 5—6.
24. ЛИНЕВИЧ И.П. Бывшее Елисуйское султанство. ССКГ. Тифлис. 1873, вып. VII, с. 1—54.
25. Там же, с. 2.
26. Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского наибства Закатальского округа. ССКГ. Тифлис. 1873, вып. VII, с. 1—12.
27. Население Закатальского округа. ССКГ. Тифлис. 1871, вып. V, с. 6—8.
28. ДЖАНАШВИЛИ М. Краткий очерк Кахского участка. — Труды КОСХ. 1887, № 3, с. 244—273.
29. ЕГО ЖЕ. Ингилойские сказки. СМОМПК. Тифлис. 1903, вып. 32; ЕГО ЖЕ. По культуре риса. КСХ. Тифлис. 1895, № 64; ЕГО ЖЕ. Рис как осушитель болот. Там же, № 60.
30. БАКРАДЗЕ Д. Заметки о Закатальском округе. ЗКОИРГО. Тифлис. 1890, вып. I, кн. XVI, с. 248—281.
31. СТЕПАНОВ И. Закатальский округ. СМОМПК. Тифлис. 1891, вып. XI, с. 206—302.
32. ГАН К. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года). Там же. 1902, вып. 31, с. 49—69.
33. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Закатальский округ. Т. I. Тифлис. 1887.
34. ЭСАДЗЕ С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис. 1907.
35. КОВАЛЕВСКИЙ П.И. Кавказ. История завоевания Кавказа. Т. II. Петроград. 1915.
36. ЛИНДЕН В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края. Закатальский округ. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис. 1916, с. 296—310.
37. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. М. 1890.

Меньше года остается до столетия со дня начала Великой русской революции. Тридцать лет тому назад эта дата стала бы несомненно ключевым событием государственных праздников и всенародных торжеств. Сегодня же, в условиях смены идеологических приоритетов и реставрации государственно-охранительной системы, вряд стоит испытывать иллюзии по поводу позитивных оценок тех событий. В этой связи, заметным явлением, способным пополнить наши представления о революции и партиях, участвовавших в ней, стал выход посвященного народничеству биобиблиографического справочника. Его авторы-составители — известные в научной среде историки М.И. Леонов, его ученик К.Н. Морозов и казанский историограф А.Ю. Суслов. Безусловно, появление такого издания способно подвести определенные итоги в изучении истории народничества как течения общественной мысли, а также партий и союзов, осуществлявших эти идеи на практике. Издание такого рода предполагает систематизацию накопленного материала, выявление слабоизученных сюжетов, новых источников, историографических проблем, персоналий, определение ориентиров для дальнейшего изучения заявленной темы.

Оценивая рецензируемое издание, надо исходить из того, что это, пожалуй, первая попытка всесторонне рассмотреть источники, историографию и просопографию народнического движения. Вероятно, авторы продолжают свою деятельность и учтут наши предложения и замечания, а они начинаются уже с названия работы. В ведении нет даже попыток объяснить суть и содержание понятия «народничество». Авторы, как бы упомянули, и тут же забыли о нем. Все предисловие сводится к разъяснению цели и содержания работы, ее структуры, причем в тексте оцениваются только народнические партии, а само понятие «народничество», вынесенное в оглавление, в крайне скупом очерке «от авторов» просто отсутствует. Видимо, авторам-составителям следовало дать оценку народничеству и его дефинициям (революционное, либеральное, идеология, теоретики и т.д.) и лишь затем перейти к характеристике партий и групп, относящихся к народническим организациям. К тому же еще в опубликованных двадцать

лет назад учебниках «История политических партий России» (1994 г.) под редакцией А.И. Зевелева и «Политические партии России: история и современность» под редакцией А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева (2000 г.) приводятся вполне адекватные определения народничества и разъясняется его суть.

К безусловной удаче справочника стоит отнести перечень дореволюционной, революционной и постреволюционной периодической печати социалистов-революционеров и неонароднических организаций, действовавших с ними параллельно. На сегодняшний день это наиболее полное собрание такого плана. Очевидно, что составители хотели объединить и классифицировать все известные исторические и историографические источники. Можно утверждать, что им это удалось. Тем не менее, встречаются отдельные неточности, связанные с одинаковыми названиями газет, выходивших в разных городах в одно и то же время. Например, в справочнике отсутствуют такие издания как газета «Знамя социализма» (Уфа, 1917—1918 гг.); «Искра» (Воткинск, 1917—1918); «Социалист-революционер» (Пермь, 1918); «Социалист-революционер» (Уфа, 1918). Это незначительное замечание лишь свидетельствует о том, что нет предела совершенству.

Важнейшей частью любой исторической работы является источниковая база. Несомненно, перечисление названия фондов важно для дальнейшей работы исследователей, но нужна и характеристика этих источников — что они дают, какова их сохранность, особенности хранения и т.д. Кроме того, помимо центральных архивохранилищ существуют региональные, в которых содержатся сведения о местных организациях, иногда они дублируются, но зачастую содержат уникальные сведения. Перечисляя периодические материалы и архивохранилища, авторы почему-то опустили Архив социальной истории в Амстердаме и Гуверовского института войны, революции и мира и, наоборот, зачем-то привлекли фонд Ф.Э. Дзержинского, который, как известно, членом ПСР не был, разве что боролся с этой партией. Следуя логике составителей, можно было бы привлечь фонды и персональные дела М. Лациса, Я. Петерса, Г. Ягоды и Н. Ехова.

Другое наше замечание относится к структуре справочника. Расположение в нем трудов деятелей партии, публицистов и исследователей представляется несколько хаотичным. Они должны быть расположены в хронологическом порядке: от вышедших ранее к более поздним изданиям, однако здесь это правило не соблюдается.

И еще замечание. В справочнике почему-то не оказалось крупных работ, опубликованных в последнее время, таких как «Виктор Чернов: судьба русского социалиста» (М. 2015), подготовленной А.И. Аврусом, А.А. Голосеевой, А.П. Новиковым и «Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952)» (СПб. 2015), написанной Ханну Иммоненом. Можно предположить, что справочник уже был в издательстве, когда увидели свет данные исследования, но не совсем корректно, что число отсылок к своим работам составителями просто превышает все мыслимые нормы, а публикации других авторов представлены далеко не полно. Хотя и эта претензия не может быть отнесена в полной мере авторам-составителям, так как научные коммуникации сейчас весьма условны и зависят не только от объема финансирования науки, но и от человечес-

кого фактора, в том числе и смены приоритетов исследований.

Другое замечание более серьезное. Оно относится к просопографии, к изучению внутреннего мира историка партии социалистов-революционеров, к биографиям. Удивило крайне скупое изложение биографии самого, пожалуй, авторитетного зарубежного исследователя партии эсеров — Оливера Генри Радки — всего 4 строчки (с. 458). Также, к сожалению, не нашлось места биографии Ханну Иммонена, излишне скромно представлена биография Майкла Меланкона, но отрадно, что присутствуют сведения о М. Хильдермейере, Л. Хэффере, М. Перрье.

В целом, авторам-составителям удалось подобрать документы, раскрывающие различные аспекты истории партии социалистов-революционеров, составить библиографию проблемы, однако данная работа требует продолжения, необходимы научные комментарии и исторические справки, аналитические вводные статьи к каждому параграфу и, безусловно, наполнение новой информацией биографий исследователей.

А.А. КОНОНЕНКО

Аксаковы: семейная энциклопедия.

М. Политическая энциклопедия. 2015. 536 с.

Цель науки — получение нового знания. В то же самое время по своей природе наука очень консервативна. Ученые привыкли гордиться своей принадлежностью к школе с ее строгими принципами и давними традициями. Следуя ее правилам, они с неизбежностью воспроизводят устоявшиеся клише, даже не имея шанса сказать что-то принципиально новое. Пересмотр сложившихся канонов происходит болезненно. Разрушение научных школ оборачивается жизненными драмами. Так что научные революции требуют немалой смелости от исследователей, которые в большинстве случаев предпочитают неревolutionный путь.

Тем более это относится к категориальному языку науки. Современная история остается историей государств. Такой она складывалась еще в XIX веке. В наши дни исследователи пытаются найти иной язык описания прошлого. В центре их внимания — исторически сложившиеся регионы, не вписывающиеся в границы од-

ного государства, отдельные поселения со своими традициями и даже законами и, наконец, семьи, история которых часто оказывается существенно более протяженной, чем истории отдельных государственных образований.

Это относится и к Аксаковым, которым посвящена рецензируемая энциклопедия. Поколения сменялись поколениями, вместе с ними менялась и страна, строились города, возникали новые учреждения, раздавались новые ордена. История семьи — связующая нить, объединяющая разные эпохи, между которыми в действительности не так много общего. Полагаю, в этом заключается важнейшая задача данного энциклопедического издания — разглядеть историю России в подробностях семейной жизни Аксаковых. Именно поэтому в энциклопедию были включены не только вполне ожидаемые биографические статьи или же тексты о родовом гербе и печати, но и исследования о населенных пунктах, усадьбах (Абрам-

цево и Мураново), монастырях, тесно связанных с Аксаковыми, об учебных заведениях, где они получали образование, о государственных учреждениях и воинских формированиях, где представители рода служили, об общественных организациях и органах местного самоуправления, в которых они состояли, о военных кампаниях, в которых участвовали, о социальных институтах (например, о местничестве), с которыми они так или иначе сталкивались, о гражданских и военных чинах, которыми обладали их представители, об орденах, которые им вручили, о литературных сочинениях, обессмертивших имя Аксаковых, и, наконец, что особенно важно, об источниковой базе, историографии вопроса, отраслях исторического знания.

Вполне оправданно внимание, уделенное Сергею Тимофеевичу Аксакову и его сыновьям — Константину и Ивану. Они составили славу семейства и, прежде всего, с ними ассоциируется имя Аксаковых. Посвященные им статьи основаны на самом широком круге источников, который включает в себя и архивные материалы (РГИА, РГАЛИ, РО ИРЛИ, ЦГИА Республики Башкортостан). Впрочем, было бы несправедливым обойти вниманием и представительниц этого славного рода, оставивших после себя столь значимые исторические источники как воспоминания А.Ф. Аксаковой (урожденной Тютчевой) или же дневники В.С. Аксаковой. Наконец, история семьи — это переплетение судеб многих родов и фамилий (Алфимовых, Арсеньевых, Безобразовых, Бекетовых, Валуевых, Вельяминовых, Веригиных, Воейковых, Загоскиных, Квашниных-Самариных, Кропоткиных, Львовых, Неклюдовых, Норовых, Рахманиновых, Тютчевых и др.), ученых, государственных и общественных деятелей (Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.М. Княжевича, Л.М. Савёлова, А.С. Шишкова и др.), которым посвящены многие страницы энциклопедии.

Издание дает надежду читателю найти всю информацию о рассматриваемой проблематике, в данном случае, о семействе Аксаковых. Неслучайно, работа над энциклопедией потребовала сопряжения подходов различных исторических дисциплин (генеалогии, геральдики, фалеристики, краеведения, источниковедения, историографии и т.д.). Однако любое издание, даже энциклопедическое, не может ответить на все вопросы. Категориальный язык, понятия, которыми так или иначе оперировали представители этого семейства, — все

это могло бы найти отражение в энциклопедии. Это было бы тем более оправданно, что в данном случае речь идет об Аксаковых, чье место в интеллектуальной истории России не вызывает сомнений. Отчасти эта проблема решается благодаря замечательным статьям Н.И. Цимбаева («И.С. Аксаков», «День», еженедельная газета», «Москва», ежедневная общественно-политическая литературная газета» и др.), в которых детально анализируется развитие идей И.С. Аксакова, становление концепции славянофильства. Представляется, что в энциклопедии была бы уместна и особая статья об этом интеллектуальном течении, с которым прочно ассоциируется имя представителей семьи.

Сам интерес к Аксаковым вполне оправдан. Это тот редкий случай, когда семья — созвездие ярких и вполне самостоятельных имен в истории общественной мысли: это «патриарх» И.Т. Аксаков, его сыновья — Константин и Иван — отцы-основатели славянофильства. Наконец, Аксаковы были всегда в эпицентре общественной жизни. И, как было верно показано в энциклопедии, их гостеприимный дом был связан со многими московскими семьями.

Случай Аксаковых редкий, но не единственный. Были еще и разветвленные семейства Самариных или Хомяковых. Они тоже вполне достойны своих энциклопедий, подготовленных столь же профессионально, как и эта.

Издание завершает поколенная роспись рода Аксаковых и их семейный альбом. Они есть во многих домах и чаще всего составляют основу любого семейного архива. Пролистывая их, человек невольно оказывается хоть немного историком: он пытается разглядеть образ прошлого, рассматривая лица своих почивших предков. Семейный альбом дает ответ на, казалось бы, неразрешимый вопрос: зачем нужна история как наука? Она необходима, потому что у человека есть почти физиологическая потребность ощутить себя частью непрерывного течения времени, меняющегося и неизменного.

Это издание интересное и полезное. Его приятно взять в руки. Оно замечательно издано, содержит много иллюстраций (среди них немало уникальных фотографий из семейных архивов), которые сами по себе немало говорят о прошлом семьи и страны.

К.А. СОЛОВЬЁВ

Contents

Articles: **S.A. Papkov**. Elections to the Supreme Soviet of the USSR of 1937 year. The introduction of the Soviet electoral manipulation. Historical profiles: **B.V. Petelin**. Kurt Biedenkopf. Historical publicistics: **A.I. Tetuev**. Problem of the Russian nation in the context of the globalisation. Contributions: **K.V. Shekov**. Transport and industrial colonizational plant of Murmansk railway in 1923—1934 years; **A.P. Sheksheev**. Red terror on the Yenisei in 1920—1922 years; **Y.V. Trofimov**. Functioning of the magistrates courts in the Don Cossack region in the second half of the XIX century; **I.V. Ignatchenko**. Foreign policy of the July monarchy on the eve of the 1848 revolution in France. Debatable issues: **V.V. Dolgov**. Alexander Nevsky in the mirror of alternative history. History and fates: **G.B. Izbassarova**. Shergazi Aishuakov — the latest khan of the Younger dzus of Kazakhs; **D.P. Ursu**. Politician of the Benin Matie Kerekou. People. Events. Facts: **E.N. Derbin**, **V.V. Tikhonov**. “Little man” against “great” historians in the epoch of “late Stalinism”; **D. Luvsantserengiyin**, **S.A. Filin**. Role of the Soviet Union in the creation of the health system of the Mongolia; **G.V. Kretinin**. Events of the 20th of august 1914 near Gumbinnen — fight or battle? **M.-P.B. Abdusalamov**, **N.D. Chekulaev**. Kumik feudal possessoes and Russian military authorities in the Caucasus in the 20th — beginning of the 30th of the XVIII century; **V.I. Balakin**. Nazism in Japanese Empire in 1868—1947 years; **H.A. Bakhtiyarov**. Co-operation of the Azerbaijan with Turkic-speaking states of Middle Asia. From history of religions: **L.V. Pechalova**. Participation of Russian Orthodox church in the development of cooperation in Russia in the second part of XIX century. Historiography: **E.M. Letifova**. North-West possessions of Azerbaijan in Russian historiography of XIX — early XX centuries. *Reviews on books*: Populism and populist parties in the history of Russia in XX century (by A.A. Kononenko); Aksakovs: the family encyclopedia (by K.A. Soloviev).

Учредитель: ООО Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 11, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.10.2016. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 2587-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2017 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

**Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**